

Епископ Вениамин (Милов)

Пастырское богословие с аскетикой

Содержание:

Епископ Вениамин (Милов)

Пастырское богословие с аскетикой

Содержание:

От редакции

Введение. Предварительные сведения по пасторологии.

Задача, метод и содержание науки Пастырского богословия. Научно-систематическая Пасторология за 18 и 19 вв. в России. Нравственно-практическая пасторология в России за XIX в. Основы пастырства как богоустановленного института.

Часть 1

Пастырь пред хиротонией и по рукоположении.

Приготовление к пастырству. Сущность пастырского служения. Пастырская хиротония и благодатные дары ее. Пастырское настроение по благодати священства. Принятие пастырем “зрака пасомого.” Обрученность пастыря Церкви благодатию хиротонии. Откровенность пастырской любви. Пастырское самоотречение и смирение как вывод из настроения любви. Близость пастыря ко Христу. Стояние пред судом Божиим в пастырском самосознании. Утончение совести. Экономство в Церкви. Смиренно-возвышенность настроения пастыря. Радость для пастырей особенно тесного единения со Христом. Смелость надежды пастыря на Христа Спасителя.

Пастырские искушения

Искушения в пустыне Христа Спасителя. Виды пастырских искушений. Необходимость искушений. Искушения на почве корысти. Искушение гордостью. Соблазн к раскольничеству и сектантству. Искушение малодушием. Искушение самонадеянностью и тщеславием. Душевное пастырство. Привязывание паствы к пастырской личности. Католичество, протестантство и Православие с точки зрения идеала пастырства.

Часть 2

Пастырь на ниве служения.

Настроение пастыря в священнослужении. Священнодействие Христа Спасителя. Средоточенность, смирение и преданность Богу священнодействующего пастыря. Литургический священник. Труд над укреплением настроения пред тайнодействием. Сознание им важности благодатных Таинств по участию в них Христа и высоте пастырских полномочий.

Пастырь-проповедник.

Особенности Христова учительства в Палестине — в смысле времени, места, содержания и образности. Идея Царствия Божия в проповеди. Жизненная слава. Иисус Христос — центр проповеди. Вхождение в круг интересов пасомых и христианское освещение их. Пастырь — руководитель паствы.

Взаимоотношения пастырей.

Единодушие в пастырях. Искушение на почве зависти и честолюбия. Дух смирения в пастырях. Взаимная любовь пастырей. Соблюдение взаимного мира. Братство во взаимоотношениях. Вред недружелюбия.

Часть 3

Пастырская аскетика. Духовный опыт в пастырстве.

Неизбежность индивидуализма. Отражение опыта пастыря в руководстве и учительстве. Проповедь безнравственного пастыря. Проницательность опытных пастырей. Сила опытного слова. Сравнительное значение опыта и знание христианства. Тактика малоопытного пастыря. Помощь пастырю Господа. Совет: “Молись Господу.” Знакомство с опытом Церкви путем изучения веры и жизни по творениям святых Отцов.

Молитва и ее значение в пастырстве.

Вера и молитва. Отношение молитвы к прочим добродетелям. Пастырь — молитвенник среди паствы. Частная молитва в пастырском служении. Трудность и важность личной пастырской молитвы. Неопытность в молитве и ее следствия. Опыт молитвы в пастырском одиночестве. Влияние молитвенного настроения пастыря на паству. Духовные коррективы на молитве. Молитва посредническая. Необходимость посредничества. Примеры ходатайства за народ. Пастырское предстательство пред Богом. Народные искания пастырского посредничества. Соподчиненность в молитве с психологической точки зрения. Три формы посреднической молитвы.

Пастырское дерзновение веры.

Благодать у пастырей — ходатайствовать за других. Несердечная молитва о пасомых и мотивировка ее. Пастырское право дерзновенно ходатайствовать о пасомых. Дерзновение молитвы за других. Возгревание дерзновения и общий подъем духа пастыря. Следствия нравственного подъема. Вера просителей молитвы. Обстановка соборной молитвы. Благодатность соборной молитвы. Смирение пастыря-ходатая о пастве.

Путь воспитания молитвы.

Божия благодать и воля человека в молитве. Дар молитвы для привлечения к подвигам. Напряжение к общей чистоте. Молитвенное правило. Цель правила. Чины правила. Валаамский устав. Опасность сокращений правила. Искушения на молитве. Советы о правиле. Борьба с механической вычиткой. Божий гнев на небрежных к молитве. Попустительные очерствения. Ученая работа не заменяет молитвы. Уставность и приемы пастыря в общественной молитве.

Пастырская любовь.

Пастырю никогда нельзя утрачивать духа любви. Воспитание пастырской любви. Уклонения в пастырстве от нормы любви.

Смирение.

Смирение — главное свойство пастыря.

Крестный путь пастыря.

Преимущество в страданиях. Утешение креста. Опытность пастыря в перенесении скорбей и значение ее для возрождения паствы.

От редакции

Елики явил ми еси скорби многи и злы; и обращаься оживотворил мя еси и от бездн земли возвел мя еси (Пс. 70:20).

Епископ Саратовский и Балашовский Вениамин (в миру Виктор Димитриевич Милов) родился в городе Оренбурге 8/21 июля 1887 года, в день празднования в честь Казанской иконы Божьей Матери. Когда Виктор был лет трех, отца его, священника, перевели служить в Вятскую губернию; там и протекли детские и юношеские годы будущего архипастыря. В 1916 году Виктор Милов, по окончании Вятской Духовной Семинарии, был послан на казенный счет в Казанскую Духовную Академию, однако в

связи с революционными событиями успел закончить только первый курс, а вскоре и вообще переехал в Москву, в Данилов монастырь.

В 1920 году Виктор Милов принял монашеский постриг с именем Вениамин в честь священномученика диакона Вениамина Персидского. В 1922 году отец Вениамин, закончив Московскую Духовную Академию, был удостоен степени кандидата богословия за работу “Преподобный Григорий Синаит. Его жизнь и учение.”

С 1923 года отец Вениамин — уже архимандрит — наместник Московского Покровского монастыря до самого его закрытия в 1929 году. По закрытии обители отец наместник был арестован и три года провел в лагерях.

После окончания срока заключения отец Вениамин получил назначение в Никитский храм города Владимира, в котором и прослужил до осени 1937 года, когда был сослан на Север.

С июня 1947 года отец архимандрит — в числе братии вновь открытой Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, а с осени этого же года и преподаватель патрологии Московской Духовной Академии в звании доцента. В 1948 году архимандрит Вениамин защитил диссертацию “Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви,” получив степень магистра богословия, и был утвержден в звании профессора кафедры патрологии и в должности инспектора Академии. В 1949 году отец Вениамин снова был сослан, на этот раз в Казахстан.

В 1954 году отец архимандрит получил должность настоятеля Ильинского храма города Серпухова. В 1955 году архимандрит Вениамин был рукоположен во епископа Саратовского и Балашовского. Скончался владыка 2 августа 1955 года, в день памяти святого пророка Божья Илии. Погребен епископ Вениамин в городе Саратове.

По отзывам знавших владыку Вениамина, он был аскет, был очень прост и краток, был ласков с окружающими и в то же время весьма требователен к себе и строг в канонических вопросах. Все перенесенные им испытания владыка находил промыслительными, поскольку “страдания закладывают в душу прекрасный фундамент исправления, закаляют в добрых навыках, учат неприхотливости и простоте”¹.

К безусловным достоинствам богословских трудов архипастыря следует отнести с очевидностью явленные в них глубокое знание предмета изложения, широкую образованность и удивительный дар слова.

Владыка всегда мечтал “еще послужить людям централизацией самых дорогих христианских чаяний,” чтобы люди “утешались, становились лучше, просыпались сердечно и со всем напряжением устремлялись чрез покаяние к Богу, научаясь Его любить”².

Редакция надеется, что публикуемое ныне собрание лекций по Пастырскому богословию с аскетикой, читанных студентам Московской Духовной Академии за 1947—1948 учебный год, действительно много послужит духовному просвещению православного читателя, ибо “писания же некоторых и сравнительно очень редких благочестивых людей в необычайной простоте слова содержат бездонное море мудрости и благодати Святого Духа”³.

Текст лекций публикуется, с незначительными сокращениями, по машинописи, хранящейся в библиотеке Московской Духовной Академии.

Орфография, синтаксис и пунктуация за известными исключениями (такими, например, как “становят,” “наслоять” и тому подобное) приведены в соответствие с

¹ *Еп. Вениамин (Милов)*. Дневник инока. Письма из ссылки. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. С. 139.

² Там же. С. 163, 173.

³ *Еп. Вениамин (Милов)*. Дневник инока. Письма из ссылки. С. 230.

современными нормами. Написание прописных и строчных букв следует традициям православного книгоиздания. Цитируемые автором тексты в основном выверены по первоисточникам.

Введение. Предварительные сведения по пасторологии.

Задача, метод и содержание науки Пастырского богословия.

Пастыри Церкви, служа делу спасения пасомых, должны обладать для этой цели и знаниями, и глубоким настроением самоотверженной любви и сострадания. Только любовью понимается внутренняя жизнь другого человека и открывается доступ к другой душе в целях ее спасения.

Наука, теоретически подготовляющая будущих пастырей к их высокому служению, есть так называемое Пастырское богословие. Главная часть его заключается в пастырской аскетике, показывающей зарождение пастырского духа, процесс его развития и проявления в деятельности. Пастырское настроение слагается из самоотречения и любви.

В своей теоретической части Пастырское богословие должно нарисовать идеал, высоту и важность служения пастырей и наметить пути и средства к достойному выполнению его.

В академической постановке эта наука раскрывается с применением критического метода исследования при разборе библейских мест, изображающих пастырство Христа Спасителя. Сюда не входит исследование учения о пастырстве святых Апостолов и святых Отцов и Учителей Церкви и общий обзор всей отечественной пасторологии. Прикладная, практическая часть Пастырского богословия содержит правила, советы и требования, нужные пастырям по обстоятельствам и условиям современной жизни.

Вот почему преподаватель науки о пастырстве в теории и практически должен изучить свой предмет и от эрудиции и от огня личного настроения успешнее всего может зажигать подобный огонь знаний в слушателях. Иначе как изображать борьбу с искушениями, как измерять тяжесть пастырства, как научить оплакивать погибающих овец, как научить врачеванию душевных болезней?

Важность, обилие и трудность вопросов, разрешаемых пасторалистами, по научным методам становятся Пастырское богословие в разряд общепринятых наук. Предмет Пастырского богословия — живой, разнообразный, как жизнь; великий, как спасение человеческое, и трудный, как Крестная смерть за ближних.

Ввиду его разносторонности пасторалисты говорят о нем весьма своеобразно. Архимандрит Антоний (Амфитеатров) видит в Пастырском богословии систематическое изложение правил и наставлений по прохождению пастырского служения в Церкви. Архимандрит Кирилл (Наумов) определяет его как “систематическое изложение нравственных обязанностей пастыря”⁴. Архимандрит Борис (Плотников) вводит в нашу науку еще изображение нравственных качеств пастырей. Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Ляпидевский) считает предметом пастырского богословия руководство к прохождению всех обязанностей пасения словесных овец Христовых. Некоторые пасторалисты обращают центр своего внимания в нашей науке на освещение вопроса о зарождении и развитии пастырского духа, говорят об элементах пастырской духовно-благодатной жизни, передаваемой пасомым. По их мнению, это есть теория пастырского аскетизма, созидающая в изучающих ее пастырское чувство к людям, представляющая высоту и красоту пастырского делания и способы духовного возрождения и усовершенствования руководимых. Способность болеть о пасомых, благодатно и сострадательно любить паству, переживать с ней ее радости и скорби выражает самую сущность пастырского служения и главный предмет Пастырского богословия. Профессор протоиерей С.А. Соллертинский предметом пасторологии считает пастырство Христа Спасителя, основополагающее дело дальнейшего пастырского водительства.

⁴ Архим. Кирилл (Наумов). Пастырское богословие. СПб., 1853. С. 5.

Разноречие определений объема и задач нашей науки говорит о значительности ее объекта, окончательно еще не выясненного научно. Но общее во всех определениях — это пастырское служение, предполагающее определенное настроение действия руководства в теснейшем смысле слова. Слагается служение пастырей из проповеди слова Божья, совершения Таинств и примирения грешников с Богом отеческим руководством. Пастыри раскрывают умы к пониманию Писания, утверждают в правилах благочестия и охраняют от губительных учений.

Точнее понятие о пастырском служении проясняется анализом слова *пастырь*; по-еврейски *ro'e* — *имеющий склонность, нагибающий, ухаживающий за стадом, наставник*. Управляющий паствою — пастырь — мыслится человеком, следящим за паствою, сильно занятым ею и преданным ей. Греческое слово *ὁ ποιῆν* — *питатель и защитник стада мелкого скота* — дает мысль о пастырском уходе за слабыми и беззащитными душами. Это любовь не столько к массам, сколько к единицам стада, если они нуждаются в заботе и уходе. Самоотверженная преданность немощным пасомым пастырской любви и есть предмет Пастырского богословия как особой науки.

Пастырское богословие находится в близком соседстве с Литургикой, Гомилетикой и Каноникой. Но все названные науки не исчерпывают своими исследованиями пасторологических вопросов и целой сферы, где пастырь в собственном смысле слова является Пастырем. Пастырская сфера количественно и качественно обнимает пастырскую деятельность в отношении не целой паствы, а индивидуальных единиц ее, с разнообразием их личных качеств и общественных положений. Неусыпное попечение о душах и руководство каждой из них ко спасению есть искомая пастырская работа. По требованию овец пастырь в горах ищет заблудившихся, раненых обвязывает целебными травами, умирающих от голода и жары питает, похищенных изымает из пасти волчьей, упавших от слабости — поднимает. По мнению святителя Григория Двоеслова, это и есть *душепопечение*⁵. *Внимайте себе и всему стаду* (Деян. 20:28), — говорил апостол Павел эфесским пресвитерам, то есть защищайте, берегите стадо свое. В отличие от области гомилетической, литургической и канонической, пастырская деятельность простирается на каждого пасомого лично, затрагивает отношения его жизни и дает им направление к общению со Христом.

Кроме высказанного нами положительного взгляда на предмет Пастырского богословия существует отрицательная точка зрения по этому вопросу, указывающая на то, что не подлежит пасторологическому рассмотрению.

Из объема Гомилетики Пастырское богословие не затрагивает проповедничества в регулировании его словом Божиим, постановлениями высшей церковной власти и законами речи. Оно касается лишь проповедничества с настроением любви и самоотречения. Из Литургики в Пастырское богословие входят также не способ и порядок совершения богослужения, а священнослужение в настроении самоотверженной любви к пасомым. Вопреки юридическому управлению приходом средствами внешнего порядка Пастырское богословие говорит об управлении приходом назиданием и словесным наставлением. Поэтому оно не формирует по образцу Каноники законы служения пастыря, а говорит о законе совести и настроении при служении пастыря.

Вместо канонического предписания пастырю: “Ты обязан,” Пастырское богословие говорит ему: “Ты должен.”

В конце концов можно определенно утверждать, что специальный предмет науки Пастырского богословия составляет именно пастырская деятельность в духе самоотречения и любви, или пасение агнцев и овец, по слову Спасителя (см.: Ин. 21:15-17).

Важность и необходимость означенного предмета делает и самую пасторологическую науку одной из важнейших и нужнейших для душевного спасения. Святитель Григорий Богослов эту область богословского ведения назвал наукой из наук — как необходимую, всеобъемлющую и самую жизненную⁶.

Таким образом, и собственно науку Пастырского богословия есть основание определять как систематическое описание и изъяснение самоотверженно любвеобильной жизни и деятельности пастыря, благодатно возрождающей и духовно усовершенствующей пасомых.

⁵ См.: *Свт. Григорий Двоеслов*. Правило пастырское, или О пастырском служении. 2-е изд. Киев, 1873. С. 23–24, 31, 58, 64–65, 245–247.

⁶ См.: *Свт. Григорий Богослов*. Творения. 3-е изд. М., 1889. Ч. 1. С. 20.

Научно-систематическая Пасторология за 18 и 19 вв. в России.

В России Пастырское богословие — наука недавняя. Для верного понимания ее современного богатства важно изучить первые опыты ее раскрытия, так как они обусловили форму и характер позднейших научных систем по вопросу о пастырстве в Православной Церкви.

Замечательнейшим пасторологическим памятником 18 в. следует считать, прежде всего, “Книгу о должностях пресвитеров приходских, от слова Божия, соборных правил и Учителей церковных сочиненную” (1-е изд.: СПб., 1776). Она издана впервые в 1776 г. и составлена двумя иерархами 18 в.: архиепископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским Георгием (Конисским) и епископом Смоленским и Дорогобужским Парфением (Сопковским). Авторы упомянутого руководства для пастырей указывают четыре вида служения их: проповедь, учительство примером личной жизни, священнослужение и молитву. После напоминаний о высоте пастырского служения “Книга о должностях пресвитеров приходских...” требует, чтобы пастыри учили людей, сами жили свято, тайнодействовали и молились о людях. Каждому пастырю здесь заповедуется читать слово Божие, держать его в сердце с размышлением и молиться Спасителю о наставлении Духом Святым на всякую истину. Поучения к народу, смотря по нуждам пасомых, могут быть вероучительными, полемическими, обличительными, нравоучительными и увещательными. Говорить предписывается кротко, с болезнью о слушающих и слезами, с осторожным наказанием. Место учительства, кроме церкви,— всякий дом, всякий удобный случай. Для разыскания погибающих овец пастырю полезно посещать дома прихожан.

Учащий добру, по словам авторов, сам должен быть добр, чтобы своею жизнью не разрушить созданного учительством достижения. Пастырское тайнодействие должно сопровождаться объяснением внутренней силы и цели Таинств прихожанам, требованием от них знания Символа веры. В смертных грехах пьянства, корысти и других нельзя священнодействовать. Крещение и Таинства Исповеди и Брака должно совершать с предосторожностью.

Пастырь есть и молитвенник за всех людей, о всех грехах их — да простятся, о добродетелях — да возрастут; молитвенник об избавлении от стихийных бедствий, о спасении живых и умерших. Молиться он обязан везде, наедине и при всех.

В общем, рассмотренное нами сочинение проникнуто любовью к пастырям и величайшим благоговением к их служению. Это сочинение имеет характер весьма ценного научного труда, изложенного сердечным и правильным слогом. Наставления его никогда не будут ниже времени, ввиду пастырской опытности их составителей.

Рядом с “Книгой о должностях пресвитеров приходских...” стоит “Сокращенный катехизис для священно- и церковнослужителей (как для всегдашнего их знания, так особливо для изучения, при вступлении их в церковные должности) с прибавлением мест из слова Божия, правил святых Апостол и святых Отец и из Духовного регламента, особливо до священства принадлежащих” (М., 1807) митрополита Московского и Коломенского Платона (Левшина). Но характер его догматико-литургический. Это скорее практическое руководство для пастырей, чем выдержанно-пасторологическое пособие. Прибавлением к “Сокращенному катехизису...” служат выборки из Новозаветного Писания, правил апостольских и соборных и формула присяги хиротонисаемых.

Первая богословская система по нашей науке в целом связном курсе составлена епископом Переяславским и Дмитровским Феофилактом (Горским) в 1770 г. и читана им студентам Московской Духовной Академии по 1774 год. Она озаглавлена “*Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata, seu Doctrina christiana de credendis (pars I) et de agendis (pars II), usibus eorum, qui studio theologico sese consecrarunt addixeruntque, adornata accomodataque*” (“Догматы Православной Восточной Церкви, или Христианское учение о том, во что должно верить (часть I) и как должно действовать (часть II) тем, кто посвятил себя изучению Богословия, со всеми необходимыми для того сведениями”)” (1-е изд.: Lipsiae, 1784) — и “посвящена Богу и Церкви.” Хиротония, по мысли автора, продолжает акт избрания Спасителем служителей Церкви. В состав служения их входят: проповедь слова Божия, совершение Таинств и власть ключей, или полномочие вязать и решить грехи. Качествами священнослужителей являются: чистая совесть, понятие о Божественных вещах, искусство слова и неповрежденные члены тела. Искание священства недопустимо по целям корыстным, честолюбивым, и носителями его не могут быть человекоубийцы, блудники, моты, ростовщики, актеры, двоеженцы и запятнанные преступлением.

Призвание к пастырскому служению — субъективное и объективное. Субъективно его имеют искренно желающие послужить спасению других людей, и таинственный голос, зовущий их быть пастырями, принадлежит Господу. Объективно призываются к пастырскому служению достойные лица — в результате видимого избрания их иерархами Церкви с одобрения народа.

Повторяя мысли, уже известные нам, о четырех пастырских должностях, Феофилакт далее много говорит о власти ключей, о малом отлучении от Причащения и великом отлучении от общения церковного. Свойствами, необходимыми пастырю, Феофилакт считает талантливый ум, добродетели, хорошее управление своим домом, скромные телодвижения, осмотрительную речь и опрятность одежды, поскольку внешнее выражает внутренние достоинства человека. Все приемы и средства пастырского служения у него коротко определяются словами *пастырское благоразумие*. Заканчивает он свой труд так: “Тебе, Пресвятый Боже, я обязан всем этим делом. Тебе я обязан силами, которыми Ты укрепил мою немощь; Тебе я обязан благодатным светом, которым Ты озарил мой ум... при Твоем же водительстве и помощи я его этот труд окончил... Пусть будет он на пользу служителям Твоим!”⁷

План своей системы епископ Феофилакт заимствовал у немецкого протестантского ученого Иоганна Франца Буддеуса (J.-F. Buddeus, 1667-1729), равно и суждения о выборном начале в пастырской среде. Вся его работа — простая переделка протестантского сочинения.

В 1851 г. издана была новая система Пастырского богословия архимандрита Антония (Амфитеатрова), ректора Киевской Духовной Семинарии (см.: *Архимандрит Антоний (Амфитеатров)*). Пастырское богословие. Киев, 1851). Она разделяется на две части. Первая содержит учение о пастыре: 1) строителе Таинств (см.: Еф. 4:11-13); 2) проповеднике и учителе и 3) руководителе паствы. В начале первой части излагается догматическое учение о пастырском служении, его Божественном происхождении и бесконечном продолжении. Последнее положение архимандрита Антония неточно, так как, по мысли православной Догматики, пастырство будет существовать лишь до Второго пришествия Христа Спасителя. Вторая часть трактует о качествах, необходимых кандидату священства, физических и душевных, причем указываются общие человеческие добродетели, уместные более в системе Нравственного богословия, чем в Пастырском богословии.

Приготовление к священству, умственное и нравственное, имеет целью утвердить будущего служителя Церкви в истинах веры, благочестия, страхе Божьем и приличном поведении в обществе. Признаки призвания к пастырству отмечаются в рассматриваемой книге архимандрита Антония следующие: происхождение из духовного звания, духовное образование, любовь к священству, одобрение кандидата священства местным епископом. Здесь явно смешивается внутреннее и внешнее призвание. Перечислением желательных личных качеств пастыря дома, в гражданском обществе, пред властями церковными и светскими, среди причта своей церкви и прихожан система архимандрита Антония заканчивается. Ей недостает учения о самом служении пастырском. Для настоящего времени она окончательно устарела.

“Пастырское богословие” (1-е изд.: СПб., 1853) архимандрита Кирилла (Наумова) состоит из трех частей: 1) общего учения о священстве, 2) изображения пастырских свойств и обязанностей и 3) наставления о прохождении пастырского служения. Самая оригинальная, третья, часть книги решает вопрос о программе и методе учительства пастырей общественного и частного, о правилах общения с лицами преступными, скорбящими и заблуждающимися в истинах веры, об Исповеди и духовничестве. Сочинение архимандрита Кирилла, формально стройное и отчетливое, неверно определяет науку Пастырского богословия как только “изложение нравственных обязанностей пастыря”⁸, не упоминая об исполнении их.

Архимандрит Паисий (Пылаев), инспектор Казанской Духовной Академии в 1853—1854 гг., оставил науке два рукописных пасторологических труда: 1) “Заметки по Пастырскому богословию,” где говорится главным образом о пастырском учительстве и духовничестве применительно к человеческим возрастам, состояниям веры, здоровья и в минуты смертной агонии человека, и 2) “О средствах против разного рода грешников и грехов.” В этом сочинении намечаются меры парализования грехов и приемы воздействия на грешников, в конкретной личности каждого из них. Речь автора не блестящая, но ясная и отчетливая в изложении материала. К сожалению, лекции архимандрита Паисия общего плана не имеют и не систематизированы.

Преемником архимандрита Паисия по кафедре Пастырского богословия в Казанской Духовной Академии был профессор священник М.М. Зефиров, создавший план науки в следующих чертах: сказав об истории пастырского служения в Ветхом и Новом Заветах, об его трудности, Зефиров делит науку на три части. В первой трактует о телесных, умственных и нравственных качествах, необходимых пастырю. Вторая — Пастырская педагогика — определяет формы

⁷ Цит. по: *Иером. Иннокентий (Пустынский)*. Пастырское богословие в России за XIX век. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1899. С. 41.

⁸ *Архим. Кирилл (Наумов)*. Пастырское богословие. С. 5.

пастырского проповедничества и наставления взрослых, детей, маловерующих, суеверных, сомневающихся и порочных; касается вопроса о тайне Исповеди, утешении скорбящих, больных и умирающих. Третья часть системы Зефинова — Пастырская литургия — наставляет пастыря о месте, времени и правилах священнодействия.

Устав духовных школ 14 мая 1867 г. соединил Пастырское богословие с каноническим правом. Образовался в итоге объединения новый предмет преподавания под именем “Практическое руководство для пастырей.” Первый опыт “Практического руководства” дал профессор Киевской Духовной Семинарии П.П. Розанов (см.: *Розанов П.П.* Опыт курса “Практического руководства для пастырей.” Киев, 1872). В его книжке нет ничего нового сравнительно с системами архимандритов Антония (Амфитеатрова) и Кирилла (Наумова). Притом он издал только первую часть учебника — теоретическую. Несколько дополнил П.П. Розанова своим трудом черниговский священник, профессор протоиерей А.Ф. Хойнацкий в 1873 г. (см.: *Хойнацкий А.Ф.* Практическое руководство для священнослужителей при совершении церковных треб с указанием церковных правил и гражданских постановлений и принятых в церковно-богослужебной практике обычаев и постановлений. Чернигов, 1873. Ч. 1: О совершении Святых Таинств), сказавший о церковных правилах и гражданских постановлениях, о совершении Таинств Крещения, Миропомазания и Евхаристии.

Еще более полный курс “Практического руководства для пастырей” составил около 1873 г. иркутский протоиерей П.В. Громов (см.: *Громов П.В.* Уроки “Практического руководства для пастырей.” Иркутск, 1873). Упомянутая книга касается вопроса происхождения и видов пастырского служения, пастырских качеств и практических обязанностей учить народ, служить и молиться. Здесь — обилие канонического материала и церковно-гражданских законов и неполнота суждений о церковном суде. Кроме сочинения П.В. Громова, известны еще подобные руководства: 1) священника Ф. Хорошунова (см.: *Хорошунов Ф.* Практическое руководство для пастырей. Чернигов, 1879), не связывающего пасторологию и каноническую области органически, и 2) П.И. Нечаева под заглавием “Практическое руководство для священнослужителей, или Систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав” (СПб., 1884). Первоклассная книга П.И. Нечаева, к сожалению, слишком конспективна в обозрении догматической стороны пастырства и пастырского руководства пасомых. Недостатки ее восполнил своим трудом преподаватель Тульской Духовной Семинарии С.И. Покровский, давший “Практическое руководство для пастырей” в требуемой полноте основных частей (см.: *Покровский С.И.* Духовный пастырь по слову Божью: Опыт объяснения мест Святого Писания, изображающих нравственные качества пастырей Церкви и великую ответственность их за дело служения своего. Тула, 1887—1889. Вып. 1-2; *Он же.* Основные законоположения Православной христианской Церкви. Тула, 1890; *Он же.* Духовный пастырь по учению святых Отцов. Тула, 1892. Позднее все книги были переизданы под общим заглавием [см.: *Покровский С.И.* Курс “Практического руководства для пастырей.” СПб., 1898]).

В Киевской Духовной Академии много потрудился для разработки Пасторологии профессор В.Ф. Певницкий. Известны такие его работы: “Священник. Приготовление к священству и жизнь священника” (1-е изд.: Киев, 1885), “Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан” (1-е изд.: Киев, 1890), “Священство. Основные пункты в учении о пастырском служении” (Киев, 1892).

Из профессоров Санкт-Петербургской Духовной Академии, потрудившихся в обработке Пастырского богословия, следует отметить протоиерея С.А. Соллертинского. Его сочинение “Пастырство Христа Спасителя. Часть основоположительная: Иисус Христос, Основатель христианского пастырства” (1-е изд.: СПб., 1887) рассматривает основополагающий момент в истории христианского пастырства и попутно критикует обычай русских пасторалистов смотреть на Пастырское богословие как на прикладную науку. В действительности пасторология, помогая практике пастырей, должна оставаться наукой, чуждой одного голого эмпиризма и беспринципности. Источником ее должна быть в первую очередь педагогика Писания. Экзегетика пастырских библейских мест — лучшие руководительные начала христианским пастырям Церкви — помогает в системах нашей науки охватить точное понятие о содержании пастырской работы. Вечная сущность в пастырском служении Христовом определяет собою всякую последующую пастырскую деятельность.

Искупление человечества, осуществляемое Сыном Человеческим (см.: Мф. 8: 20), как называл Себя Господь, является именно как пастырское учительство людей истинным понятиям и целям их деятельности. Сообщение истинных понятий — одна из сторон вечной сущности

Христово пастырства. Господь прежде всего возвестил ученикам о Царстве Божьем, его законах. Проповедь о Царстве Божьем пастырей Церкви должна, по примеру Спасителя, обнимать собою слово и дело и совпадать с целью жизни христианина.

Недостатки теории С.А. Соллертинского в том, что отвлеченное понимание им пастырства заводит его в абстрактные сферы и заставляет откидывать деятельное перевоспитание человеческой личности под пастырским руководством. Отодвигая в тень пастырское душепопечение, С.А. Соллертинский из Христово пастырства делает абстракцию. Между тем в Пастырском богословии важна личность каждого верующего и важны меры для его укрепления на высоте христианского призвания. Пастырская педагогика выводится из живой действительности, окружающей совершение пастырского дела. Если для построения пасторологической системы необходимо изучать историю пастырства, то эта необходимость может касаться лишь моментов, разнообразящих ее выражение.

К профессора протоиерея С.А. Соллертинского в некоторой степени примыкает работа архимандрита Бориса (Плотникова) под заглавием: “Записки по Пастырскому богословию” (Киев, 1891-1892. Вып. 1-4). По мысли архимандрита Бориса, Христос Спаситель может быть примером для пастырей, как Учитель. По Своему образу Он учит их относиться к личности спасаемых, влагать в них слово в виде семени, а не развитой истины, быть в методе учения естественно простыми, понятными, снисходительно-мягкими, нравственно безупречными. Нравственный характер пастырей, по примеру Христову, должен быть безупречен, исполнен сострадания, жертвенности. “Записки...” архимандрита Бориса имеют целью выяснить идеал пастырской нравственности и способ пастырствования среди пасомых.

Поэтому *сын громов* (ср.: Мк. 3:17), Иоанн Богослов, в своих посланиях учит спасаться одной любовью (см.: 1 Ин. 4:7-21; 2 Ин. 1:5-6); апостол Павел в мягком Послании к Филимону высказывает учение, отличное от глаголов посланий к Римлянам и Коринфянам. Таковы слова Петровы в его соборных посланиях (ср., напр.: 1 Пет. 1:22; 4:8). Испытания очищают испытуемых от примеси себялюбия и страстности, умерщвляют в них греховность и делают живыми для паствы. Ежедневное умирание от трудов, забот и печалей о пасомых есть мученическое полагание души за овец, какое видим, например, у святителей Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Филиппа II, митрополита Московского и всея Руси, преподобных Максима Исповедника, Максима Грека, у Патриарха Никона и других.

Пастырь должен идти в жизнь, изучать светскую мысль, светские идеалы, снисходить до настроения пасомых, идти за ними “по распутьям жизни,” входить “в круг их понятий” и “оттуда собирать их на Христову пажить.” Эта заповедь дана была Апостолам Спасителем; пастырям эфесским — апостолом Павлом. Для пастырского влияния на светскую жизнь нужны, кроме знания этой жизни, пастырское учительство, молитва и пример⁹.

Позднее архиепископ Антоний (Храповицкий) в статье “Основные начала православного пастырства” проводит мысль, что предметом Пастырского богословия служит определение законов усвоения пастырской настроенности, ее развития и воздействия на жизнь прихода. Подкрепление на подвиг всецелого посвящения себя Богу и спасения ближних дается в Таинстве Священства. В нем пастырь получает утончение способности переживать скорби и радости пасомых сострадательною, болющею о них любовью. Пастырское богословие как раз и изучает свойства пастырского духа и способы наилучшей передачи пасомым духовного богатства¹⁰.

В статье “Из чтений по Пастырскому богословию” епископ Антоний доказывает ту идею, что “пастырское влияние основывается на таинственном общении” пастыря с паствой, через передачу последней своего настроения. Отдающий себя пасомым пастырь отождествляет себя с ними до существенного единства, подобного единству Бога Отца с Сыном (см.: Ин. 17:11, 21-22)¹¹.

Говоря о пастырском призвании, архиепископ Антоний субъективными признаками его считает желание священства, любовь к пастырству и внутренний голос Божий, а объективными — пастырскую подготовленность¹². Русскому характеру свойственны недовольство собой и искание

⁹ См.: *Архиеп. Волынский Антоний (Храповицкий)*. Письма к пастырям о некоторых недоуменных сторонах пастырского делания // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1891, № 8–9. С. 186–229.

¹⁰ См.: *Архиеп. Волынский Антоний (Храповицкий)*. Основные начала православного пастырства // *Архиеп. Волынский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. М., 1906. С. 17–18.

¹¹ См.: *Архиеп. Волынский Антоний (Храповицкий)*. Из чтений по Пастырскому богословию // Православный собеседник. Казань, 1896, № 4. С. 430–431, 438.

¹² См.: *Архиеп. Волынский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. С. 32, 33, 36–37.

нравственного обновления. Подчинение этих стремлений пастырскому руководству развивает важные пастырские качества: “сострадание греховной немощи людей, скорбь о грешных людях и пламенеющее желание о приближении их и себя к Богу.” Подготавливают к пастырству чтение слова Божия, святых Отцов, изящной литературы, особенно сочинений Ф.М. Достоевского, вместе с личным наблюдением жизни. Кандидату священства вместе с тем необходима выработка чистоты душевной, проникновение благочестием, молитва и борьба с замкнутостью¹³.

Главный недостаток поименованных работ архиепископа Антония — некоторая отрывочность, незаконченность разработки пасторологических вопросов, недостаток классической ясности речи и формулировок. Впрочем, речи его весьма интересные, жизненные и глубокие, хотя и неясно кристаллизуют конечные выводы из авторских предпосылок.

Нравственно-практическая пасторология в России за XIX в.

В 1840—1841 гг. А.С. Стурдза издал в двух томах “Письма о должностях священного сана” (Одесса, 1840-1841). Это — зрелый плод зрелых лет. Материал переписки разделен на семь книг.

Первая: здесь последовательно излагается история приготовления к священству и пастырству одного молодого человека, переписывавшегося со старцем. Святую волю Божию на свое служение в пастырском звании Александр (так звали молодого человека) узнает из слова Божия, из молитвы и из слов жизненных происшествий. Слово Божие то проникает в его душу, как меч, то навеивает на нее умиление, сокрушение и радость. Молитва располагает его отвергнуться от себя и взять крест свой. События жизни предохраняют его от увлечений и пороков. Все это предвещает будущего призвания к пастырству.

Вторая: вот уже этот молодой человек — пресвитер отец Александр. Старец пишет ему в напоминание о правилах предстоящей деятельности его. Он должен оказывать почтение к старшему себя по летам. Храм, куда он был назначен, под влиянием теплой и искренней молитвы его неизмеримо расширился и украшался осязательным присутствием Самого Бога на престоле алтаря. В переписке отец Александр описывает своему старцу первые шаги своего проповедничества и приходские столкновения. Старец успокаивает дух своего питомца: только советует ему при совершении Таинств быть нерассеянным, внятно читать и петь, а в храме поддерживать порядок и тишину.

Третья: исповедальная практика отца Александра, по мысли старца, должна приспособляться к разрядам кающихся: беспечным лицам, колеблющимся и впадшим в отчаяние. Дальнейшие книги А.С. Стурдзы излагают пасторологические положения в такой последовательности: *четвертая* книга содержит указания о проповеди слова Божия, *пятая* — о законоучительстве, *шестая* — об обращении с людьми, *седьмая* — о знании благовестника, или миссионера.

Эпистолярная форма изложения придает труду А.С. Стурдзы чрезвычайную увлекательность и жизненность. Здесь каждый оборот речи есть сама жизнь, движение, искреннее чувство и любовь к человечеству. Чтение пастырских писем разливает в душе читателей мягкий, ласкающий свет веры и надежды на Бога. Изящный слог, жизненное употребление текстов, обилие психологических наблюдений делают письма интересными и теперь. Недостаток их — отсутствие логической системы в изложении. Повторения, сбивчивость и неосновательность некоторых суждений, ригоризм и малодушие пастырское в отношении исправления грешников.

“Памятная книжка для священника, или Размышления о священнических обязанностях” (М., 1860) приписывается перу архиепископа Костромского и Галицкого Платона (Фивейского). На самом деле он перевел лишь, с некоторыми переделками, сочинение армяно-католических монахов (мхитаристов) под заглавием “Memoriale vitae sacerdotalis, seu Summi Pastoris Iesu Christi piissima monita ad Ecclesiae Suae pastores aliosque sacerdotes (“Напоминание, касающееся священнической жизни, или Сладчайшие увещания Верховного Пастыря, Иисуса Христа, пастырям Его Церкви и другим священникам”))” (2-е изд.: Vindobonae, 1857).

Здесь автор патетически, как оратор, проповедует на 340 страницах, деленных на 63 главы, учение о важности и трудности пастырства. Встречаются главы несколько странные: “О стенаниях священника во аде, о Небесной славе, о ежедневном служении Литургии,” “О благоговении к Пресвятой Богородице,” что к пастырству органически не относится. Есть совет в разбираемой нами книге, чтобы ежемесячно один день посвящался пастырем на приготовление к смерти. Для

¹³ См.: *Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. С. 38–39, 39, 39–41, 42–45.

этого рекомендуется пастырю заключаться в уединенную комнату, размышлять о смерти, ощутительно испытывать совесть и рассматривать могущее тревожить в час смерти.

К сожалению, «Памятная книжка...» неизвестна питомцам духовной школы. Католическая окраска, не совсем изглаженная здесь переводчиком, ждет своего дальнейшего исправления.

«Напоминание священнику об обязанностях его при совершении Таинства Покаяния» (Кострома; М., 1859—1861. Ч. 1—2) принадлежит архиепископу Костромскому и Галицкому Платону (Фивейскому). Труд этот выдержал уже три издания (3-е изд.: М., 1896. Ч. 1-2) и акт Исповеди рассматривает не только пасторологически, но и с точки зрения догматической, литургической и канонической. Живой и легкий язык, множество житейских примеров из опыта делают книгу архиепископа Платона ценным пособием для пастырей.

В 1862 г. священник М.С. Боголюбский издал сочинение под заглавием «Православный священник при постели больных и умирающих» (М., 1862) и делится здесь с пастырями своим опытом напутствия пасомых.

Уменьшенный список содержания писем А.С. Стурдзы в 1860 г. дал священник Н.Г. Богословский, издав свой труд под заглавием «Взгляд с практической стороны на жизнь священника. Письма отца к сыну» (СПб., 1860). Автор берет личность священника как обыкновенного человека, хотя в первой части книги находит нужным указать также высоту, важность и трудность служения пастыря. Из предпосылок делается вывод о необходимости для пастыря безупречной душевной чистоты, поста и борьбы со страстями и пороками прихожан.

Во второй части книги говорится о выборе священником прихода, жены, о домашней жизни священника, об его наружности, одежде, о поведении в храме, отношениях к причту, требоисправлениях и о помощи бедным. Это — простые правила достойного образа действий среди новой обстановки. Пробелом книжки является отсутствие указаний, касающихся отношения пастыря к духовным и гражданским властям. Неверна мысль Богословского о прекращении непосильной борьбы со злом в прихожанах. Ценны его мысли о режиме пастырской жизни дома и поведении в храме.

В 1874 г. протоиерей Е. Попов издал «Письма по Православно-пастырскому богословию» (1-е изд.: Пермь, 1874; 2-е изд., испр. и доп.: Пермь, 1877. Ч. 1—4). Он искусственно придал своим мыслям эпистолярную форму изложения и, опустив теоретическую часть, прямо переходит к практической стороне пастырского служения. У протоиерея Е. Попова явное подражание А.С. Стурдзе в распределении материала по семи отделам. Мысли его текут в следующем порядке: разобрав соображения против пастырского служения, он говорит о пастырском проповедании слова Божия во всех видах, о внебогослужебных собеседованиях и затруднениях пастыря-проповедника на практике (1-й и 2-й отделы). Следующими предметами его рассуждений являются законоучительство в школах, устройство церковных библиотек и письмоводства, совершение богослужений и треб, воспитание духа благоговения в самом пастыре и, наконец, духовничество. От действий в храме и школе протоиерей Е. Попов переходит к описанию посещений пастырем прихожан. Здесь он ярко изображает пастыря участвующим в горе и радости семейств, приготовляющим к Таинствам отдельных пасомых и следящим за ними. Заканчивает свою книгу автор речью о примерном поведении пастыря в храме, приходе и дома (в отношениях к жене и детям и в своем кабинете).

В общем эта книга весьма полезная и интересная для пастырей.

Ниже ее по ценности стоит труд священника А. Недельского «Братский совет новорукоположенному в сельский приход священнику: Опыт «Практического руководства для пастырей»» (Киев, 1883). Здесь нет ни прагматической, ни логической системы, много вульгаризмов в речи, но немало ценных пастырских наставлений.

Взгляд на пастырство как на мученичество нашел для себя специальное развитие в книге игумена Тихона (Ципляковского): «Святое, высокое служение иерея Божия (мирянина и монаха) — добровольное мученичество» (М., 1894)¹⁴. Подобное воззрение на пастырство есть евангельское воззрение. Господь, умерший за спасение людей на Кресте, заповедал и пастырям души свои полагать за овец (ср.: Ин. 10:11). Сочинение игумена Тихона состоит из предисловия, девяти глав и заключения. Главные, интереснейшие положения, раскрываемые автором, можно представить в

¹⁴ Достоверно известно, что эта книга «писана по указанию высокоученого подвижника святителя Феофана Затворника. и под непосредственным руководством его» (*Прот. Иоанн Кобяков* [О книге игумена Тихона] // Богословский библиографический листок: Прил. к журналу «Руководство для сельских пастырей». Киев, 1895. Вып. 6–7. С. 169); по выходе книги святитель писал автору: «Очень рад, что труд Ваш одобрен и будет в ходу. Он есть очень сильное напоминание иереям Божиим... *Е. Феофан*» (Там же. С. 169–170).

следующем порядке. Пастырское настроение складывается из двух элементов: сознания высоты священства и личного недостойнства. Отсюда для него неизбежно непрерывное подвижничество. В слове Божьем и творениях святых Отцов легко отыскать места о мученичестве пастырей.

Самые имена, прилагаемые в Писании к пастырям: *церей Божий* (ср.: Евр. 7:1), *служитель Слова* (ср.: Лк. 1:2), *Ангел Божий* (ср.: Гал. 4:14),— показывают необходимость подвига для носителей таких высоких имен. Свои мысли автор подтверждает выборками соответствующих мест из творений святителя Тихона Задонского, блаженных Иеронима и Августина, святителя Иоанна Златоуста, преподобного Исаака Сирина и из трудов епископа Феофана Затворника. Главной обязанностью пастырей игумен Тихон считает словесное учительство.

В сущности, книга о пастырском мученичестве представляет сборник мест библейских и святоотеческих, умело сгруппированных и искусно выбранных и подтверждаемых сильными примерами. Успех пастырского делания, согласно этим свидетельствам, является следствием благодатной жизни самого пастыря. И священство не есть ремесло, а добровольное пожизненное мученичество.

Превосходные мысли о христианском пастырстве можно еще находить в сочинении праведного Иоанна Кронштадтского: “Моя жизнь во Христе” (1-е изд.: М., 1891). Отец Иоанн в поименованном дневнике описывает свою борьбу со грехом и благодатные утешения свыше. В пасторологическом отношении дневник кронштадтского пастыря чрезвычайно ценен.

Основы пастырства как богоустановленного института.

В русской пасторологической литературе существуют, как показало обследование работ по нашей науке, два течения: “протестантское” и “католическое.”

Первое отмежевывает в свою область вопросы о сущности христианства, Царстве Божьем и земной жизни Господа Спасителя. Ввиду малого опыта специально пастырской настроенности “протестантское” течение делает сомнительным право Пастырского богословия на научную самостоятельность.

“Католический” тип пасторологической системы подробно перечисляет и описывает пастырские свойства и обязанности и носит характер формальный и схоластический. Конечно, схоластика не ложь, а лишь нежизненная отвлеченность. Поэтому в пастырских системах богословия с католической окраской обязанности пастыря не связаны в одно целое, в одно живое настроение. И опыты подобного богословствования слишком общи и малопрактичны.

На нормальный путь исследования ставят науку Пастырского богословия святоотеческие трактаты о пастырстве. Выдающиеся из них: шесть слов святителя Иоанна Златоуста “О священстве,” толкования его же на послания апостола Павла, преимущественно на послания к Коринфянам и пастырские; третье слово (так называемое “О бегстве”) святителя Григория Богослова; “Слово к пастырю” преподобного Иоанна Лествичника. Из западных святых Отцов нельзя не упомянуть следующих пасторологов: святителя Григория Двоеслова с его “Правилом пастырским,” святителя Амвросия Медиоланского, автора книги “Об обязанностях священнослужителей,” и блаженного Иеронима Стридонского, написавшего книгу “О жизни клириков.” Можно находить материал по нашей науке также у преподобного Симеона Нового Богослова, у русских святителей Димитрия Ростовского, Тихона Задонского и других.

Все святоотеческие творения рисуют цельный образ пастыря с его самосознанием, переживаниями и освещением видов его служения. С этой точки зрения и должна строиться наука Пастырского богословия, соображаясь не с одними идеальными мотивами, но и с современным состоянием пастыря. Она имеет задачей показать и идеал пастырства, и путь достижения его. Было бы схоластичным обязанности и свойства пастыря рассматривать в отношении к Богу, ближним и себе. Цельные переживания пастырской личности неделимы по рубрикам и ведут последователя к неизбежным повторениям, натяжкам. Естественнее держаться предметного метода в рассмотрении пастырского служения со стороны духовной жизни пастыря и вопроса о том, каков должен быть пастырь.

Предмет науки пасторологической совершенно самостоятелен. Это особый институт пастырства в Церкви, имеющий особые полномочия, задачи и собственную психику.

Как сложная жизнь неизбежно разветвляется на частные виды, так и глубокое отношение ученых к вопросам знания дифференцирует науки даже в области какой-либо обширной отрасли знания, вроде медицины.

Подобным образом сама общественная жизнь, в силу простого разделения труда, выделила из себя специальный класс руководителей религиозной общественной жизни. Самый факт существования названного класса людей дает ему право быть специальным предметом науки.

Теперь и количество пастырей в мире достигает цифры в несколько сот тысяч человек, и значение их в истории запечатлено силой особенного авторитета. Необходимость пастырства в жизни человечества находит не только практически-бытовое оправдание, но и обоснование историко-психологическое.

История религий свидетельствует, что у самых диких народов были жрецы. Эта истина столь несомненна, что иногда ею объясняют самую религию как вымысел корыстолюбивых и властных жрецов, хотя религия изначально факта жречества. Библия точно так же учит об исконности пастырства в форме патриаршества, специально иерархического Левиина колена, и в виде свыше уполномоченных на пастырское служение Пророков. Ветхозаветный строй религиозной жизни еще более закреплён христианством до наших дней включительно.

Всеобщность пастырства, помимо своей знаменательности, характерна психологической обоснованностью.

Класс пастырей существует не по одной практической нужде в нем, но и вследствие всеобщего сознания людьми личной греховности. Эта мысль подтверждается у историков религии ссылкой на присущее каждому человеку инстинктивное покаянное чувство. Религиозным преданиям всякой формы религии свойственны воспоминания о золотом веке первобытной жизни, отнятом у людей за их грехопадение. Религиозно-богослужебные гимны запечатлены характером скорбности во всех религиях, не исключая и христианство. Естественное сознание своей виновности пред Богом сопутствуется обычно у человека другим аналогичным чувством — собственного недостойнства к непосредственному общению с разгневанным Божеством. Отсюда всеобщая нужда человеческих душ вызывает на поле пастырской деятельности посредников и ходатаев между грешным народом и Богом. Такая психология издревле отмечалась, а позднее выразилась у израильского народа предсинайским законодательством. Наступление тогда момента чрезвычайно близкого общения с Богом побудило евреев в страхе и сознании своего недостойнства просить Моисея быть посредником между ними и Богом. Подобное настроение Израиля было угодно Богу (см.: Исх. 19-20). Он сказал Моисею: *Хорошо то, что народ говорил тебе* (ср.: Втор. 18:17).

Сознание нужды в посреднике Господь признал нормальным, правильным настроением падшего человечества. Потерявшие блаженство непосредственного богообщения в силу гордости могли воротиться к нему только обратным путем смирения. Нужда же в посреднике именно показывала это свойство смирения в кающемся человечестве.

С другой стороны, потребность язычников и иудеев в ходатаях пред Богом отображала нужду всеобщую в Господе Испытателе,— *чаянии языков* (ср.: Быт. 49:10; Ин. 1:45). Поэтому в контексте речи книги Второзаконие после слов: *Хорошо то, что они говорили* (Втор. 18:17) — следует пророческое откровение: *Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему* (Втор. 18:18). Эти слова, несомненно, относятся к Господу Иисусу Христу, как их протолковал и апостол Павел (см.: Евр. 12:24). Протестантское возражение о ненужности в христианстве посредников, кроме *едина ходатая Бога и человеков, человека Христа Иисуса* (ср.: 1 Тим. 2:5), с точки зрения указанной только что нормативной психологии смирения оказывается вовсе не твердым. Как раз в христианстве все проникнуто чувством смирения верующих: и вера их в Спасителя, и нравственное совершенство, и весь быт Церкви. Без смирения — нет спасения (см.: Пс. 149:4). Пастырство же — именно условие смирения христиан и смиренного послушания их подобному человеку.

Истинный христианин, смиренно настроенный, всегда желает подчиняться пастырскому авторитету не под влиянием ветхозаветного рабского страха и вынужденно, а под влиянием сыновней, благоговейной любви и добровольного смирения. У протестантов, с падением истинного христианского настроения и смиренного послушания пастырям, естественно возникло стремление снять с себя тяжелую опеку католического духовенства. Несмотря на это, протестанты оказались бессильны против своей инстинктивной психологии. Учредив вновь пастырский институт в своей среде, они только ограничили его право и низвели его до состояния простого служебного класса, подчиненного общине и уполномочиваемого ею. Впрочем, и в протестантстве у простого народа пасторы пользуются значением почти таким же, как у иерархических христиан. Почитание своих руководителей сектантами достигает подчас изуверского обожения, как это заметно было, например, у “чуриковцев” (псевдоправославная секта “трезвенников”) по отношению к “братцу”

Иванушке и у баптистов по отношению к ленинградскому Фетлеру (В.А. Фетлер, 1883-1957, протестантский идеолог).

В новозаветном христианстве любовно-смирненное послушание верующих своему пастырю, угодное Господу, вполне оправдывает бытие самого института пастырства. Пастырство действительно нормативное явление и субъективно законно, как вызываемое общечеловеческой внутренней потребностью.

Уверенность в действительном значении посредников между народом и Богом, судя по данным истории религий, покоилась на выделении из толпы пастырей исключительной чистоты — достоинством почтенного возраста и тому подобными свойствами. Народ полагал, что чистых и нравственно достойных Бог скорее послушает, чем обычных грешников. Идея чистоты лежала как в правилах жизни языческого жречества, так и в законах о левитах и их семейной жизни (см.: Лев. 4:3; 21:9; Втор. 22:20-21). В христианстве совершенная нравственная чистота предъявляется уже ко всем верующим, тем более пастырям. Епископ прежде всего должен быть *непорочен* (1 Тим. 3:2). И Апостолам Господь говорил: *Тако да просветится свет ваш пред человеки* (Мф. 5:16). Языческое и иудейское инстинктивное сознание дерзновенного значения пред Богом пастырской чистоты прояснено вполне лишь христианством.

По объяснению святых Отцов Церкви, Божественным началом, посредствующим между Богом и людьми, является Дух Святой своими действиями или “энергией” (*святитель Григорий Палама*) благодатной. Благодать Святого Духа даруется способным воспринять ее. Она дана сначала святым Апостолам, в День сошествия на них Святого Духа, а после — преемникам их, нравственно чистым, святым пастырям Церкви.

Но в таком случае возникает вопрос, почему в Ветхом Завете выделено Левино колено, имевшее с достойными и недостойными служителями Божиими? И если совершенная чистота — общехристианское требование (см.: Мф. 5:48) и все могут быть облагодатствованы богообщением, то нужны ли особо облагодатствованные посредники между Богом и народом? На это ответим: до Пришествия Христова и после были исключительно высокие в нравственном отношении лица из простых верующих, например Пророки, харизматики и вообще святые. Но они являлись не в отрицание, а при параллельном существовании левитов и пастырей. Исключительность подобных людей приводит к идее о необходимости учреждения постоянного класса посредников. Уровень нравственного совершенства среди христиан низок. Но и независимо от степени святости и облагодатствованности в Церкви мирян, идея подбора особенно достойных лиц для посредничества имеет свою силу и в другом отношении.

Богоизбранное в Ветхом Завете Левино колено обязано было особенно готовиться к прохождению своего специального служения. По этому же закону кастовости наше духовенство из поколения в поколение воспитывало достойных служителей алтаря целые века. Каста пастырей в Ветхом Завете стабилизировалась из-за невысокой нравственности народной массы. После же Боговоплощения и особенно излияния Святого Духа на Церковь, выбор достойных кандидатов в пастыри сделался легче. Но и теперь иногда встречаются пастыри недостойные, низкие. Благодать Божия изливается чрез них на верующих как дар милости по вере обращающихся.

Сообщение благодатных Даров при таких условиях объясняется идеей *экономии* в Домостроительстве спасения и идеей Церкви.

Для спасения грешных Господь — Всесовершенный Дух — воплотился и тем Себя *уничжил, умалил, истощил* (ср.: Флп. 2:7). Пллотворящий Себя Дух, как выразился преподобный Макарий Египетский¹⁵, снизошел тем как бы до некоего компромисса в акте спасения и сообщил воссозданию человечества характер смешанный. Благодать стала являться там, где грех, и большое человечество пошло к оздоровлению своему путем сверхъестественным, иррациональным. Так иногда горькие лекарства, сыворотки, яды в малых дозах целебны. Такое *немудрое Божие* (1 Кор. 1:25), крест для разума (см.: 1 Кор. 1:18) видны и в действии благодати Божией чрез недостойных пастырей. Пред Господом — *все нечисто* (Агг. 2:14). И для влияния благодати чрез недостойных пастырей на недостойную паству необходимо было домостроительное самоумаление благодати. Путей этого уничижения было два: или всем дать преизбыточную благодать Духа, или немногих несовершенных, ради *экономии* спасения, сделать посредствующими органами.

Поскольку всех святыми сделать было невозможно механически, то благодать была дана немногим. В основу пастырского дарования была положена именно идея Домостроительства. Сами пастыри, нерадящие о развитии пастырского дара, не награждаются при сообщении благодати

¹⁵ См.: Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы, послание и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. 4-е изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 406.

пасомым и, наоборот, подлежат строжайшему суду Божью. Но пасомые при наличии пастырства удерживаются в благодетельном настроении смирения. Наделение всех преимуществами повело бы к массовому надмению, ввиду склонности людей гордиться. “Равенство,— говорит Златоуст,— часто доводит до ссор.”¹⁶ По словам святого Григория Богослова, “и в Церквах... Бог постановил, чтобы одни... оставались пасомыми и подначальными, а другие, стоящие выше прочих по добродетели и близости к Богу, были пастырями и учителями”¹⁷. Потому-то неиерархичное протестантство выделяется гордостью, индивидуализмом, чувством собственного достоинства. Наоборот, подчинение пастырскому авторитету требует смирения подчиняющихся, особенно когда пастыри нравственно худы.

Нравственно-мистическое обоснование бытия специального пастырского института с точки зрения *экономи* Домостроительства и идеи Церкви оправдывает деятельность в Церкви пастырей, не выделяющихся особенно нравственностью. Они наделены полномочиями, правами и дарами благодати по Божью допущению. Для руководства другими всякому пастырю дается особая благодать. Отрицание ее протестантами и сектантами совершенно тенденциозно.

Богооткровенное учение положительно свидетельствует о Божественном новозаветном учреждении особого класса пастырей. Догматико-экзегетическое оправдание пастырства можно усматривать в самом установлении его Иисусом Христом.

Избрание и выделение Господом из среды верующих двенадцати из семидесяти Апостолов сопровождалось воспитанием их для особой церковно-общественной деятельности. С этой целью Господь Спаситель избранным Апостолам преимущественно открывал тайны Царствия Божия. Воскресши из мертвых, Он *в продолжение сорока дней* являлся им и говорил о Царстве Божием (см.: Деян. 1:3). Затем Апостолы были наделены исключительными полномочиями проповедовать Евангелие Израилю и всему миру (см.: Мф. 28:19), “вязать и решить грехи” людские (см.: Мф. 16:19; 18:18). Сообщение “власти ключей” и пастырских прав было сделано Спасителем чрез дуновение. *Иисус... дуноу и глагола* Апостолам: *приимите Дух Свят* (Ин. 20:21-22). Специальный дар пастырской благодати выделил Апостолов из среды прочих верующих. В отличие от простых верующих пастырям усвоена была благодать прощать и вязать грехи, отворять и затворять врата Царства Небесного. *Как послал Меня Отец,—* говорил Апостолам Спаситель,— *так и Я посылаю вас* (Ин. 20:21). Как Господа дело Искупления или дело пастырства ставило в исключительное отношение к миру, так и святые Апостолы стоят к спасаемым в подобном же отношении.

Протестанты против специальности пастырского благодатного дара выдвигают два возражения.

Первое. “Нельзя,— говорят они,— распространять названный дар на апостольских преемников.” Но ложность их мысли самоочевидна, если вспомним о наличии в мире грешников, требующих очищения и непросвещенных язычников. Подобные лица нуждаются в апостольских преемниках для своего очищения. Поэтому Господь, посылая одиннадцать учеников проповедовать и крестить, прибавил: *И се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28:20). Апостолы не жили до скончания века на земле, жить должны их преемники.

Второе неверное суждение протестантов “о всесвященстве” опирается на своеобразное понимание ими слов апостола Петра: *Устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить... жертвы, благоприятные Богу* (1 Пет. 2:5). Тенденциозно усматривающие в приведенных словах отрицание пастырского института сталкиваются в пятой главе того же послания апостола Петра с совершенно ясными словами противоположного значения: *Пастырей ваших умоляю я, сопастырь... пасите Божие стадо, какое у вас... не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду... младшие, повинуйтесь пастырям* (1 Пет. 5:1-5). По смыслу речи пресвитеры, или старшие, противопоставляются пасомому стаду и увещеваются пасти его смиренномудренно, без увлечения своими правами. Отсюда здесь не отрицание, а ограничительное утверждение пасторских полномочий, а о всесвященстве ни слова. *Царственное священство* (1 Пет. 2:9) у Апостола означает вовсе не всеобщее пастырство, а только жертвоприношение Богу своей чистоты чрез *отложение всякой злобы, всякого коварства, лицемерия, зависти и всякого злословия* (ср.: 1 Пет. 2:1), что и есть *духовная жертва святого священства* (ср.: 1 Пет. 2:5). Адресуясь с посланием к обрезанным малоазийским пришельцам, апостол Петр, говоря ветхозаветным языком, естественно сравнил христиан со священниками, приносящими Богу жертвы уже не плотские, а духовные (см.: Евр. 9:1-28). Сама по себе аналогия “священства” Израиля должна быть понимаема как изображение нравственного освящения израильского народа путем исполнения заповедей

¹⁶ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1903. Т. 9. С. 775.

¹⁷ Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 1. С. 13.

Божиих. В этом смысле Господь говорит Моисею о современных Моисею евреях: *Вы будете... царством священников, народом святым* (ср.: Исх. 19:6) — и отличает их от классовых священников. Подобное толкование следует прилагать и к приведенным выше словам апостола Петра. Говоря вообще, вопреки тенденциозно-гордой протестантской и сектантской мысли, пастырство есть специальный класс людей, который *Дух Святой постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога* (Деян. 20:28).

Апостолы ставили себе особых преемников, а те продолжали хиротонии. Пастырский авторитет всегда признавался всеми Отцами Церкви и отрицался лишь сектантами и раскольниками.

Итак, пастырство может быть предметом науки в силу данных истории, психологии, мистики, догматики и экзегетики.

При самостоятельности пастырского института и настроение пастырей отличается своими особенностями. Самосознание, самочувствие и переживания пастырей вытекают не из одной практической деятельности или из внешнего служения, а из внутренней устроенности или пастырского аскетизма.

Последний разнится от общего аскетизма, составляющего предмет специальной науки.

Сам по себе христианский пастырь облечен специальными обязанностями быть посредником между Богом и людьми. Так на него смотрят миряне, и таким он чувствует себя. Его привилегия и полномочие посредствовать в облагодатствовании людей выделяют его психику из обычного внутреннего склада, свойственного заурядной верующей массе. Под влиянием исключительных прав у него вырабатывается личная характерная настроенность, совершает ли он Таинства, и особенно Евхаристию, дерзновенно ли молится за богослужением или пастырски благословляет пасомых. Тожественные полномочия приносят в пастырскую душу своеобразные переживания, решительно не сводимые ни на какую общую психологию. Посредничество перед Богом существенно определяет и самые отличия пастырской аскетики.

С другой стороны, и душепопечение, или руководство людей ко спасению, вносит свой элемент в души заботящихся о пастве. Правда, и миряне должны заботиться друг о друге и о себе — в смысле спасения. У пастыря попечение о спасении других находится в основе его отношений к пастве, к своей семье и к самому себе. Сознание жизни, отданной всецело другим, окрашивает собою все общие и частные пастырские переживания. Заботиться пастырю о спасении других необходимо в силу Божественного права, а не по евангельскому совету и не для сверхдолжной заслуги.

Сравните самочувствие двух проповедников: пастыря и какого-либо мирянина. Мирянин не обязан проповедовать и разрешение на этот частный вид церковного руководства людей получает от пастыря — за его ответственностью и полномочием. В то же время сам пастырь является свыше освященным благодатным проводником Божией воли. Наставление пасомых — его прямая обязанность и право. Это чувствуют миряне. И если к светскому проповеднику они настроены более критически, как равные к равному, то от пастыря смиреннее принимают увещания и обличения, смотря на него как на голос Божий в Церкви. По характеру проповедь светского человека в Церкви большей частью представляет спокойное, нередко отвлеченное, изложение христианских истин. Между тем в проповеди доброго пастыря заметны отеческая забота, родительская жалостливость и желание раскрыть предмет слова для пользы родных детей. И все истинно пастырское руководство проникнуто чувством духовно-родительской любви. Поскольку духовное руководство — это право и обязанность служителя Церкви — требует еще педагогического опыта, постольку пастырская педагогика должна занять в системе Пастырского богословия первостепенное место.

В связи с этим следует пастырские свойства оценивать не по их существу, а с точки зрения воздействия на пасомых. Например, смирение должно рассматриваться пасторологом в виде средства успешнейшего воспитания духовно больной паствы и при коллизии смирения с необходимостью твердой власти. Разрешение подобных вопросов не может не интересоваться всякого духовного воспитателя паствы с научной точки зрения.

Далее, общеаскетические переживания у пастыря приобретают свою оригинальнейшую выразительность. Все христиане молятся, но пастыри молятся пастырски. Мироотреченное настроение присуще всем членам Церкви, но пастырский аскетизм резко колоритен. Пороки пьянства, разврата, гнева и другие, нетерпимые и в мирянах, в пастыре сугубо недопустимы. Это потому, что пастырь, образец, пример пасомым, должен нравственно быть выше их. Он,

преимущественно занятый вопросами религиозно-нравственными, должен быть чище мирян, острее и глубже переживать все благодатное и более ответственен за свои поступки, чем миряне.

Святой апостол Павел от кандидата на священнослужение и пастырство, в сущности, требует общехристианских проявлений доброй деятельности (см.: 1 Тим. 3) — только в высокой (единобрачие), идеальной степени.

Из сказанного выше о пастырстве сделаем общие выводы:

- 1) в основе науки Пастырского богословия лежит пастырская аскетика;
- 2) она анализирует пастырское настроение и указывает условия для его образования;
- 3) главные условия создания пастырского настроения:
 - а) исключительное, благодатное посредничество пастыря;
 - б) обязанность и право заботиться о спасении других;
 - в) педагогическая точка зрения на свою деятельность;
 - г) высота религиозно-нравственных требований, предъявляемых к пастырю;
- 4) отличие Пастырского богословия от прочих богословских дисциплин заключается в том, что в нем центр тяжести лежит в личности пастыря и пастырской психологии. В других же науках богословского характера истины богословия рассматриваются отвлеченно от пастырских переживаний.

Сравнительно с этикой и высшим ее видом — общей аскетикой — Пастырское богословие раскрывает общий подотдел общей аскетики, относящийся к частной пастырской психологии. Здесь наша наука сближается с наукой старчества, или педагогической аскетикой. Из общей духовной педагогики она заимствует специально пастырские переживания преимущественной любви, права и обязанности нравственного воспитания пасомых и другое и наблюдает во всех видах пастырского служения отпечаток личности пастыря. Исходя из такого построения своей научной системы, русские и западные пасторологи считают ее практически завершающей и осуществляющей данные прочих богословских дисциплин. Отсюда ими вводятся подотделы пастырской литургики, каноники, катехизисов и прочее и рассматриваются частные стороны пастырского служения. Все это, конечно, полезно неопытным пастырям, но полезно неглубоко — по внешней рецептивности указаний. На характер раскрытия научной пасторологической системы названные приложения влияют, в общем, нежелательно, так как ведут к уклонению от существа предмета повторением одного и того же и к дроблению привносимого материала.

Ввиду этого во главу угла нашей науки поставим рассмотрение свойств пастырского настроения, наиболее типичных для различных видов пастырского служения. Общая цельная психология пастыря легко приложима к освещению частных сторон пастырской работы в живой действительности. Первоначальнее всего пасторологу важно изобразить проникновение пастыря идеальными свойствами и претворения их в его органическое достояние.

Правда, пасторология более практична, чем принципиальна, затрагивает область пастырского искусства, опыта, подвига, едва уловимых в разнообразии психических переживаний и с трудом подводимых под категорию точных общих правил. Но она не лишена возможности, стоя на почве психологии и жизни пастырей, формулировать законы пастырства с обоснованием их наблюдениями над церковной жизнью. Здесь всякая речь о деле и всякая теория подготавливают к практике и предупреждают ошибки деятелей на ниве пастырства. Говоря кратко, значение науки Пастырского богословия отчасти созидательное (конструктивное) и отчасти направляющее (регулятивное). Пастырское богословие сообщает умение пастырски действовать, влиять на психику и жизнь других людей и в этом смысле носит в себе задатки творчества.

При этом нельзя не оговориться и не сказать, что бывают добрые пастыри-самородки, развившие свои дарования не в результате науки, а чрез ревностный личный подвиг жизни. Отец Иоанн Кронштадтский окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию одним из последних студентов. Он обязан в создании своего выдающегося подвижнического настроения главным образом собственному подвижничеству, практической подготовке к делу, серьезному религиозно-нравственному воспитанию и личному возгреванию в себе пастырских свойств. Вообще, истинно пастырский прочный идеализм воспитывается прежде всего подвижничеством и исполнением уставов Церкви, что укрепляет в пастырях веру, любовь и дух церковности.

Но и Пастырское богословие усиливает в изучающих его любовь к пастырству, отражаясь в них, как и всякое знание в изучающих науку. Оно верно формулирует законы идеальной, надлежащей (нормативной) психологии пастыря и тем регулирует его естественную психологию. Под контролем общих принципов Пастырского богословия у пастыря на практической жатве человеческого спасения вырабатывается индивидуальная пастырская психика.

Трудность установления общих законов в области пастырской аскетики не есть невозможность. Основание для обобщения и формулирования основных законов пастырской психологии заключается в существенной общности психологии пастырской с христианской психологией. Эта общность позволяет отметить типичные формы пастырской деятельности, ее главные особенности и виды, тем более что слово Божие и творения святых Отцов уже точно отметили свойства идеальной, святой, и падшей человеческой души. Личный духовный опыт каждого пастыря дает возможность, отчасти интуитивно, понимать надлежащее пастырское настроение без специально точной его формулировки. Святоотеческие творения, описывающие переживания Отцов Церкви, связанные с пастырством их, дают критерий для проверки тезисов и выводов пасторологии и придают им авторитетность.

Часть 1

Пастырь пред хиротонией и по рукоположении.

Приготовление к пастырству.

Идеал христианского пастыря навеки дан в Лице Господа Спасителя. Возвысится ли кто за поисками высшего идеала к звездам небесным, сойдет ли в глубины морские — другой подобной чарующей красоты Небесного облика, как у Спасителя, не найдет нигде. В Первопастыре Христе, как Первосвященнике,— совершенство пастырей, желательный элемент их создания, образец жизни и сама жизнь их. Самые имена Господа, как читаем в одной рукописи 11 в., говорят о способах пастырского подражания Ему. Он — помазанный елеем, Назорей, Сын Вышнего и Спаситель, как образец милосердия, посвященный Богу от чрева Матери, пример возвышенного созерцания духовного мира и Созидатель людей (см.: Мф. 1:16; 2:23; 1:21-25; Лк. 1:32).

Он — Еммануил — безотлучно пребывающий с пасомыми день и ночь, Сын Человеческий, как похожий на нас с наших лучших сторон (см.: Мф. 1:23; 13:37); Чистый, как девственная лилия полей; Смиранный, как приниженная фиалка; Любящий, как алая роза, по слову премудрого: *Яко сад шипковый во Иерихоне* (Сир. 24:15). Таковы должны быть и пастыри Христовы. Свет их деятельности и настроения пусть не может открыться во всем полуденном блеске, но может разгораться тихо, как утренний свет. Служение Господа и пастырей воссозданию человечества мыслится в десятой главе Евангелия Иоанна (см.: Ин. 10) и Евангелия Матфея в словах: *Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков* (Мф. 4:19). И еще сюда же относятся евангельские изречения: *Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин. 13:15). *Я вас избрал и поставил, чтобы вы шли и принесли плод, и чтобы плод ваш пребывал* (ср.: Ин. 15:16). *Добрый Пастырь Христос* (см.: Ин. 10:11) — высший первообраз пастырей, идеал их, показывающий, какова должна быть всякая живая пастырская личность. Проникнутые Его бесконечным величием, пастыри могут вслед за пророком Иеремией сказать: *Ты влек меня, Господи,— и я увлечен... было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог* (Иер. 20:7-9). Спаситель указывает современным пастырям общее направление в достижении ими цели служения их, по слову Апостола: *В вас должны быть те же чувства, какие и во Христе Иисусе* (Флп. 2:5).

Подражание пастырей Господу должно быть, прежде всего, в приготовлении к своей пастырской деятельности.

Спаситель готовил Себя к великому пастырскому подвигу, как говорят пасторалисты, изучением Писания, посещением синагоги и Храма, этой колыбели и кормилицы веры Израиля. Он поражал глубиной чувства и богатством Своего духа во время беседы с ними в Иерусалимском храме. В повиновении же родителям Он обнаружил самоотречение и смирение Своей любви к Богу и человекам. Неся потребность глубокого покоя для углубления в Себя, Господь Спаситель любил уединение и созерцал тогда дело Искупления. Будучи истинным человеком, Он образовывал характер в отражении искушений (см.: Лк. 4:1-13). Его потребностью было пребывать в пламенной молитве к Небесному Отцу, извлекать из созерцаемой в природе картины благодати Божией пищу для духовной мысли. Им познавалась природа религиозно. Знал Он глубоко людские радости, скорби и нужды, прозревал всюду Промысел Жизнеподателя. Работа над Своей человеческой природой подготавливала Его к прохождению Своего пастырского служения, причем духовное возрастание у Него шло в гармонии с телесным развитием.

Таким образом, идеально прекрасная личность Первопастыря Христа сложилась из следующих жизненных элементов: изучения слова Божия, внутреннего самосозерцания, уединения, уяснения высшего смысла природы и жизни, из молитвенных бесед с Небесным Отцом.

Серьезное приготовление к пастырству современных пастырей должно, в подражание Господу, выражаться приобретением знаний, чистоты, близости к Богу. Сведущий в теории пастырства легче приобретает опыт, глубже наблюдает окружающую жизнь, тщательнее работает над собственной личностью и возгревает возвышенно идеальную настроенность, бросая пастырскими трудами свет практики на свою теорию.

Необходимость обдуманного и зрелого приготовления к пастырству видна на Апостолах Христовых. Допущенные по призванию к теснейшему внутреннему общению с Господом и составляя Его свиту, они не тотчас сделались *ловцами человеков* (Мф. 4:19), а больше трех лет были со своим Учителем, слушали Его, приглядывались к Его жизни, пользовались Его доверием и руководством. Вначале они слабо отражают свойства Учителя, но после мало-помалу проникаются Его чудесным влиянием и поддаются Ему. Нрав их становится мягче, речь умереннее, поступки более отрешенными от себялюбия. Как ласточки, нашедшие лето, или как замерзшие почки под влиянием теплых лучей весеннего солнца, они раскрывают свою природу около Господа для более полной пастырской жизни. Значение притч им было объяснено со стороны Господа особенно, и они называли Своего Учителя *Равви* (Мк. 9:5), что значит Учитель жизни.

И пастыри из соответствующих их деятельности книг Священного Писания, как из глубины морской, прежде всего должны износить жемчужины знания, богатства наблюдений над человеческой природой, прояснить истину для самих себя. Теоретическая подготовка исследованием Писаний должна раньше возродить самого пастыря, вывести на свет Божий все хорошее в его жизни. Плохое он обязан оставить, покаянно оплакать, забыть и твердо решить более не грешить, и, ставши истинно хорошим человеком, он может быть и истинным пастырем. Знания у пастыря должны быть не самоцелью, не суетою сует, а средством к нравственному улучшению. Все дела свои он должен относить ко Христу, мысленно поставляя их на Его одобрение, имея всегда пред очами Его идеальный образ и благоговей пред Ним. Так вызывается человек в пастыре человек. Подчинивший себе грубые инстинкты и научившийся играть на многосложном инструменте своей души у себя дома, тот овладеет им и в чужом собрании. Он открывает в себе победой над страстями, молитвой и словом Божиим сферу добрых мыслей и расположений. Наконец, наблюдение в природе величия, премудрости и силы Божией и непосредственное изучение жизни в людских бедах, болезнях и религиозных подъемах еще более осмысливают приготовление к пастырству.

Некогда посещение Иерусалимского храма Господом Спасителем в двенадцатилетнем возрасте вызвало в Нем мысли о Храме как о доме Отца Его. Здесь именно по человечеству Господь решил вопрос о призвании Своем служить миру. Охваченный и воспламененный мыслью о Своем призвании, Господь забыл об окружающем, почувствовал непреодолимое побуждение заниматься деятельностью Своего Отца и быть в Его доме, в сознательно свободном подчинении Своей воле Отчей. Замечательно, что всю Свою пастырскую деятельность Господь Спаситель изводил из Своего внутреннего собственного Я, руководясь тем, что Ему представляется должным.

Отсюда и для христианского пастыря необходимо внутреннее призвание как импульс его мысли и пастырского бытия. Апостолы Андрей и Иоанн, согласно указанию Предтечи Господня (см.: Ин. 1:35-37), пошли за Божественным Учителем по внутренней необходимости и желанию и в приятии ученичества от Него восприняли пастырство. Желание быть учениками Христовыми Апостолы выразили вопросом к Нему: *Равви,— или, что то же, Учитель жизни,— где Ты живешь?* (ср.: Ин. 1:38). Такое состояние духа — внутреннее призвание к пастырству. Собственно, здесь мы видим простое сближение будущих пастырей с Пастыреначальником, внутреннее желание быть учениками, свободное решение следовать призыву и своему порыву к свету и истине. Внешнее призвание благодаря ближайшему знакомству с Пастыреначальником развилось у Апостолов в призвание внутреннее. Отсюда пастырское призвание есть способность к непринужденному следованию человека за Христом, связанное с нею стремление к продолжению Его дела и благоприятные для развития этих стремлений и способностей внешние обстоятельства.

Изредка, при внутреннем призвании, благодать Божия явно прикасается к сердцу призываемого и бывает слышима в совести (см.: Откр. 3:20), как это можно наблюдать на примере митрополита Московского и Коломенского святителя. Иннокентия (Вениаминова). Если у высоконравственных лиц слышимы сердечные веяния и голос благодати, то в обыкновенных случаях внутреннее призвание ощущается как ясно сознанное стремление человека к пастырству.

Внешнее призвание к пастырству иногда отождествляют с направлением обстоятельств жизни тех или иных лиц к пастырству и тесным сближением их с пастырством Христа.

Из желающих следовать за Христом Спасителем во дни Его земной жизни одни отвергались, другие призывались, третьи признавались неблагонадежными для Царства Божия (см.: Лк. 9:57-62) — в зависимости от своекорыстия, от искренности желания и за увлечения мирскими привязанностями. Спаситель никого не исключал из своих последователей, но недостойным не препятствовал исключать самих себя. Вокруг Него происходила мощная работа сердец, и результат борьбы показывал меру достоинства призываемых. В этом-то и заключалось образное выведение лопатой Христовой недостойных последования за Ним (см.: Мф. 3:12).

Говоря кратко, пригодность к пастырству определяется свободно сознательным подчинением воли призываемых воле Бога, вытекающим из внутреннего “я” человека и не покидающим его.

Переход от призвания внешнего к внутреннему можно наблюдать на примере апостола Петра. При восстановлении его в апостольском достоинстве на берегу Генисаретского озера Господь вопрошает его трижды о любви к Себе словами: *Любишь ли ты Меня* (Ин. 21:15-17) — любовью совершенною, вечною, неизменною? И Апостол отвечает: *Ты знаешь, что я люблю Тебя* (Ин. 21:15-17) — дружески преданно. После внутреннего самоопределения и самопроверки себя Петром Спаситель говорит ему: *Паси агнцев Моих* (Ин. 21:15) — юную нарождающуюся Церковь, *паси овец Моих* (Ин. 21:16-17), питающихся более твердой пищей. Очевидно, за глубокую любовь ко Христу, искренне обдуманное стремление к пастырству Петр удостоен пастырских прав в полном объеме.

Внутреннее призвание могут воспитать в себе все, искренно желающие поработать над собой в пастырской подготовке. У них к сознанию пастырского долга постепенно примешивается интерес, желание продолжать дело, а потом и стремление продолжать учительство с любовью, что и составляет знак внутреннего призвания. Вдумчивое отношение к цели своей жизни и полная убежденность в исполнимости пастырского служения ведут к истинно пастырской деятельности. Будущему пастырю необходимо смиренно сознавать свое достоинство, постоянно ходить в покаянном настроении, и Господь его, изветшалого, немудрого и немощного, высотой самого служения возбудит к ревностному исполнению, усугубит его талант благодатью и в немощи его совершит Свою силу. При несоответствии пастырскому идеалу совесть будет всякий раз мучить такого пастыря до тех пор, пока он не воздвигнет себя к исправлению.

Итак, желающий пастырства должен воспитать в себе самоотверженную любовь, готовность самоотверженно сносить укоризны и злословия при исполнении Божией воли. Не имеющий таланта Петровой любви должен работать в Божием вертограде с наличною своею любовью, ввиду настоящей немалой нужды в служителях Церкви. Апостолы, призываемые Господом к пастырству, на зов Христов даже не сказали простого “да,” а всецело доверились Божественному Пастыреначальнику и приняты были Им в Его доверие. Так и современные верующие могут быть достойными пастырями при любви ко Христу, подчинении Его воле личного своеволия, при внутреннем пастырском настроении, полном смирения и высоком в интеллектуальном и моральном отношениях. Отказывающийся от пастырского служения, при способности к нему, наказывается презрением Церкви и гласом Господним чрез Пророка: *Вы презрительно обратили ко Мне хребет и не повиновались; так будет и вам: когда призовете Меня, не призрю на молитву вашу и не услышу ее* (ср.: Иез. 8:16-18). Подобно первозванным Апостолам у Господа, теперь, в наличной действительности, первозванными к пастырству должны быть названы современные воспитанники духовно-учебных наших заведений.

В духовных школах их настраивают, формируют, воспитывают, развивают и каждый атом в их организме делают как бы церковным. В учебных заведениях они воспитываются на трудовые жертвы простецов верующих, составляющие свечной доход приходских церквей, пользуются всегда особенным попечением школьной администрации. И каждый из таковых вправе изъявить желание быть пастырем, войти в содружество со Христом, Который готов принять их в доверие к Себе. Питомцев духовной школы призывает к пастырству сама жизнь, Промысел Божий. Не они избрали Господа, а Он избрал их в Свои ученики, чтобы они, по выходе из школы, шли и приносили плод на ниве пастырства. Иные родители, как пророчица Анна — пророка Самуила (см.: 1 Цар. 1:11), посвящают своих детей Богу от чрева своего, от рождения их, а те должны взаимно воспитать в себе постоянную внутреннюю склонность к служению Церкви, желание любить пастырское звание и носить его. Когда совесть уполномочивает нас и побуждает нас возложить на себя исполнение пастырской обязанности или обстоятельства жизни ведут к тому, тогда мы

призваны делать Божие дело. Пастырское призвание — результат внутренней работы над собой, а не результат внешнего чуда. Работать над собой следует во имя Христовой любви и в этом полагать свое призвание.

Самооценка в пастырском приготовлении к служению Церкви маловажна из-за своей нередкой ложности. Так, готовящиеся ко священству могут прельщаться будущим своим служением в силу желания влиять на других или прельщения внешней красотой богослужебных действий. Иные находят предвкушение удовольствия от мысли, что они будут учить, наставлять, исповедовать верующих. Некоторые, с тонким самолюбием, мечтают о высоких должностях и церковно-административной работе и достижениях. Приступающие к пастырству с описанным предрасположением скорее способны внести в жизнь своей паствы путаницу, чем ее преобразовать к лучшему.

С другой стороны, бесполезно будущим пастырям в период подготовки к служению непрерывно щупать пульс каждому своему ощущению для определения меры своей годности к пастырству. Такой самоанализ выражает лишь слабохарактерность, поддающуюся летучим влияниям мыслей. Но среди кандидатов священства встречаются и достойные люди. Отмечая наличие их, преподобный Симеон Новый Богослов в своем 88-м слове говорит: “Кто... стяжал такую любовь к Богу, что лишь только услышит одно имя Христа, тотчас начинает гореть пламенем к Нему и проливать слезы, плакать при этом и о братьях своих, почитая грехи других собственными своими и от всей души имея себя самого грешнейшим паче всех... но питает дерзновенное упование на Божественную благодать и силу, ею подаемую, и если с готовностью решается на такой шаг (принятие священства), то... тот готов живот свой положить за братьев, во исполнение заповеди Божией и любви к ближнему”¹⁸.

Люди с таким настроением редки. Большинству приготовление к священству дается большой предварительной работой над собой. Склад души русского человека, жаждущего обновления, скорбящего о своих грехах и стремящегося и себя, и других приблизить к Богу, как раз соответствует тому настроению, которое должно определиться в кандидате священства.

Естественная подготовка к его будущему служению должна выражаться в следующем совершенствовании:

1) он обязан изучить условия успешной борьбы добра со злом по разуму Библии, святых Отцов Церкви, по аскетикам епископа Феофана Затворника и епископа Игнатия Брянчанинова, на основании современной изящной и классической литературы и общения с больными, скорбными и опытно духовными лицами;

2) его обязанность — навязать к проповедничеству, уяснить себе при этом истины веры и побеждать застенчивость. Малодейственное внутреннее слово, высказываемое проповедью, растет у самого проповедника, как пять евангельских хлебов в истории насыщения пяти тысяч человек (см.: Мф. 14:17-21);

3) навыки чистоты, благочестия, любви и сострадания должны быть для готовящегося к священству первейшим объектом внимания. Бывают пастыри-аскеты, послушные высшей церковной власти, но чуждые пастырского умения объединяться с паствой. На поприще церковного служения они нередко неопытны и тяжелы для пасомых сухостью и черствостью. Учиться пастырскому духу по книгам подвижническим следует осмотрительно и с выбором руководств. Есть книги, которые превосходно учат чистоте и богомыслию, но не раскрывают путей к воспитанию отзывчивости и сострадания. Названные качества учат развивать лишь те руководители, которые потрудились в общественной работе, направленной к душевному спасению руководимых ими. Их пример показывает, что самозамкнутому человеку нужно сближаться с людьми в их несчастиях, когда они сами напрашиваются на откровенность и сочувствие, деятельно раскрывать себя к участию другим и расширять свою открытость и мягкость обращения. Сладость бескорыстной любви сама повлечет к продолжению деятельности на пользу окружающих. При малочисленности искренних людей как ценны лица, полные задушевности! Между тем только они способны горячо проповедовать, понимать настроение собеседников и уметь давать им нужные ответы. Напротив, закованность в номизм (греч. *ὁ νόμος* — закон) и схоластику очерствляют человека и разобщают со всеми;

4) наиболее важный труд надо приложить кандидату священства к приобретению прямолинейных религиозных убеждений. Колебания воли пасомые прощают своему пастырю при его немощах, но измену убеждениям — никогда. Равно и суд Божий, и суд личный требует от каждого из нас быть человеком идеи. Условность, подчиняющаяся разным порывам по часам дня и

¹⁸ Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. М., 1890. Вып. 2. С. 461–462.

попускающая за молитвой злоречие, цинизм, пренебрежение верой и тому подобное, в пастыре недопустима. Ему никогда нельзя маскироваться неверием, но следует неизменно быть преданным вере, быть *железным столбом и медною стеною* (Иер. 1:18) в неизменном соблюдении Закона Божьего, уклонение же от воли Божией оплакивать горько. Взгляд на пастырство как на внешнюю профессию хиротонисаемого лишает обновления благодатью священства. При учительстве он, сделавшись пастырем, изнесет из своей души пасомым одни сухие, диалектические доводы необходимости добродетели и гибельности порока, но никто из слушателей от проповедничества его не подвигнется к исправлению и не придет в чувство. Неуклонно верный пастырским идеалам до хиротонии расширяет свои религиозные понятия, создает в себе целостность характера без фанатизма, без раздражительности и холодного квиетизма (лат. *quietus* — *спокойный, безмятежный*), вырабатывает духовный вкус и чутье к оценке жизненных явлений.

Вступив на поле пастырского служения, он будет в полном смысле слова *устами Божьими* (ср.: Мф. 4:4) в руководстве верующими.

Сущность пастырского служения.

Раскрытию важнейших сторон пастырской психологии предположим рассмотрение вопроса о сущности пастырского служения.

Обычно существенную цель пастырского служения полагают в заботах о духовном усовершенствии или спасении людей. Такое определение, бедное содержанием, слишком общее. Под это определение душепопечения без натяжек может подойти пастырство всевозможных религиозных направлений и оттенков: попечителями душ пасомых одинаково считают себя церковники-обновленцы, ксендзы, пасторы, сектантские пресвитеры, или “старшие братья,” магометанские муллы и языческие жрецы.

Православно-пастырское богословие, в лице своих разных исследователей, характернейшей чертой христианского пастырства считает и нравственное руководство паствой, и тайноводство, и проповедничество, и сумму трех видов пастырского служения, только что поименованных. Профессор В.Ф. Певницкий, например, признает, что пастырское служение состоит “в строении Таин Божиих, проповеди слова Божия и попечительном руководстве людей в духовной жизни”¹⁹. Архиепископ Антоний (Храповицкий) в пастырской деятельности отмечает два свойства: благодатно-духовное возрождение людей и руководство их к духовному совершенству²⁰.

За отсутствием единого определения сущности пастырства в пасторологии неотчетливо преимущество какой-либо важнейшей стороны этого служения. С упадком у нас живого пастырского духа данный вопрос освещается или односторонне, или неверно или вовсе забывается. Многие современные пастыри главную часть своего служения усматривают в совершении Таинств, богослужения, треб и молитвенных чиноположений. Другие считают это второстепенным в пастырстве, а главным считают руководство пасомых и расширение проповедничества. Третьи, в последние годы нашей жизни, вводят в состав пастырских обязанностей усиленные заботы об устройении земной культуры и участие в государственном строительстве. Мироотреченный же, “византийско-аскетический,” характер пастырства осуждают (обновленчество). Четвертые, признавая важность тайноводства и руководства у пастырей, отделяют пастырство от священства и относят священство более к Догматике (см.: *Экземплярский В.И.* Библейское и святоотеческое учение о сущности священства. Киев, 1904), а пастырство к научной Пасторологии (архимандрит Борис Плотников) или к особому отделу ее (архимандрит Кирилл Наумов).

Вот почему необходимо ясное определение существенного характера пастырства, общим признаком коего признается руководство ко спасению. Различие ответов на данный вопрос должно зависеть, очевидно, от того или иного понимания спасения. Пасторология не занимается толкованием существа спасения и принимает уже готовое понимание спасения. Епископ Феофан Затворник, признанный судом Церкви и Академии авторитетом в области аскетике, определяет христианскую жизнь в смысле ревности и силы “пребывать в общении с Богом деятельным, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его во славу пресвятого имени Его”²¹.

Следовательно, существо христианской жизни состоит в богообщении о Христе, Господе нашем, в “богообщении, вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя”²².

¹⁹ Певницкий В.Ф. Священство. Основные пункты в учении о пастырском служении. Киев, 1892. С. 1–2.

²⁰ См.: Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий). О православном пастырстве. С. 1.

²¹ Свт. Феофан Затворник. Путь ко спасению. 8-е изд. М., 1899. С. 9.

²² Там же.

Первоначально оно выражается подвигами очищения от грехов и лишь постепенно становится ощутительным при своей таинственности. Если богообщение — цель трудов наших и сущность спасения, то и начало его и последующее Домостроительство спасения или способность и сила его достигать зависят не от человека, а от Бога, имеющего власть дать Себя в желаемое общение. Вера и усилие человека в спасении требуют восполнения благодатью Духа Святого по милости и благодати Божией. Чрез Духа Святого и совершается богообщение. Без благодати Божией в христианине не может быть ничего доброго, как и апостол Павел говорит: *Благодатью Божьей я есмь то, что есмь* (ср.: 1 Кор. 15:10). Долго мы не знаем сей необходимости своего душевного укрепления благодатью. Когда же это опознаем, тогда начинаем видеть необходимость для себя благодатной силы буквально в каждую минуту нашего бытия, подобно дыханию. Беспредельно широкая действующая в человеке благодать Господня. Для человека всем является Господь постоянно. Человеческие привнесения в дело своего спасения состоят лишь из сознания греховности и из немощных усилий выйти из нее. Сообщение людям дароспасающей благодати есть цель служения в Церкви Господа Спасителя. Он исходатайствовал от Бога Отца изливание Святого Духа на Церковь в Пятидесятницу. С того времени до кончины настоящего бытия Дух Святой непрестанно посылается на спасение людей чрез Господа Иисуса Христа, Посредника между Богом и людьми.

В связи с этим сущность пастырского служения Господа наиболее правильно усматривать в благодатном посредничестве (см.: Ин. 10; 1 Пет. 2:25; 5:4; Евр. 13:20). О продолжателях Своего служения — Апостолах и их преемниках, пастырях, Спаситель сказал: *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ин. 20:21). По выражению апостола Павла, пастыри — соратники, споспешники, слуги Христовы, посланники Божьи, от имени Христова, то есть те же посредники и продолжатели дела Христова (см.: 1 Кор. 3:9-10; 4:1-2, 9; 2 Кор. 5:20). *Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собой и давшего нам (Апостолам) служение примирения... Итак мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом* (2 Кор. 5:18-20). Судя по этим словам, характер пастырства выражается посредничеством не человеческим, а Христовым, благодатным. *Если кто Духа Христова не имеет, тот и не Его* (ср.: Рим. 8:9). Мысль о Божественном, благодатном посредничестве пастырей апостол Павел защищает в первых четырех главах Первого послания к Коринфянам против ложного взгляда некоторых коринфских христиан, привязывающихся к человеческим преимуществам своих духовных отцов.

Представление о пастырстве как благодатном посредничестве в деле возрождения людей отмечено в учебнике по Пастырскому богословию архимандрита Кирилла Наумова. Только здесь посредничество более относится к богослужению и тайноводству, пастырское проповедничество и руководство лишь отчасти связаны с основной сущностью пастырского служения. Подобное деление искусственно, если не объединить всех сторон пастырства в общем признаке — посредничестве пастыря за паству пред Богом.

Святоотеческий взгляд на благодатное посредничество в пастырстве особенно ясно показывает, между прочим, преподобный Симеон Новый Богослов: «Владыка наш и Бог, желая научить нас, что к Богу приближаться надлежит нам с помощью какого-либо посредника и поручителя, Сам, как во всем прочем, показал нам пример и образец, так и в этом Сам был первым Посредником и Ходатаем человеческого естества, принеся оное в Себе Отцу Своему и Богу. Потом поставил служителями сего посредничества и ходатайства святых Апостолов Своих, которые и приводили ко Владыке Христу всех уверовавших в Него. Апостолы опять, из числа сих уверовавших, избирали достойнейших и их рукополагали в преемников себе — быть служителями того же посредничества»²³ и так далее «даже доныне»²⁴. Все они были посланы для того, чтобы сделать «нас сынами» Богу «по благодати»²⁵ посредством проповеди Евангелия и Святого Крещения.

Подобное же воззрение на сущность пастырского служения находим в дневнике отца Иоанна Кронштадтского, мнение которого, бесспорно, равняется по авторитетности святоотеческому. Его мысли на эту тему исходили из опытного осуществления пастырского идеала, почему с ним нельзя не считаться. «Чрез священство грешные люди примиряются с Богом, с Которым бывают постоянно во вражде чрез грех, и становятся братьями Самого Христа и сынами Божьими... Таким образом священство Церкви Православной по своему характеру есть служение

²³ Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 111.

²⁴ Там же. С. 111–112.

²⁵ Там же. С. 117.

величайшее, и на Земле — пренебесное, святейшее, жизнерадостное и всеосвящающее; служение священническое есть посредничество между Творцом и тварью”²⁶.

По отношению к первому Посреднику, Христу Спасителю, посредничество пастырей — слуг Христовых — вторично и даже третично, если принять во внимание действие еще благодати Святого Духа. Сам по себе всякий священник — ничто, но по благодати священства делается виновником исцеления болезней, единения верующих с Богом в Таинствах и руководителем их ко спасению советами и наставлениями.

Во всяком посредничестве налицо взаимоотношение двух сторон чрез третье лицо, посредствующее между двумя. Виды и степени взаимообщения зависят от близости объединяющихся сторон и меры посредственной передачи ими себя и своего — друг другу чрез третье лицо. Следовательно, основные элементы в посредничестве таковы:

- 1) общение;
- 2) зависимость от высшей стороны;
- 3) посредство третьего лица.

Названные элементы имеются во всех видах пастырского служения. Возьмем чисто благодатную, тайноводственную сторону пастырства.

Здесь без пастыря и его благодатных полномочий, хотя пастырь, сам по себе, в Таинствах и не имеет существенного значения, тайноводственного общения людей с Богом не совершается. Пастырь — посредник благодатного тайносовершения.

Совершая богослужения и вознося молитвы в церкви, пастырь по идеалу не рядовой молящийся, а предстоятель от лица всех пред Богом. По благодати священства он возносит Богу молитвы от народа и за народ. Другими словами, он молитвенник посредствующий.

Его руководство паствою, чрез учительство в Церкви и отеческое общение с отдельными пасомыми, содержит в себе три элемента:

- 1) приведение слушателей беседою к общению с Богом;
- 2) действие в богообщении благодати Божией;
- 3) пастырское представительство от лица Божия при возвещении Евангелия.

Божие слово, конечно, действенно само в себе. Но вера, любовь и смирение, дышащие в пастырских словах, возгревают слово Божие в душах пасомых.

За последнее время в верующей интеллигенции и самой пастырской среде упрочился взгляд на служение пастыря, так сказать, душевный, естественный. Со стороны церковного общества и духовенства поднимаются голоса, требующие повысить проповедничество и пастырское руководство и одушевить его. При этом стороны тайноводственная и молитвенная в современном церковном сознании отступают на второй план как неважные, малоинтересные и механичные. Интеллигенты, простой народ и сектанты очень часто проникнуты стремлением оценивать пастырство мерой проповеднического таланта и весом личности самого пастыря. А так как наличная пастырская деятельность не удовлетворяет этим требованиям, то, особенно, сектанты порицают Православную Церковь за оскудение истинными пастырями. К сожалению, и среди духовенства, особенно городского, гаснет представление себя благодатными посредниками и молитвенно представительствующими за народ пред Богом. Это погасание заметно не в теории или сознании, а в сердцах живой психологии и в пастырской практике. Ревностные пастыри более расположены уделять свое исключительное внимание нравственно-воспитательной работе путем энергичного проповедничества.

При выяснении сравнительного достоинства видов служения пастыря следует исходить из понятия этого служения как благодатного возрождения людей и благодатного посредничества. Главный Совершитель спасения людей — Господь и Его благодать. Личность пастыря здесь второстепенна. По отношению к Пастыреначальнику Христу и благодати Святого Духа она — посредствующая инстанция. О том, что благодати Святого Духа в спасении принадлежит, по существу, все, Златоуст рассуждает так: “Не будем... говорить худо (о достоинстве пастыря)... Устыдимся того дня, в который он просветил нас Крещением... он каждый день служит тебе, предлагает чтение Писания, для тебя украшает дом Божий, для тебя бодрствует... за тебя предстоит и ходатайствует пред Богом, за тебя творит прошения, для тебя совершает все свое служение. Этого устыдись, это представляй и подходи к нему со всяким благоговением. Он нехорош? Но скажи мне, что из этого? И хороший разве сам сообщает тебе великие блага? Нет... Бог действовал и чрез волов при кивоте (см.: 1 Цар. 6). Разве жизнь священника или добродетель его может совершить что-нибудь подобное? Дары Божьи не таковы, чтобы они зависели от священнической

²⁶ *Прав. Иоанн Кронштадтский. Живое слово мудрости духовной. СПб., 1911. С. 75, 76.*

добродетели; все происходит от благодати; дело священника — только отверзать уста, а все совершает Бог; священник же исполняет только видимые действия. Вспомни, какое расстояние между Иоанном и Иисусом... И однако, Дух не сошел прежде, нежели совершенно было Крещение... Для чего же так было? Чтобы ты знал, что священник совершает только видимые действия... все устрояет Бог... все совершает Бог²⁷.

Если Бог и благодать Его — главный фактор спасения, то личность пастыря здесь второстепенна. Чрез пастырей действует Сам Господь, тайноводствуют ли они, молятся ли или руководствуют кого. Совершение спасения благодатью выделяет на первый план пастырского служения ту его сторону, в которой непосредственнее, теснее и более всего облагодатствуются люди. Ближе всего богообщение производится совершением семи Таинств Церкви, молитвенных чиноположений и действий, подающих благодать Святого Духа. Отмеченную главную сторону пастырского служения можно назвать мистической, или благодатно-таинственной, и более важною по признаку посредничества прямого, непосредственного.

Продолжение тайноводственного вида пастырской деятельности составляет молитвенное посредничество. По идеалу пастырь-молитвенник стоит как бы посередине между Богом и людьми. Силою благодатной любви одна рука его, так сказать, держит вверенную паству, другая по дару священства дерзновенно держится за Бога. Он ходатайствует пред Богом, испрашивает нужную помощь благодати или по своей инициативе и желанию молится за паству. Кроме часто повторяющихся типичных явлений христианской жизни и событий, освящаемых особыми Таинствами и обрядами, у отдельных верующих людей могут возникать личные, особенные нужды. Для таких случаев Господь дал пастырю право ходатайствовать пред Ним о ниспослании верующим особенной потребной благодати.

Благодать же нужна постоянно и необходимее человеческих предосторожностей, знаний, советов и просьб. За высоту значения молитвенная сторона должна стоять в сознании пастыря почти рядом с мистическим посредничеством. Но степень непосредственности в ней все же меньшая сравнительно с тайноводством. На выработку молитвенного духа современные пастыри как раз обращают внимания недостаточно. И быть может, приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский еще в годы академического студенчества, чутко уловив в современном ему пастырстве черту омертвления молитвенного чувства, сам возгорелся стремлением возжечь в себе пламень молитвенного духа. Свое глубокое желание сделаться искренним предстателем за людей пред Богом он, как известно, осуществил идеально. Молиться горячо, чудотворно было его любимой стихией, особенно за ежедневным совершением Литургии. Подобно этому главная забота всякого пастыря души должна направляться к созданию в себе чистого настроения для безгрешного предстояния Божию престолу и молитвы здесь за людей Божиих по данной благодати. Благодатное *молитвенное посредничество* в связи с этим следует поставить в пастырском самосознании непосредственно за важнейшим *мистическим служением*.

Третий вид пастырской деятельности — *благодатное руководство* естественнее всего рассматривать и ставить пастырю после молитвы. Молитва, как сказал недавно Святейший Патриарх Алексий в речи новорукоположенному епископу Петрозаводскому и Олонецкому Нектарию, “является выражением общения с Богом, ибо от молитвы сила власти.” “Действия” молитвенно возносящегося к Небу епископа “исполнены благодати и силы”²⁸. В пастырском руководстве несомненны и действие благодати, и общение с Богом пастыря и пасомых. При всем том в нем нет характера непосредственности, столь выразительной, как в первых двух видах пастырского служения. Здесь между пастырем и руководимыми им посредствует учительное слово. Оно касается прежде всего мысленной стороны слушателей и чрез мысль падает на орган чувства — сердце, преимущественно печатлюющее в себе религиозные переживания. Потому пастырское руководство вводит в общение с Богом прежде всего мысли пасомых и подготавливает их к Таинствам и молитве — как средствам непосредственного общения с Богом. Его можно назвать непрямым посредничеством и путем людей к Богу — вспомогательным, косвенным.

Высказанный нами взгляд на сравнительное значение тайноводства, молитвы и руководства в пастырстве принимается согласно далеко не всеми пасторологами. В наиболее старых по времени появления в свет курсах Пастырского богословия центр внимания уделяется исключительно пастырскому руководству и учительству. О тайноводстве и молитве пастырей в названных курсах

²⁷ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 770–771.

²⁸ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Речь, произнесенная Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием при вручении архипастырского жезла новопоставленному епископу Петрозаводскому и Олонецкому Нектарию во Всехсвятском храме г. Москвы 29 июня 1947 г. // Журнал Московской Патриархии. М., 1947, № 8. С. 9.

говорится бегло, формально. Даже архиепископ Антоний (Храповицкий) сущность пастырства перенес на сторону моральную и дар благодатной, сострадательной любви к пастве считает сущностью пастырского служения²⁹. Между тем любовь лишь один из даров хиротонии. Более полно и верно отвечает на вопрос о сравнительной ценности видов пастырской деятельности профессор В.Ф. Певницкий в своей книге “Священство...”, но он их не объединил органически.

По нашему мнению, пасторологу необходимо ярче всего оттенить ту мысль, что пастырь есть прежде всего представитель Самого Господа Иисуса Христа, облеченный Его силою и властью и одаренный благодатными преимуществами. Всецело обращенный к Богу, он является носителем Божественных сил и раздателем их верующим. “Цель (пастыря)...— говорит святитель Григорий Богослов,— того, кто принадлежит к Горнему чину, сделать богом (ср.: Пс. 81:6) и причастником Горнего блаженства... (чему способствует в Церкви важнейшее) таинственное и Горе возводящее богослужение, которое у нас всего превосходнее и достоцитимее”³⁰. Еще ярче эту мысль выражает епископ Феофан Затворник, говоря: “Пастырское служение обнимает все, что совершается в Церкви, все чины церковные — молитвенные, освятительные, совершительные (Таинства). Это — сердце пастырских трудов. Слово проповедь, руководство... действует, правда, но, если не закрепить его в сердце силою Божьею, действие его испарится, и душа опять пуста. Сеемое словом растворяется с душою благодатью Таинств и далее развивается молитвенными чинами Церкви... Благодать созидает. Следовательно, дело служения в показанном смысле то есть Таинства и молитвы должно занимать наибольшую часть забот и попечений пастырских... Веди, пастырь, эту часть боголепно, и увидишь дивные плоды своего пастырства — невидимое, таинственное пасение паствы”³¹.

Воззрение на первенство тайноводственной молитвенной стороны в сознании пастыря имеет значение общецерковное. Из святых Отцов, первый по яркости, высказывает его святитель Иоанн Златоуст. Знаменитые слова Златоуста “О священстве” главнейшим образом отмечают власть пастыря совершать Таинства, и из них особенно Евхаристию, действием которых люди вводятся в Небесное Царство. Превосходно, например, всем известное замечание великого константинопольского архипастыря о Небесном отсвете, озаряющем последование Таинств: “Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению Небесному; и весьма справедливо, потому что ни человек, ни Ангел, ни Архангел и ни другая какая-либо сотворенная сила, но Сам Утешитель учредил это чиноположение и людей, еще облеченных плотию, сделал представителями ангельского служения”³², служения благодатного. Далее Златоуст говорит о тайносовершительной власти пастыря, которому вручено “рождение духовное”³³. Преподобный Симеон Новый Богослов 11-е слово целиком посвящает защите достоинства пастырей — посредников между Богом и людьми — преимущественно в таинственной стороне их служения³⁴. Подобную точку зрения проводит в своих творениях и священномученик Киприан Карфагенский: “Если Господь и Бог наш Иисус Христос есть Сам Верховный Священник Бога Отца, если Он первый принес Самого Себя в Жертву Отцу и заповедал сие творить в Его воспоминание, то очевидно, что только тот священник есть истинный преемник Христов в служении, который подражает в священнодействии Христу”³⁵. На основании сказанного отмеченную нами градацию видов пастырского служения можно назвать воззрением Православной Церкви. Только ее важно еще более уточнить, поскольку у святых Отцов в некоторых местах творений по-видимому выдвигается на первый план общественное учительство.

Так, святитель Григорий Богослов иногда первой обязанностью пастыря полагает “каждому даяти во время житомерие (Лк. 12:42) слова”³⁶ и свой отказ от пастырства, подобно Златоусту, мотивирует трудностью “править человеком — самым хитрым и изменчивым животным”³⁷. Руководство людьми он называет искусством из искусств и наукой из наук³⁸ и понимает под этим проповедь и личное воспитание каждого. Святоотеческие мысли подобного рода нередки и

²⁹ См.: *Архиеп. Волинский Антоний (Храповицкий)*. О православном пастырстве. С. 18.

³⁰ *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Ч. 1. С. 24, 14.

³¹ *Свт. Феофан Затворник*. Толкование Послания святого апостола Павла к Ефесеянам. 2-е изд. М., 1893. С. 294–295.

³² *Свт. Иоанн Златоуст*. Творения. Т. 1. С. 424–425.

³³ *Свт. Иоанн Златоуст*. Творения. Т. 1. С. 426.

³⁴ См.: *Прп. Симеон Новый Богослов*. Слова. Вып. 1. С. 92–121.

³⁵ *Сщмч. Киприан Карфагенский*. Творения. Киев, 1891. Ч. 1. С. 398.

³⁶ *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Ч. 1. С. 29.

³⁷ *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Ч. 1. С. 21.

³⁸ См.: Там же.

основываются на повелении Спасителя Апостолам: *Идите, научите, крестя всех и снова уча блюсти все* (ср.: Мф. 28:19-20). Во время повеления Христова Апостолы во главу угла своего дела ставили служение слова и молитву (см.: Деян. 6:4). Апостол Павел даже благодарит Бога за то, что никого из коринфян не крестил, кроме Криспа и Гаия (1 Кор. 1:14), ибо Христос послал его не крестить, а благовестить (ср.: 1 Кор. 1:17).

На эти доводы скажем: правда, учительство в духе и силе (Лк. 1:17) может благодатью Вседействующего Духа рождать для Неба слушателей (см.: 1 Кор. 4:5) и быть священнодействием (см.: Рим. 15:6). Но это возрождение только предварительное и нуждается в существенном закреплении действием Таинств. Первые насадители веры христианской, естественно, должны были до Крещения подготавливать к этому Таинству и к жизни в Церкви учением. Благовествование в порядке возрождения действительно первое, но не по существу самого возрождения. Слово же апостола Павла о том, что он, апостольствуя, учил (Деян. 20:1), а не крестил (1 Кор. 1:14, говоря языком Златоуста, “унижает не силу Крещения,” а лишь “низлагает... высокомерие” коринфян³⁹. Апостол избегал крестить из опасения встретить со стороны коринфян приписывание ему силы Таинства и предупредить их склонность называться его именем.

Как требующее пастырского подвига и начальное по времени проявления, благовествование слова Божия труднее всего, сопряжено с усилием и напряжением благоразумия.

Пастырское тайнодействие, безусловно, в формальном отношении менее трудно, чем церковное учительство, но оно несравненно важнее его по существу, со стороны спасения. Одна Литургия, по спасительной действенности, важнее бесчисленных проповедей, произносимых во время ее совершения. Тайноводственная сторона в пастырстве — своего рода норма пастырства, а учительство — сверхнормальное преимущество. *Сугубая честь* (ср.: 1 Тим. 5:7), оказываемая ревностным проповедникам, не низводит, по мысли апостола Павла, остальных пастырей, неискусных в проповеди, до ничтожества.

Окончательный вывод из раскрытых выше мыслей можно формулировать так: церковное учительство, по порядку моментов духовного возрождения верующих, есть первая обязанность пастыря. По существу же спасения людей и Божественной стороны важнее всего тайноводство и молитвенный подвиг пастырей.

Из данного установочного положения можно заимствовать ряд оснований к верному пониманию частных задач пастырства и оценке самосознания пастыря и паствы.

Существенный Деятель в пастырском служении — Дух Святой, а пастырь лишь посредник изливания благодати на верующих.

Дух Святой соединяется с подобным себе духом человеческим, как образом Божиим. Центром внимания пастыря и должна быть подготовка верующих душ к принятию благодати Святого Духа. Подготовить душу человека к общению с Богом — то же, что содействовать ее очищению от грехов к последующей чистоте. Другими словами, пастырские усилия направлены к благодатному возрождению пасомых.

Связь христианского пастырства с заботой о культурном прогрессе паствы далеко не основная, а побочная, второстепенная. Его главная цель — вводить пасомых в богообщение личное, религиозно возрождающее. Естественное, человеческое развитие их — для него задача побочная, вытекающая из религиозно благодатной цели.

Второстепенное значение личности самого пастыря в деле спасения людей обуславливает собой факт действия благодати в Таинствах и чрез недостойных посредников. “Что такое священник?— восклицает Златоуст.— Он — Ангел Господа... Если ты его презираешь, то презираешь не его, а рукоположившего его Бога... Что же, скажешь, неужели Бог рукополагает всех, даже и недостойных? Всех Бог не рукополагает, но чрез всех Сам Он действует, хотя бы они были и недостойными для спасения народа. Если для народа Он говорил чрез ослицу и Валаама, человека нечестивого (см.: Чис. 22), то тем более чрез священника. Чего не делает Бог для нашего спасения? Чего не изрекает? Чрез кого не действует? Если Он действовал чрез Иуду... то тем более будет действовать чрез священников. Но если ты не имеешь убеждения в этом... если Бог ничего не совершает чрез него недостойного священника, то ты ни Крещения не имеешь, ни Таин не причащаешься, ни благословения не получаешь и, следовательно, ты не христианин”⁴⁰.

Поэтому некогда святитель Григорий Богослов возражал против домогательства некоторых принимать Крещение исключительно от более достойных епископов и пресвитеров и говорил, что

³⁹ См.: *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 10. С. 23.*

⁴⁰ *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 768.*

Таинство действительно при посредничестве и недостойных пастырей. Так и на воске тождественный отпечаток получается независимо от того, золотой или железный перстень производил оттиск⁴¹.

Чтобы не подвергнуть риску спасение верующих, Господь необходимое ко спасению в Таинствах подает по Своему дару, не сообразуясь с пастырским достоинством. Но в молитвенном и руководственном отношениях личность пастыря многозначительна. Она может или содействовать влиянию благодати, или ему препятствовать, возгревать его или угашать. В этом смысле пастырь то движет вперед спасение пасомых, то задерживает его. Самосознание его, впрочем, и по отношению к молитве и руководству верующих должно опираться на незыблемое убеждение, что и здесь существенное принадлежит Богу, а он, пастырь, лишь орудие Божие.

Пастырская хиротония и благодатные дары ее.

Крещение Господа Иисуса Христа во Иордане от Иоанна Предтечи не вызывалось Его нуждою в освящении. И на возбранение Иоанна Спаситель отвечает: *Оставь ныне, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду* (ср.: Мф. 3:15. По чтению профессора А.А. Некрасова, переведенный текст передается так: “Допусти теперь же без замедления Меня ко Крещению; потому что так особенно удобно... выполнить нам всю правду”⁴². По возрасту тогда Господь уже имел право вступить в общественное служение. Иоанн понял это и крестил Спасителя, “освятив Его безгрешное человечество”⁴³ в акте Крещения. Последний следует принимать за акт посвящения Христа, как Пастыря на служение роду человеческому, для объявления о Нем *Израилю* (Ин. 1:1). Схождение Духа Святого в виде голубя на крестившегося во Иордане Спасителя и голос к Нему Отчий (см.: Мф. 3:6-7) были необходимы для прохождения Им пастырства. Они, внешне, авторитетно свидетельствовали о личности Пастыреначальника. Их наблюдали одновременно и Крещаемый, и Креститель. Глас Отчий на Иордане, по словам профессора А.А. Некрасова, следует передать так: “Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором проявилась Моя благодать”⁴⁴.

Отец Небесный в Крещении Воплотившегося Сына Своего явил Себя Благим в том отношении, что Крещение Иисуса Христа положило начало Его пастырскому служению и из вод Крещения Он исшел Пастыреначальником в полноте Духа Святого. При Крещении Дух Святой дается Рожденному от Духа Святого как Дух служения. Небесное помазание соделало Спасителя на берегу Иордана Главою духовной новой теократии. Во время Крещения Спаситель напряженно молился все время (см.: Лк. 3:21) о том, чтобы отец Небесный благословил начатый Им в Крещении подвиг очищения и Искупления от грехов человечества.

Дары благодати к прохождению пастырского подвига хиротонисуемый получает в Таинстве Священства. В момент посвящения ему, по при-меру Спасителя, молившегося при Крещении во Иордане, заповедуется особо усиленная молитва приблизительно такими словами епископа: “Возведи ум и сердце твое Горе — Богу и моли Его о ниспослании благодати.” Это внушение просить у Бога необходимого к прохождению пастырского служения. Дух Святой совершает посвящаемого, чтобы он был непостыдным деятелем, и подается в хиротонии не иным каким средством, как только прилежной молитвой. Благодать Таинства входит в душу рукополагаемого, растворяется с его усердием, закрепляет его решение святопастырствовать и облакает брачной одеждой пастырского настроения. У святых Апостолов поставление в апостольство свершилось несколько иначе, чем у пастырей.

Омовение ног Христом Спасителем пред Тайной вечерей служило фактическим признанием за Апостолами пастырского достоинства, а осенение благодатью Духа последовало в Пятидесятницу, по Воскресении Господа Иисуса Христа из мертвых. Таким образом, Иисус Христос учредил пастырство, но совершил и освятит его Дух Святой. Смысл выражения Христова в первосвященнической молитве: *Освяти их истиною Твоею* (Ин. 17:17) — очевидно означает поставление Апостолов на проповедничество, прошение о даровании им силы и освящение — наподобие того, как Бог, посылая в мир Единородного Сына Своего, освятит Его (см.: Ин. 10:36).

В послеапостольское время точно так же Господь Духом Святым освящает пастырей и посылает на жатву Свою. Таинство Священства — та дверь, чрез которую входит истинный пастырь к своей пастве, восприняв сверхъестественное положение для посредничества в сверхъестественной жизни пасомых. Дух Святой уполномочивает пастырей на их служение.

⁴¹ См.: *Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 3. С. 246.*

⁴² *Некрасов А.А. Чтение греческого текста Святых Евангелий. Казань, 1888. С. 22.*

⁴³ *Некрасов А.А. Чтение греческого текста Святых Евангелий. С. 22.*

⁴⁴ Там же. С. 25.

Специально пастырская благодать рукоположения необходима для пастырского служения. *Без Меня*,— сказал Господь,— *не можете ничего творить* (ср.: Ин. 15:5). По ходатайству Пастыреначальника Христа дары благодати изливаются на посвящаемых сотрудников Господа в спасении людей Святым Духом (см.: 1 Кор. 12:4), чрез *возложение рук священничества* (ср.: 1 Тим. 4:14).

Одинаково со словом Божиим и святые Отцы Церкви признавали благодать краеугольным камнем пастырской деятельности. “Все, что вверено священнику,— говорит Златоуст,— есть единственно Божий дар; и, сколько бы ни преуспевало бы человеческое любомудрие, оно всегда будет ниже той благодати”⁴⁵. “Возлагается рука на человека, но все совершает Бог, и Его десница касается головы рукополагаемого”⁴⁶.

Дары *пасти Церковь Господа и Бога* (Деян. 20:28) чрез священнодействие, молитвы и руководство оказываются в благодатном посредничестве “спасению покорных,” или сообщении передачи пасомым благодати Святого Духа. По общей формуле Златоуста, пастырям “вверена власть действовать благодатными дарами”⁴⁷. Действием Святого Духа рядовой верующий в Таинстве Рукоположения выделяется из общей массы и поставляется как бы в середину между Господом и прочими людьми. Полученными от Господа дарами он получает власть распоряжаться во спасение пасомых.

Благодатное дарование священства можно рассматривать с мистической и нравственно-психологической сторон. Образ получения благодати — тайна для нашего ума. Но, по учению святых Отцов, преподобного Симеона Нового Богослова, святителей Григория Паламы и Василия Великого, душу облагодатствованного покрывает как бы некоторый Божественный огонь или свет, который впоследствии и внутренне изменяет природу пастыря. Это — продолжение сошествия огненных языков Пятидесятницы и Фаворского озарения несозданным светом Апостолов, как заметил святитель Григорий Палама. В этой покрывающей и посредствующей благодати Духа святые Апостолы получили способность зреть Господа в Фаворской славе. Без нее и Ангелы не смеют соприкоснуться и служить Премирному Богу. “Если,— говорит святитель Василий Великий,— предстоят Ему тысячи тысяч Ангелов и тьмы тем служащих, то силою Духа совершают они непорочно дело своего служения”⁴⁸. Подобно этому и нисходящая на пастырей благодать как бы окружает их некоторым светом, становится их в более непосредственные отношения к Богу и служит условием их тайноводства. “Мы, священники,— говорит отец Иоанн Кронштадтский,— приближены благодатью Божьей к Престолу Царя царей и изображаем светлейшие ангельские чины”⁴⁹. Иначе “как явиться священнику дерзновенно пред престолом Божиим лицом к лицу с Самим Богом и совершать ходатайственные молитвы, *моления, прошения, благодарения за вся человеки... и за вся, иже во власти суть...* а также совершать спасительные... Таинства?.. Как дерзать на такие вещи без благодати и помощи Духа Святого?”⁵⁰ Еще сильнее выразился Златоуст: “Или ты не знаешь, что души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой Жертвы, но все совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной”⁵¹.

Итак, первое и существенное действие Духа Святого на хиротонисаемых заключается в покрывании благодатью их немощной природы и в придании им силы низводить Духа Святого на верующих.

Нравственно-психологическое изменение после того пастыря многообразно — по многообразию нравственных его сил. *Дал нам пастырям Бог*,— замечает святой апостол Павел,— *духа... силы и любви и целомудрия* (2 Тим. 1:7). Три помянутых свойства обнимают, в сущности, все важные свойства пастырской нравственности.

Первое свойство — *сила* (греч. *ἡ δύναμις*) — выражает власть, право и полномочие пастырей сознать себя Божьими посланниками, совершать Таинства, молиться за паству и ее наставлять. Новопосвященный молится живо и сильно, ясно чувствует силу Бога, Божией Матери и святых и душой живет точно в премирной жизни. Тогда молитвы его наиболее действенны. Архиепископ Симеон Солунский хиротонисаемым советовал просить себе у Бога чего-либо

⁴⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 8. С. 591.

⁴⁶ Там же. Т. 9. С. 138.

⁴⁷ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 8. С. 589.

⁴⁸ Свт. Василий Великий. Творения. Сергиев Посад, 1900. Ч. 3. С. 246.

⁴⁹ Прав. Иоанн Кронштадтский. Живое слово мудрости духовной. С. 74.

⁵⁰ Там же. С. 73.

⁵¹ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 425.

особенно важного, просил помолиться и о нем ввиду особой близости Божией к душе посвящаемых⁵². В это время значительно повышается сила веры, сила общения с Богом, что нередко обнаруживается и в слезах.

Второе свойство — *любовь* (греч. *ἡ ἀγάπη*) — необходимо дополняет первое действие хиротонии и дает возможность пастырю проявлять свои власть и права не иначе как только с любовью ко спасению людей, истинною и Божественною. Тесное соединение с Богом любви в Таинстве Священства низводит в его сердце начатки пастырской любви. Действительно, пастырь в Таинстве Хиротонии как бы обручается с невестою — Церковью вообще и своим приходом особенно, обязуется начаток дара любви к невесте развивать в любовной заботе о ней. Равным образом и паства располагается отвечать любовью на отношение к ней нового пастыря. Так древняя русская девица-затворница при обещании отца привести ей жениха начинала его любить еще до свидания с ним. Из любви пастыря к пасомым рождаются сострадание и желание нести крест пастырского подвига во спасение паствы.

Третье свойство пастырской благодатной настроенности по дару священства — *целомудрие* (греч. *ὁ σωφρονισμός*). “Целомудрием, — пишет Златоуст, — он Апостол называет... здоровье ума и души”⁵³, то есть здоровое, цельное состояние душ вообще. В частности, сюда относятся: ясное и верное понимание духовных вещей, различие добра и зла, благоразумие, рассудительность. Эти черты принадлежат мудрости ума и, в дальнейшем, нормально здоровому состоянию телесного воздержания, поскольку страсти отличают больную душу. В общем, понятие *целомудрие* указывает на святое направление человеческой природы и на чистоту истинности чувств. Пастырю — руководителю и образцу для всех — наиболее нужны святость и правильность мыслей и чувств. Неправильно настроенный ум его может неверно использовать свои права, не подсказать меры любви вовремя. Целомудрие же предостерегает его от ошибок.

Рассматривая три поименованных свойства благодатного дара священства в целом, нельзя не отнести *силу* к воле, *любовь* к сердцу и *целомудрие* к уму пастыря. Таким образом, благодать хиротонии охватывает всю душу пастыря. Ее дары подобны трем свойствам Божества в мироуправлении. Всемогуществу Божию в пастыре соответствует *сила*, благодати — *любовь*, премудрости — *целомудрие*, обнимаемые общим понятием *спасение*.

С того времени как Божественное стремление влагается хиротонией в пастырскую душу, все ее помыслы, чувства и желания могут сосредоточиться единственно на спасении людей при условии внимания к Богу пастыря. “Сила слова, — замечает святитель Григорий Нисский, — производит... почтенного и честного священника, новым благословением отделяя его от... простых людей. Ибо тот, кто вчера... был... одним из народа, вдруг оказывается... предстоятелем, учителем благочестия, совершителем сокровенных Таинств; и таким он делается, несколько не изменившись по телу или по виду... благодатию же преобразовавшись по невидимой душе, к лучшему”⁵⁴.

Изложенное учение о благодатных силах по дару хиротонии дает нам основание не согласиться с архиепископом Антонием (Храповицким) в определении им сущности дара священства. Он полагает его в сострадательной любви⁵⁵. Неполнота такого определения исключает возможность мыслить в нем главное пастырское полномочие — спасать людей чрез Таинства, и ссылка архиепископа Антония (Храповицкого) на Златоуста⁵⁶ не оправдывается действительностью.

Дары *хиротонии* (греч. *ἡ χειροτονία*) для спасения других не отнимаются и у недостойных пастырей, чтобы иначе не лишить спасения ни в чем не повинных пасомых. “Пусть жизнь священника будет самая порочная, — говорит Златоуст, — но если ты внимателен к самому себе... то Господь ниспошлет Духа Святаго... Ведь и чистый (священник) не своею собственною чистотою привлекает Духа Святаго, но все совершает благодать”⁵⁷. Что касается начатков благодатно нравственных свойств, то развить или заглушить их зависит уже от личного пастырского подвига. При существовании, основном, даре священства, дар сверхнормальных нравственных свойств у пастыря вторичен. Пастырь может последним и воспользоваться, может и закопать его — в свое осуждение.

⁵² См.: *Архиеп. Симеон Фессалоникийский Солунский*. Сочинения. СПб., 1856. С. 225.

⁵³ *Свт. Иоанн Златоуст*. Творения. Т. 11. С. 760.

⁵⁴ *Свт. Григорий Нисский*. Творения. М., 1872. Ч. 8. С. 6–7.

⁵⁵ См.: *Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий)*. Из чтений по Пастырскому богословию. С. 439.

⁵⁶ См.: *Свт. Иоанн Златоуст*. Творения. Т. 11. С. 360.

⁵⁷ Там же. Т. 8. С. 591.

Полное равнодушие к своему делу иных хиротонисаемых — знак недостойного ношения благодати священства, неподготовленности к нему или пренебрежения им по нерадению. “Если кто отважится вступить в него священство недостойно,— говорит преподобный Ефрем Сирин,— то готовляет себе кромешную тьму и Суд без милости”⁵⁸.

Для избегания наказания и достойного служения спасению других пастыри обязаны возгревать дары хиротонии (см.: 1 Тим. 4:14). Так возгрел их некогда апостол Матфей, мытарь, и утратил Иуда. Предупреждая чрезмерный страх пред ответственностью за ношение даров священства, Златоуст писал своему другу Василию: “Прошу и умоляю: не предавайся такому страху. Есть, есть защита: для нас, немощных,— никогда не вступать (в эту должность), а для вас, крепких,— по получении благодати Божией полагать надежду спасения не в другом чем, а в том, чтобы не делать ничего недостойного этого дара и Бога, его давшего”⁵⁹.

Пастырское настроение по благодати священства.

Принятие пастырем “зрака пасомого.”

Пастыреначальник, по Евангелию, всегда был близок к человеку, откликался на его нужды, скорби и радости. Сжалившись над Наинской вдовой, Он сказал ей: *Не плачь* (Лк. 7:13). Иаира ободрил словами: *Не бойся* (Лк. 8:50), разделил скорбь об умершем Лазаре с Марфой и Марией и плакал о нем (см.: Ин. 11:1-44), брал на руки и обнимал детей, простил грехи плакавшей, каявшейся блудницы и отпустил ее с миром, не гнушался и брачного торжества (см.: Мк. 10:16; Ин. 8:3-11; 2:1-11). Словом, все человеческое отражалось в Господнем сердце и делало Его родным людям. Вместо отвращения от грешного мира, Он входил в него, помогал ему, с необыкновенной мягкостью и деятельной энергией характера (см.: Мф. 21:12-13) в самых мелочных случаях обыденной жизни. Его беспредельная любовь подчиняла души не только Апостолов, внявших Его призыву следовать за Ним, но и всех людей. Он старался привлечь возможно больше грешников к Небесному Отцу воздействием на их волю, открытием им лучшего будущего. *Приближались к Нему все мытари и грешники слушать Его* (Лк. 15:1).

В первый раз они почувствовали себя любимыми, несмотря на свою греховность. Внимание Христово было обращено к ним в усиленной степени, потому что Господь *пришел взыскать и спасти погибшее* (Мф.: 18:11). Тайна жизни Христовой — тайна сострадающей любви, принятие на Себя состояния бедного грешника, братство и содружество с ним, самая горячая любовь к нему. И все это соединялось с глубоким знанием настроения человека. Если в изгибах человеческого сердца не замечалось жажды лучшего, Господь беспощадно выставлял замаскированное снаружи чрез обличение. Он, истинный Пастырь, принял на Себя *зрак раба* (Флп. 2:7). Подобно этому отличительное свойство истинного пастыря есть принятие на себя “зрака пасомого,” жизнь интересами его с поставлением себя в его положение. Истинному пастырю свойственно жить для своего стада, заботиться о нем до забвения собственного “я,” ставить его интересы выше собственных и за грехи его болеть как за собственные, считая себя виновным в них. Истинный пастырь не различает при сострадании и сорадании стаду “мое” и “твое.” У него всецелое знание паствы до готовности отдать за нее собственную жизнь. Он любит грешников больше самого себя в силу особенного Божьего дара, именно дара священства. Принявший хиротонию действительно становится иным человеком по душе, преобразуется на лучшее невидимую некою силою и благодатию.

Обрученность пастыря Церкви благодатию хиротонии.

Таинство Священства подобно Таинству Брака и сочетает священника и паству в неразрывное целое. Отсюда понятно и обрядовое сходство Таинства Священства с брачным союзом — по подобию чувств всепрощающей любви, соединяющей мужа с женой, пастыря с паствой. По свидетельству Златоуста, духовную любовь не рождает что-либо земное. Она исходит свыше в Таинстве Священства, но усвоение и поддержание благодатного дара зависит и от стремления человеческого духа. В древности на этом основании и епархия, лишившаяся своего пастыря, называлась вдовствующею. Судя по евангельским данным, Иоанн Креститель называет себя другом Жениха Христа, а паству его — Церковь — невестою (см.: Ин. 3:29). Обычные пастыри в отношении пасомых занимают положение отождествляющих себя с ними до утраты “я” и образования нерасторжимого “мы.” Златоуст пред отправлением в ссылку говорил пастве: “Никто

⁵⁸ *Прп. Ефрем Сирин*. Творения. М., 1849. Ч. 3. С. 234.

⁵⁹ *Свт. Иоанн Златоуст*. Творения. Т. 1. С. 450.

не может разлучить нас; что Бог сочетал, то человек разделить не может... Завтра я выйду на богослужение с вами... мы — одно тело. Мы разделены местом, но соединены любовью, и самая смерть не может разлучить нас”⁶⁰.

Общение пастыря с пасомыми выше плотского родства. У Евангелиста читаем слова Христовы: *Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мк. 3:35). Следовательно, для пастыря все свои, родные, кровные. Если при этом родные по плоти препятствуют пастырю истинно действовать, то они уже чужие ему. *И враги человеку — домашние его* (Мф. 10:36), — говорит Господь. До Крещения Христос Спаситель был в повиновении у родителей. Крестившись же и выступив на служение, Он обращается к Матери Своей со словами: *Что Мне и Тебе, Жено?* (Ин. 24), а о пасомых говорит: *Кто мать Моя и кто братья Мои?* (ср.: Мк. 3:33). Следовательно, момент усвоения пастырского настроения совпадает с Таинством Хиротонии. Сошествие Святого Духа на Апостолов, равнозначное их посвящению в пастырство, распростерло их чуждому народу, возродило до полного обновления. Объясним это аналогией. Дерево, утратившее растительную силу, на хорошей почве при обильном орошении — мертво. Точно так же и пастырская деятельность обуславливается живыми отношениями к благодатной силе. Благодать пастырю и его пастве дает жизнь. Это оправдалось прежде всего на Апостолах, положивших души свои за пасомых, и, в частности, на апостоле Павле, бывшем гонителе ближних своих и совершенно переродившемся под воздействием благодати (см.: Деян. 9:1-30).

Огненность пастырской любви.

Огонь, который низвел на землю *Сын Человеческий* (Лк. 12:40), есть сжигающая, пламенная любовь ко всем, сжигающая внутренности человека. Она — дар благодати хиротонии, а не естественное свойство пастыря. О ней некогда восклицал пророк Иеремия: *И было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог* (ср.: Иер. 20:9). Сущность пастырства состоит как раз в огненной любви, переживающей в себе состояние пасомых и отвечающей на все сочувствием всему хорошему. В слове *любить* все пастырское дело... Любовь укрепляет единение с ближним, как с братом во Христе, и разливает тихие лучи добра на ближних. Она — основание пастырского содействия спасению других, забота о них, как отца о детях. Пастырь носит в своей душе то, чем живут пасомые. Тайна пастырства — тайна благодатной жизни, полученной в посвящении и неусыпно возгреваемой пастырем. В привитом дереве плод рождается по качеству прививки. И пастырь, имеющий привитую ему силу благодати, приносит перерождение естественных сил и действий. Просвещение ума, уязвление сердца любовью, укрепление воли к деланию заповедей Господних по силе благодатного дара содействуют пастырю чужие несчастья и страдания с не меньшею тоскою и болью переживать, чем собственные. Горе и слезы людские — пастырю свои слезы и горе. Его душа становится отзывчивою на духовные нужды ближнего, ревностною для обращения их к добру и истине, скорбною при их упорстве и зле. Он горит желанием сообщать вечную истину и поверженных в грязь приобретать Богу. По силе благодатной любви пастырство делается бременем благим и легким.

И сам пастырь соединяется с иным миром и с Пастыреначальником — Жизнью жизнью, не разбирает в пастве добрых и злых и заранее видит в порученном ему наблюдению винограднике могучее действие благодати. Он пасет овец не на ниве заурядного пастырского делания — опаленной зноем человеческих страстей или обглоданной узким людским своекорыстием.

Пастырское самоотречение и смирение как вывод из настроения любви.

В итоге воздействия дара священства у пастыря является самоотречение, слияние себя с паствой как постоянное внутреннее настроение. Слить свою жизнь с жизнью пасомых может лишь пастырь, умертвивший свое самолюбие и все разъединяющее его с другими. Актом самоотречения он вступает в лучший период развития, но не в простые отношения родичей, а в хождение пред Богом. Его душа, низводящая и созерцающая благодатное действие в среду пасомых, срастается с их душою и может каждому из них говорить: *Разве сердце мое не сопутствовало тебе?* (4 Цар. 5:26).

Мирские деятели часто заявляют о своих достоинствах, превосходстве и подвигах, а пастыри заранее унижают себя пред всеми из-за ощущения в себе новой жизни и сознания себя слугами для всех во всякое время. Личным ощущениям они не дают ни малейшего перевеса. В

⁶⁰ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. С. 444, 446.

Гефсиманском саду Пастыреначальник показывает апостолу Петру свое пастырское настроение, исцелив ухо Малха (см.: Ин. 18:10-11; Лк. 22:50-51). Так и пастырь, взволнованный ли или спокойный, одинаково должен распинаться пастве, откликаться на ее запросы со свободой от мирских тревог. Изъятие из обыкновенного порядка жизни должно отражаться на самом его облике, как у преподобного Серафима Саровского. Преподобный Серафим посетителей своих встречал земным поклоном, нередко целовал им руки, всех называл: “Радость моя,” целовал в уста и проникновенно восклицал: “Христос воскрес!,” вызывая тем самым в посетителе чувство близости Христовой. И гордые, любопытные посетители выходили от него не с горькими слезами, а со слезами радости, с иным настроением и содержанием духа. Преподобный Серафим помогал приходившим к нему ощутить близость к себе Бога, сладость служения Христу и увлекал их души к Спасителю. Сомнения их начинали казаться им смешными, потери растворялись блаженным утешением. Получив Христа в сердца, они находили вместе и разрешение недоумений своих, подобно Закхею — по принятии им Господа под свою кровлю (см.: Лк. 19:9).

Именно только для любви возможно такое слияние с паствой, и только любовь незаметно роднит пастыря с любимыми пасомыми, уничтожает трудности, располагает к жертвам. Истинный пастырь по этой причине отступает от своих прав и ищет только того, чтобы свое получили другие. Один луч его искреннего сочувствия более смягчает те или иные гордые сердца, чем многолетнее воздействие рассудочного блеска человека внешней мудрости. В некоторых случаях у него не бывает для милостыни хлеба и питья, но и ласковое слово, и сострадательный взгляд его не перестают оживлять духовно больных. Женщина, взятая в прелюбодеянии, от Христовых слов: *Я не осуждаю тебя* (Ин. 8:11) — получила высочайшую в жизни радость. Иным священническое благословение напоминает о чистых впечатлениях забытого детства. Многим некуда деться. Они забыты всеми на свете, без родных им не с кем отвести душу. И как они раскрывают душу любящему пастырю, моля о помощи как люди! От благодатной любви пастырь как бы теряет личную жизнь, весь погружается в скорби и радости паствы, даже в состоянии лиц, ему враждебных, видит нечто родное. И овцы привыкают слушаться его голоса, *за Ним идут, потому что знают Его голос* (ср.: Ин. 10:4), и на всех них лежит явная печать пастырского воздействия. Пастырь добрый имеет равноангельское бодрствование об овцах, при малейшей опасности защищает их, наблюдает за тем, здоровы ли они или больны.

Но бывают и пастыри с наемническим настроением, с исканием от паствы одних вознаграждений и материальных выгод. Для таких словесные овцы — предмет чуждый. Они не знают лично своих пасомых, не участвуют в их радости и горе, а при опасностях для себя бегут от стада без оглядки. Наемник — чужой человек овцам, отвергся благодати хиротонии и поставил себя в отрицательное отношение к ее воздействию. Из-за того он утратил всепоглощающую любовь к пасомым, хотя благодать хиротонии и сопребывает с ним неизменно.

Близость пастыря ко Христу.

В современной богословской литературе характер настроения пастыря отличают от общехристианского настроения лишь по признаку большей активности, более тесного внутреннего общения с Богом, молитвы о милостивом Божием руководстве вверенных ему душ, по хвалебному пению. Пастыря, как говорит профессор Христиан Давид Пальмер, немецкий пасторолог, можно считать частью морали, отчего всякий пастырь есть христианин. Но у пастыря есть несравненно большее сравнительно с мирянами. Иисус Христос запечатлевает его душу особенною благодатию для осуществления им Небесных полномочий, освящает ее, как собственность.

Священник теснейшим образом соединен со Христом Первосвященником, носит священную печать внутреннего единения чрез причастие священства Христова. Благодаря личному единению священника с Божественным Первосвященником все священные акты, совершаемые им, получают благодатную действенность. Пусть ни один пастырь не забывает, что он обязан развивать личную святость, будучи лично соединен со Христом в реальном смысле. Всякий грех, более или менее, лишает его этой святости и становится поношением для Христа, Который единением с Собой освятил его. Величайшая мерзость в святилище пред Господом есть священник, чрез грех лишившийся своей святости и все-таки в своем священстве лично соединенный с Вечным Первосвященником.

Итак, дар пастырства — в настроении пастыря, внутреннем обновлении его и способности его духовно отождествляться с пасомыми, совершает ли он Исповедь, Крестины, Венчание или погребение. Это, другими словами, — отеческое участие к состоянию верующих, сострадание им и

свидетельство о том пред Богом. При отсутствии отождествления пастырское служение превращается в некоторого рода ложь.

Единство пастыря со Христом и паствою подобно единству матери с млекопитаемым младенцем. Это не единокровие и не единомыслие, а единство по существу. Перерождение пастыря, похожее на изменение апостола Павла на пути в Дамаск (см.: Деян. 9:3-8), совершается в Таинстве Священства при венчании с Церковью или будущей паствою. Апостолы и Отцы Церкви постоянно указывают на эту связь пастырского служения с искупительным служением Пастыреначальника (см.: 1 Пет. 5:4; Евр. 4: 14-15). Перелитие жизни пастырской в жизнь учеников отличается от материнского чувства и от увлечения человека своими занятиями. Сам Господь близок нам именно подвигом Своей сострадательной любви, которая есть сущность пастырства. Материнская любовь предваряется муками рождения, а получает свое удовлетворение в самоотречении, в утрате вкуса к личной жизни ради жизни для детей. Так и зарождение высшей жизни в пастве предваряется мукой пастырского самоотречения и жертвы. *Дети мои,— восклицает Апостол,— для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!* (Гал. 4:19).

Стояние пред судом Божиим в пастырском самосознании.

Сознание личного благодатного посредничества в деле возрождения верующих должно всегда вызывать в пастыре чувство своей особенной близости к Богу, своего посольства свыше на служение людям и своего домостроительства в Церкви Божией.

Проникнутый настроением теснейшего общения с Богом, пастырь, подобно Еноху, обязан всегда ходить в чувстве присутствия Божия (см.: Быт. 5:22-24). В делах и душевных движениях он должен непрерывно помнить Того, Чьим посланником и представителем ему приходится быть. При таком хождении пред Богом ему естественно всегда хранить воспоминание о Всевидящем Оке и проверять себя Божиим судом. Отсюда сердце пастыря — источник всякой жизни — утончается и чутко, обостренно отзывается на малейшие случаи в жизни, затрагивающие отношения к Богу. Подобное видели у музыкантов, развитой слух которых разлагает тональности и с болью реагирует на диссонансы. Отец Иоанн Кронштадтский, описывая личное настроение хождения пред Богом, говорит: “Тобою, Господи, живу, Тобою дышу, вижу, слышу, осязаю, обоняю. Тобою мыслю, говорю, чувствую... Тобою и Тебя исповедую, прославляю, благодарю, люблю; Тобою борюсь с всераствлевающим грехом. Тобою... действую, служу Твоей Святыне и правде, Твоему непостижимому величию. С Тобою умру и с Тобою уповаю воскреснуть от мертвых и жить с Тобою и в Тебе во веки бесконечные”⁶¹.

Подобное всеобъемлющее сознание, конечно, приобретает трудом, подвигом и содействием благодати Божией. Но здесь содействие оказывает пастырю и его положение как представителя Бога. Вспоминать о своем назначении заставляют его и дела пастырства, и одежда, и молитва. С помощью их в нем углубляется и развивается сознание собственного благодатного посредничества и посольства от лица Божия. От неясной, интуитивной формы оно должно и может восходить к определенному, осязаемому состоянию.

Нечто подобное видим и в Первообразе пастырей — Господе Спасителе. В двенадцатилетнем отроческом возрасте Он говорит Своей Пречистой Матери и нареченному отцу Иосифу Обручнику: *Разве вы не знаете, что Мне нужно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?* (ср.: Лк. 2:49). Это совершенно неясное самосознание впоследствии определяется вполне, когда Господь говорит иудеям: *Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также* (Ин. 5:19), *как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен* (ср.: Ин. 5:30) — и все *творю Я во имя Отца* (Ин. 10:25). Приведенные слова Спасителя отражают определенное самосознание Им Своей глубокой связи с Отцом во всех случаях, побуждавших Его что-либо сделать или высказывать суждения, Он как бы предварительно “слышал” изрекаемый суд Небесного Отца. Идя по стопам Господним, пастырь может возвыситься до поставления себя пред судом Божиим. Епископ Приамурский и Благовещенский Иннокентий (Солодчин), живя на покое в Херсонисском святого Владимира монастыре и управляя им, говорил о себе: “Я слушаю своего епископа, потому что так Христос заповедует. Все нужно делать только пред Спасителем Христом и ради Него.” А другой епископ, аскет, выражался о себе: “Я сам в себе ношу суд Божий.”

⁶¹ Прав. Иоанн Кронштадтский. Живое слово мудрости духовной. С. 77.

Утончение совести.

От глубокого чувства Бога у ходящего пред Ним настолько утончается совесть, что освещает все частные стороны пастырской психики и явления личной жизни пастыря. Он видит тогда ложность некоторых своих шагов и в запутанных сложных обстоятельствах замечает изворотливость и лукавство своих соображений и подмену истинно доброго и Божьего фальшивым и человеческим, с примесью страсти. Сознание и чувствование себя уполномоченным свыше, послом Божиим, ставит пастыря в сомнительные и трудные моменты жизни на пути законности вследствие тонкой рассудительности и желания быть неизменно верным своему Божественному представительству. Апостол Павел, выражая это пастырское самосознание, говорит: *Богу мы спешники* (ср.: 1 Кор. 3:9), *посланники от имени Христова* (2 Кор. 5:20).

Экономство в Церкви.

Из хождения пред Богом вытекает отношение пастыря к пасомым. Его особенности отмечает апостол Павел словами: *Каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей Таин Божиих* (1 Кор. 4:1). Приведенное апостольское изречение, между прочим написанное на одном портрете отца Иоанна Кронштадтского, точно оттеняет истинный характер православного пастырства. Если обычно душой отношений пастыря к пастве называют любовь, то по схоластичности понимания термина *любовь* в отрыве от опыта не обрисовывают ясно сущности пастырской связи с верующими. Понятнее ее определяет греческое слово *ή οίκονομία* — *строительство*, взятое из Первого послания апостола Павла к Коринфянам (см.: 1 Кор. 4:1).

В Церкви, судя по данному понятию, домостроительствует Сам Бог, *все возвращающий* (ср.: 1 Кор. 3:7). Он — Владыка паствы, *Хозяин дома* (ср.: Мф. 21:33), Церкви и Владелец нивы душ. А христиане, выражаясь апостольски, *Божия нива, Божие строение*, Христовы слуги (см.: 1 Кор. 3:9, 23). При наличии в доме одного Хозяина, пастыри — именно слуги Христовы и благодатные строители Таин Божиих (ср.: 1 Кор. 4:1). Благодать Божия в Таинствах возрождает души верующих, а пастыри — совершители Таинств — свидетельствуют при этом Господу лишь свою верность и заботу о блюстительстве интересов Владычных. Их долг — усердно и правильно распоряжаться и управлять вверенным свыше благодатным имуществом Церкви. Пастыри лишь экономы при Божией пастве. Паства не их достояние, а Бога. Богу должны они готовить ее, подобно экономам, строящим дома своим хозяевам. Соотнося паству Богу любовью, они выражают здесь добросовестную верность Спасителю и доказывают тем свою любовь к Нему.

Характер любви пастырей к пасомым выходит несамостоятелен и не всеобъемлющ. Он посредственно проходит чрез любовь к Богу и не обнимает всех отношений к пастве. Образом всякого пастыря, пекущегося об овцах господина своего (см.: Ин. 10), более присущ признак распорядительности, приставничества, осуществления целей Божиих в спасении людей. Идея экономства заставляет его все делать ради Бога, пред Богом и чрез Бога, никогда не быть худо настроенным, теплохладным или чисто механическим отпратителем возложенных на него пастырских обязанностей.

Уклонения от долга богопоставленных экономов Церкви, конечно, возможны, но они должны преодолеваются посредством живого чувства Бога. При исключительной своей связи с Богом, осуществляемой сердечно и мыслимо создаваемой, им надлежит живо переносить на себя полномочия от Господа — в мере, свойственной распорядителю. Это настроение резко выделяет пастыря из обычной среды, возвышает над нею. И как Моисей был *Богом* для фараона (см.: Исх. 7:1), так пастырь, отвечающий своему назначению, становится для паствы своего рода богом. Сознание чрезвычайности дела обоготворения благодатию пасомых невольно поднимает в нем чувство высоты пастырского достоинства.

“Знаю,— говорит по этому поводу святитель Григорий Богослов,— чьи мы служители, где сами поставлены и куда готовим других. Знаю величие Божие... Защитник истины... должен стоять с Ангелами, славословить с Архангелами, возносить жертвы на Горний жертвенник, священнодействовать со Христом... восстанавливать образ Божий, творить для Горнего мира... быть богом и творить богами”⁶². “Что это за высокое лицо — священник!— говорит отец Иоанн Кронштадтский.— Постоянно у него речь с Господом, и постоянно отвечает на его речь Господь...”

⁶² Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 1. С. 49.

Священник — Ангел, не человек”⁶³. “Скажи мне, иерей, сознаешь ли ты все величие и святость своего служения, порученного тебе Богом, и стараешься ли быть достойным его?”⁶⁴

Смиренно-возвышенность настроения пастыря.

Нормально настроенного пастыря сознание описанной высоты не надмевает, но охраняет устойчивыми чувствами трепета и смирения пред Богом. Бог есть, по Писанию, *огнь поядающий* (Втор. 4:24) и *Бог отмщений* (Пс. 93:1). Близость к Нему, осязательная сердечно и внешне зримая верою, не может не наполнить пастыря страхом пред Ним и сознанием личного недостойнства. Огонь названных чувств сжигает сердца сознательных носителей дара священства, а некоторых заставляет бежать от принятия его.

Он углубляет в пастырях сознание своего только относительного значения в деле спасения, как смиренных распорядителей и посредников в доме Божиим. Из сочетания чувств собственной высоты, по дару Божию, и смиренного сознания личного недостойнства пред Богом в пастырской душе обобщенно слагается смиренная возвышенность, благоговейность. Вследствие подобных, благоговейнейших, переживаний один пастырь после совершения Литургии иногда сам целовал свою десницу, касавшуюся Тела Христова. Под влиянием слияния противоположных сердечных движений — чувства высоты и смирения — в пастыре образуется стремление по силе возможности соответствовать великому церковному назначению. Страшная ответственность не может не побуждать его к усердному прохождению своего служения с глубокой благодарностью Богу за дарованную честь. Вот почему у искренних пастырей — всемерное стремление к святой жизни, подвижничеству и богоуподоблению.

“Священник,— говорит святитель Иоанн Златоуст,— должен иметь душу чище самых лучей солнечных, чтобы никогда не оставлял его без Себя Дух Святой”⁶⁵. Объятому указанным настроением смирения и чувством величия пастырства, по выражению Григория Богослова, следует “бегом бежать из общества” в пустыню⁶⁶. И кто из пастырей, читающий приведенные слова о себе великих Отцов Церкви, святителей Иоанна Златоуста и Григория Богослова, не почувствует собственного духовного убожества и факта своего несоответствия с пастырским идеалом. Не напрасно епископ Рафанский ответил Златоусту по прочтении его слов “О священстве” восклицанием: “Я теперь даже сам себя не чувствую — в такой страх и ужас ты привел меня...”⁶⁷ Современное пастырство и кандидаты священства всемерно должны вникать в святоотеческие речи о высоте своего служения, чтобы от легкомысленной беспечности и дерзновенного покоя обращаться к сознанию высоты благодатного посредничества. “Открою пред вами,— замечает в одном своем слове святитель Григорий Богослов,— всю мою тайну: не знаю, благородно ли это или нет, однако же так было. Мне стыдно было за других, которые, будучи ничем не лучше прочих (если еще не хуже), с неумытыми, как говорится, руками, с нечистыми душами берутся за святейшее дело... попечение о душах”⁶⁸.

Радость для пастырей особенно тесного единения со Христом.

Впрочем, некоторые пастыри вдаются, вместо беспечности, в противоположную крайность: гнетущую скорбь. Им необходимо вспомнить утешительные и бодрящие картины из нелегкого подвига великих пастырей, свято исполнявших свой долг пред Богом. Для искренних, богоугодных служителей Церкви их служение высоко, “пренебесно и жизнерадостно”⁶⁹. Если обычно весьма отраднo находиться в обращении с праведными людьми, пользоваться их доверием и служить им, то насколько приятнее и радостнее пастырю быть в тесном общении с Богом и соработничать Ему. *Вы други мои* (ср.: Ин. 15:14), — говорил Спаситель Своим ученикам в прощальной беседе, а в лице их и пастырям. Последним присуще это чувство близости к Богу на всем протяжении их деятельности. Скрывается же оно лишь от тех, которые сами — нерадением о своем долге — превращают себя из друзей Христовых в механизировавших свое служение рабов. Впрочем, иногда допущением Божиим чувство радости покидает и искренних соработников Божиих — на первых

⁶³ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. 2-е изд., испр. СПб., 1893. Т. 4. С. 33.

⁶⁴ Он же. Живое слово мудрости духовной. С. 70.

⁶⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 468.

⁶⁶ См.: Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 1. С. 51.

⁶⁷ Цит. по: Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 450.

⁶⁸ Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 1. С. 16, 39.

⁶⁹ Ср.: Прав. Иоанн Кронштадтский. Живое слово мудрости духовной. С. 76.

порах пастырского подвига. Для их пользы благодать Божия временами скрывается, с тем чтобы они взыскали ее ревностнее и сделали себя усиленным подвигом способнее воспринимать и носить ее.

В подобные испытательные моменты пастыри, не окрепшие для высоких переживаний, должны пользоваться чувством добросовестности в исполнении своего долга и считать спокойствие мирного подвига наградой от Господа. Разве не счастье эконому Божию, слуге Христову и пастуху, сознавать, что за ним во всякий момент стоит Сам Хозяин дома — Отец Небесный (см.: Мф. 23:9), *Наставник Христос* (ср.: Мф. 23:10) и *Утешитель Дух Святой* (ср.: Ин. 14:26), научающий нужному. Дело пастыря только питать стадо на ниве своего Господа, направлять их на полезные места, отражать от опасностей и блуждающих отыскивать, рассчитывая на Господню помощь. Добросовестный руководитель стада словесного может быть всегда уверен в благодатной помощи свыше. Скорби и неудачи, отпадения и вражда в его стаде, после того как он предпринял со своей стороны все от него зависящее, не должны повергать его душу в состояние безутешного уныния. “Нужно что-нибудь одно,— говорит священномученик Киприан Карфагенский,— или Богу угождать, или людям. Что касается до нас... то мы, как требует наша совесть, должны заботиться, чтобы никто по нашей вине не погиб для Церкви; если же кто-нибудь сам собою и по своей вине погибнет и не захочет приносить покаяния и возвратиться в Церковь, то мы не будем виновны в День Суда... только те потерпят наказание, которые не хотели пользоваться нашими спасительными советами”⁷⁰.

Такое успокоительное сознание во всех видах пастырского служения, и особенно в моменты крайнего упадка духовной жизни паствы, весьма необходимо пастырю. Иначе он может безнадежно унывать, терять энергию, впадать в апатию и безутешно скорбеть из-за малых успехов своей деятельности. В отмеченных положениях ему важно помнить, что за ним стоит неизмеримо могущественный Пастыреначальник — Господь. Если Он Сам допускает это, очевидно, *всему этому надлежит быть* (ср.: Лк. 21:9). Вера в руководство миром и каждым человеком Господа успокаивает пастыря даже в случае непонимания им бездны Божеских судеб (см.: Пс. 35:7). Известен совет одного старца подвижника миссионеру — перед его отправлением в миссионерский стан. “Ты свое дело делай,— говорил ему старец,— а сколько обратишь, об этом не думай. Также, если отпадет кто, не мучься чрез меру. От Господа и то многие отошли (см.: Ин. 6:66), и Он не всех обратил. Даже из двенадцати Апостолов отпал Иуда.”

Смелость надежды пастыря на Христа Спасителя.

Сознание Божественного заступничества, сопутствия благодати и творения Божьего дела, естественно, возбуждает в пастырях надежду на Господа и стремление опираться на Него. Им естественно обращаться к Господу с мольбой о помощи всегда, молятся ли они о пасомых, назидают ли их, совершают ли Таинства или какие-либо церковные требы. И надежда не посрамит ближайших слуг Христовых и благодатных посредников, как не посрамляет и христиан вообще (см.: Рим. 5:5).

Самая надежда на Бога с течением времени и подвига пастырского может проникнуться энергическим чувством дерзновения и твердости в деле строительства спасения верующих. Тесно соединившийся с Господом пастырь от Него получает и особенную силу для спасительных целей. “Священник,— по словам отца Иоанна Кронштадтского,— всемерно должен стараться поддерживать в себе смелость, мужество... вопреки бесплотному врагу, непрестанно всеяющему в него свою мечтательную боязнь, свой нелепый страх; иначе он не может быть обличителем пороков людских... ни истинным служителем Таинств”⁷¹. “Дерзновение — великий дар Божий и великое сокровище души!”⁷² Оно особенно нужно в моменты духовного расслабления пастырства и паствы, любящей только приятную лесть, по ласкосердию своему, как выразился преподобный Нифонт Цареградский. В таких обстоятельствах пастырская теплохладность может вызывать развитие маловерного отношения к Таинствам, механизировать молитву, атрофировать ее действие. Чтобы поставить настроение верующих на надлежащий путь, пастырь должен быть чужд ложного сентиментализма, заискивания, тверд, искренен, открыт для всех в своей сердечной прямоте, как это угодно Господу. “Если у нас,— говорит святитель Иоанн Златоуст, — кто-нибудь будет обличен в самых постыдных делах и на него захотят на-ложить какую-нибудь епитимью, то все весьма беспокоятся и боятся: как бы, говорят, он не отделился от нас... Пусть отделяется хоть

⁷⁰ *Сщмч. Киприан Карфагенский. Творения. Ч. 1. С. 258, 257, 258.*

⁷¹ *Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 92.*

⁷² Там же.

тысячу раз... хотя бы... и вовсе был безгрешен, (отделяющийся), если хочет отложиться, пусть отложится. Хотя я... и мучусь внутренне, лишаясь в таком как бы собственного члена, но... опасение всего этого... не принудит меня сделать что-нибудь недолжное”⁷³.

С другой стороны, принцип *твердости, строгости и точности* (греч. *ἡ ἀκρίβεια*) в пастырской практике должен смягчаться и регулироваться *снисхождением и осторожностью* (греч. *ἡ οἰκονομία*). Мету снисхождения может подсказать пастырю его опыт, благодатно руководимый, ибо и благодать Божия *долготерпит, не хотя, да кто погибнет, но да все придут в покаяние* (ср.: 2 Пет. 3:9). Таким образом, в силу благодатного посредничества, пастырское самосознание приобретает следующие черты, или признаки: а) хождение пастыря пред Богом в чувстве посланничества свыше и своего экономства в Церкви; б) возвышенное смирение и благоговение его; в) твердую надежду на Бога с равновесием в пастыре принципов *экономи*.

Высказанное нами понимание сущности пастырства вполне разделяется инстинктивно верующими нашей Православной Церкви. Они обычно смотрят на своего пастыря как на благодатного посредника и Божия представителя. Главную его привилегию они полагают в совершении им Таинств, богослужения, молитв и руководств старческого порядка. Лучшие из верующих ценят в пастыре благодатные полномочия больше личности и в проповеди слышат скорее голос Божий, чем человеческое учительство. Наш православный народ прибегает к лицам священного сана именно с просьбами о посредничестве пред Богом. Если те не омрачены худой жизнью, то народ с верою воспринимает от них благодать Святых Таинств и просит их молитв во всех случаях своей жизни: в болезнях, путешествиях, бедствиях, пред началом дел и по окончании их.

Православная русская паства отличается истовостью своих молитв, любит получать пастырское благословение, благоговейно касается лицом архиерейской или священнической одежды, при встрече с духовенством просит пастырских молитв. Она ищет в пастыре живых проводников благодати. Если кто из них выделяется жизнью, даром молитвы или учительства, тех она особенно чтит, пред теми благоговееет. Основа описанного настроения всеобща в нашем церковном обществе.

Наш народ, при взгляде на пастырей как на проводников Божией благодати, снисходителен к ним. Он желает проповеди пастырской, скорбит при отсутствии ее, ограничиваясь утешением пастырской общей молитвы в храме. Если пастыри глубоко верующие, душевно-простые, приветливые и усердные к своему служению, то народ замечательно и благодушно прощает им недостатки, вроде грубости и пристрастия к вину, жалеет их и не перестает любить. Но если пастырь при нравственной чистоте горделив и маловерующий, то его чуждаются и называют “барским.” Народное чутье совершенно точно определяет сущность пастырства в благодатном посредничестве, для которого пастырские недостатки не ставят неодолимых преград.

Обобщение черт православно настроенного к пастырству народа дает право определить его настроение как самосознание, смиренно возвышенное и благоговейное. В случае упадка в церковном обществе такого душевного склада пастырство постепенно обязано вести его к описанной православной настроенности, святоотеческой и проникнутой здоровым идеализмом. Преподобный Симеон Новый Богослов, описывая самосознание верующих своего времени, говорит: “Ныне... никто, ни из мирян, ни из монахов, ни из иереев или архиереев, не почитает... никого как... ученика Христова... но все мы друг друга... охуждаем: монахи осуждают монахов, иереи — архиереев, миряне — всех их и между собою один — другого; и никто совершенно не держит в уме, что Церковь Божия какою была в древние времена, такою пребывает и ныне... надлежало бы... почитать духовного отца за те блага, которые даровал тебе Бог чрез посредство его... Прибери себе духовного отца... посредника и ходатая пред Богом. Прилепись к нему с любовью и верою, со страхом и желанием и будь с ним, как бы был с Самим Иисусом Христом”⁷⁴.

⁷³ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 104.

⁷⁴ Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 113–114, 119, 120.

Пастырские искушения

Искушения в пустыне Христа Спасителя.

Искушению подвергаются после посвящения не только пастыри, но подвергался им и Пастыреначальник. Искуситель в самом начале пастырского служения Христова попытался разрушить все Его пастырское дело.

Тотчас после Крещения Дух Божий возводит Господа в пустыню Иудейскую. Сорок дней Он искушается от дьявола невидимо, а в сороковой день, в момент алчбы,— видимо (см.: Мф. 4:1-2). Центр первого вражеского искушения — предложения камни сделать хлебом (см.: Мф. 4:3) — заключался не в похоти плоти и не в попытке вовлечь в излишество. Дьявол здесь хотел затемнить сознание Спасителя удовлетворением телесной потребности в момент искушения и склонить Его к своевольному совершению чуда, несвойственного Пастырю, как Ходатаю и Посреднику пред Небесным Отцом. В своих целях искуситель предложил Пастыреначальнику отделить Себя от людей, исключить Себя из доступного вообще человечеству чрез прибегание к власти, присущей Ему, как Сыну Божию. Богочеловек отверг самую основу искушения, слишком маловажную для человеческого духа. Своим ответом (см.: Мф. 4:4) Он показал, что исполнение воли Божией составляет смысл всей человеческой жизни.

Сразу поняв твердую опору Спасителя в воле Отчей, дьявол сопровождал Его в Иерусалим на кровлю храма и предложил Ему броситься вниз, блеснуть Своей чудодейственной силой и выставлением Своей воли нарушить волю Божию. Спаситель отражает его своим желанием исполнять только действительную волю Божию (см.: Мф. 4:5-7). Наконец, искуситель предлагает Господу Иисусу Христу воздать поклонение ему, дьяволу, и обещает за это дать Господу славу всех царств земного мира (см.: Мф. 4:8-9). Эта власть то же, что власть без коренного сердечного исправления людей Голгофской жертвой, без успокоения их независимостью от земного зла познанием Отчей любви. В данном случае слышится предложение искусителя Христу начать пастырское служение с конечных целей человеческой жизни обманным путем. Между тем на горе искушений еще не наступило Царство Божие, бывшее задачей дальнейшего пастырства Христова. Дьявол ясно увидел тогда, что его искушение ни к чему не поведет, так как Господь соберет в Свое стадо без потворства и угождения их страстям, но потребует от них свободного подчинения Небесному Отцу, какое проявил Сам в искушениях.

И, окончив всё искушение,— заключает Евангелист эту повесть,— *дьявол отошел от Него до времени* (Лк. 4:13). Искушение именно всё, потому что объяло три оружия: человека, среду и дьявола в целях соблазна. Окончилось оно до времени, так как позднее дьявол искушал Господа чрез ближайших учеников,— Петра, наименованного в момент искушения *сатаной* (ср.: Мф. 16:23), и Иуду, названного *дьяволом* (ср.: Ин. 6:70). Названия эти приписывались Апостолам ввиду действия чрез них сатаны. После победы над темным дьявольским коварством Спаситель начал Свое пастырское делание. Каждое из трех искушений, направленных на разрушение Христова подчинения Отчей воле, заключает в себе предложение Господу избрать Себе способом пастырской деятельности Свою волю, несогласную с волей Небесного Отца.

Отсюда раскрывается настроение Пастыреначальника как образа настроения пастырей. Оно состоит в уничтожении собственного “я” до слияния его с волей Божией, в отказе от уступок и увлечений самолюбием и в предпочтении воли Божией воле своей. Вся жизнь пастыря с постоянным выбором между добром и злом есть искушение. Бывают в пастырской жизни и моменты особенно критические по силе ощущения и ослаблению энергии.

Виды пастырских искушений.

Формально-логическое определение пасторологии отмечает три вида пастырских искушений: 1) чрез самого себя; 2) чрез внешнюю окружающую среду и 3) чрез врага пастырства — дьявола. Согласие и внушение нарушает всю настроенность пастыря и переводит его на сторону противника, сознательно подчиняя ему. Опытю дознано о нападении дьявола на пастыря, особенно после его хороших минут благочестивой настроенности и при воздаянии должного земным потребностям. Скрытно и как бы из засады нападая, враг спасения устрашает, когда следует надеяться, и делает беззаботным, когда надобно бояться.

Необходимость искушений.

После посвящения каждому пастырю предстоит выдержать огненное крещение от дьявола в его искушениях (см.: 1 Пет. 4:12). Ни один из них не свободен от искушений, так как нравственность ни в ком не слагается без борьбы с искусительными влияниями. Возвышениям предшествуют обычно испытания, опасности. С юности человека создаются идеалы его жизни, и начинается борьба злого духа против сознательного подчинения кого-либо воле Божией. Кто от возвышенно-религиозного идеала служения Церкви Христовой переходит к жизненно-аскетическому идеалу и предпочитает последний первому, тот, ставши пастырем, уже создает себе почву для искушений. Ему мысленно слышны предложения, для верного хода дела, искать богатства, внешнего авторитета, жаждать чуда и обманно идти путем его.

Искушения на почве корысти.

Первое искушение готовящегося к пастырству — найти богатую невесту и теплое местечко. После хиротонии его окружают материальные искушения в виде платы за требоисправление. Пользование вознаграждением по-видимому не греховно и маловажно, а может быть причиной раздора с паствой и изменения пастырского настроения к худшему. Поэтому пастырь, слыша вражьи советы исключительно заботиться о плоти, должен отогнать их словом Божиим. А оно как раз повелевает человеку не связывать себя материальными выгодами. В сознании пастыря первенствовать должна забота о Царстве Божием, а не о телесных нуждах. Материальное он должен приносить в жертву духовному и быть довольным самым меньшим в материальном отношении. Притчей о неверном управителе (см.: Лк. 16:1-13) Господь навеки предостерег всех пастырей от пристрастия к материальным благам. *Если вы,— говорил Он,— в неправедном богатстве не были верны, кто... даст вам ваше?* (Лк. 16:11-12). Иногда пастыри личные выгоды могут оправдывать предлогом удовлетворять, в данном случае, потребности паствы.

И как много пастырей, ставши у кормила душепопечения, начинают осуществлять свои давние мечты о церковно-административной деятельности, ведя ее в ущерб духовно-нравственному руководству паствой, и по корысти сплошь и рядом они увлекаются также экономическими предприятиями, а нравственное возрождение пасомых ставят на втором плане. И вот носители высших идей и служители духа подавляют свое идеальное настроение промышленным духом. Они отрываются от простоты жизни и старозаветных обычаев своих овец, а овцы разбегаются и пастыря знать не хотят. Такие руководители словесного стада начинают пастырское делание не с исправления жизни руководимых, а с забот о хлебе своем. Между тем истинный пастырь Христов верит, что Бог не оставит его без хлеба и, сверх телесного насыщения, оживотворит его словом Своим, светом лица Своего, благодатию обетований. И бесспорно то, что Бог силен изменить в пастыре даже желание известного рода пищи, уменьшив требования ее в нем с помощью потока благодатных чувств. Ввиду сказанного пастырь материальное благосостояние свое и паствы должен больше всего ставить в зависимость от нравственного улучшения, от счастья сердца, поскольку жизненные блага подчинены благу спасения.

Искушение гордостью.

Хитрее и опаснее описанного искушения — возникновение у пастырей мыслей о чудесах и желаний чудес от Бога в доказательство целесообразности их пастырского подвига. Такие мысли равносильны дьявольскому предложению броситься вниз (см.: Лк. 4:9-11). Само по себе чудо еще не возвращает души нравственной. Ее трогает скорее незримое, тихое, подобное росе снисхождение Божией благодати. И пастырскому служению чудеса не помогут. Они подавляют человеческую личность, воздействуют внешне. Важнее предварительное поддержание внутреннего настроения, проникновение евангельскими идеалами и убеждениями. Чудо заставляет отказаться от дурного действия, но не от дурной воли и не от скрытой греховной жизни сердца.

Пастырю полезнее действовать на окружающую среду не внешними мерами, а ношением внутри себя Царства Божия и теснейшим единением своим с Богом. Если в желании чуда греховно удовлетворяются те или иные мнимодуховные потребности, то вражье внушение пастырю сводить свою деятельность к чиновничеству вредит пастырскому служению еще существеннее.

Соблазн к раскольничеству и сектантству.

Во всех искушениях диавол обычно склоняет пастыря уступить ему один лишь раз и пойти путем ли лжи, потворства ли страстям, путем ли сектантства и раскольнического разделения.

Белокриницкая иерархия сетью опутала всю Россию из-за одной уступки грека митрополита Босно-Сараевского Амвросия, без патриаршего разрешения перешедшего к раскольникам. При одной уступке ради сокровищ мира следуют другие компромиссы без конца, прикрывая обман за обманом. Если бедняк священник не донесет начальству о тайной молельне какого-либо богача раскольника ради его материальных обогащений, то в совести будет мучиться, быть может, всю жизнь. Дьявол всегда влечет ко злу, прикрывая его видом добра. Он предлагает пастырю много неверных, но легких путей к достижению земных целей — вроде *чечевичной похлебки* (ср.: Быт. 25:34), *Сеннаарской одежды* (ср.: Нав. 7:21), *двух перемен одежд* (ср.: 4 Цар. 5:23) и *тридцати серебрянников* (ср.: Мф. 26:15). Но и единичная измена убеждениям, сознательное признание господства плоти над духом погружает пастыря в тину житейскую, делает его наемником или даже волком Христова стада (см.: Ин. 10:12-13). Ему открывается много случаев поступаться своими убеждениями, замалчивать их, со всеми поладить ценою человекоугодничества, производить на пасомых впечатление своею личностью. Это вредное настроение нарушает правильное созерцание жизни как борьбы добра и зла, исход которой у Бога, растлевает благодатную любовь к пастве и равнодушие к себе. Для избегания искушений в пастыре непрерывно должно совершаться внутреннее делание.

Он ежеминутно должен быть на страже. Нападения вражды неожиданны и по-видимому невинны, но ими разрушается пастырская деятельность.

Неверное понимание характера пастырского служения ведет пастыря к духовной прелести или подделке истинного пути мнимо правильным.

Вместо признания себя орудием Христа, опирающимся на благодать Божию, у пастыря возможен уклон или в сторону апатии и малодушия, или в сторону самонадеянной ревности.

Искушение малодушием.

Малодушное мнение о своей малоспособности и посредственности влечет за собой ослабление пастырской энергии. Пастыри, охваченные такой мнительностью, постепенно опускаются духовно, превращаются в механических требоисправителей, утрачивают идеалы и переходят к несвойственным пастырю интересам.

При искушении названного рода малодушием служителям престола следует напоминать себе о главном Деятеле в пастырстве — Боге и Его благодати, о некоторых небесполезных личных дарованиях и способностях к церковному служению, хотя бы и не исключительных. Нельзя отрицать того факта, что всеобъемлющие натуры энергичнее других двигают жизнь вперед, но в Церкви и работа заурядных деятелей безмерно важна благодатностью. Подвигом возгревания благодати хиротонии они могут от развития своих нравственных качеств приходить к громадным пастырским успехам. Это видим на примерах отца Иоанна Кронштадтского, отца Георгия Чекряковского и других. Да одобряет же себя всякий “средний” пастырь твердой надеждой на благодатную помощь! Смиранный труд его на Христовой ниве, без соревнования с другими (см.: 1 Кор. 4:3), без унылого ропота на Бога и маловерия, послужит залогом незаурядного успеха. Погружение в уныние обрекает на лишение Божией помощи, к зарыванию таланта (см.: Мк. 4:6; Мф. 25:18).

Малодушие очень часто возникает в пастырском служении при виде нелегкой черновой работы над возрождением отдельных пасомых. Труд здесь кажется чрезмерным и малопродуктивным. В таких случаях много одобряет трудящегося пастыря мысль, что он лишь эконом Господень при благодатном обновлении душ и постепенное перерождение их малозаметно ему. Если же он не массы, а отдельные личности приведет к Богу, то и это существенно. Сильно радуются, по Евангелию, пастух и женщина, нашедшие: один — заблудившуюся овцу, другая — потерянную драхму (см.: Лк. 15:3-9). Подобная, но более сильная отрада пастырю — иногда на всю жизнь — сознавать спасение даже *одного грешника* (ср.: Лк. 15:7). Обновление отдельных лиц истинно величайшее дело и для Церкви, и для общества. Ставшие хорошими членами общества в свою очередь благотворно влияют на других благодатной закваской. Поэтому и апостол Павел “заботился не только о целых народах, но и об одном человеке и посылал послания то об Онисиме, то о прелюбодее коринфском. Он смотрел не на то, что один был грешник... но на то, что это был человек... за которого Отец не пощадил даже Своего Единородного”⁷⁵. Хотя пастырям и незаметен рост паствы в духовном отношении, но уже одно очищение грехов пасомых в Таинствах весьма важно.

⁷⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. С. 323.

Скорее более бесплодна мечтательность о влиянии на массы человеческой силой, чем скромный труд над возрождением паствы с верой в силу благодати Божией.

Некоторые пастыри флегматичного темперамента (или меланхолики) готовы опускаться в бездействие по приятности им лени и, вместо напряжения энергии, вносят в свое служение меланхоличность, мертвенность и сокращенный вид отправления обязанностей. Такая небрежность есть презрение к Домовладыке Господу, подлежащее грозному суду *изблевания из уст* Божиих (см.: Откр. 3:15-16).

Искушение самонадеянностью и тщеславием.

Наряду с апатичностью, пастырская энергия может ложно направляться рычагом тщеславия вследствие исключительного положения пастырей как руководителей паствы. “Душу священника обуревают волны...— замечает Златоуст.— И во-первых, является тщеславие — как бы скала... гораздо опаснейшая скалы сирен”⁷⁶. Тщеславие может расти при наличии энергичной воли, ума, дара речи, доброго сердца, подвижничества и даже смирения. Искушение это грозит всем иереям и, более, епископам. Тщеславие обнаруживается у пастырей в походке, тоне голоса, жестах, в обращении с людьми, в одежде, то слишком изысканной, то намеренно небрежной⁷⁷, в искании наград и повышений. Оно пользуется как поводом к требованию почета и уважения даже благодатными церковными полномочиями.

Отсюда понятно, насколько смиренно и благоговейно надлежит всякому пастырю поддерживать свое пастырское достоинство и авторитет и как чутко следует прислушиваться к голосу совести.

Тщеславный пастырь восхищает славу Божию себе и благодати Божией препятствует действовать чрез него, заполнив собою собственное сердце. “Поистине бедственно домогаться... чести”⁷⁸,— восклицает Златоуст. А святитель Григорий Богослов, дополняя его, говорит: “Самомнение отнимает у человека большую часть того, что он есть”⁷⁹.

Прилипчивому тщеславию пастырь всегда может противопоставить несогласие на искушающие помыслы и думу о том, что он, представитель славы Божией, не имеет права искать своей славы. Тщеславный, ставя себя в зависимость от мнения других, делается незаметно ниже их. Слава, наоборот, бежит за бегущими от нее и следует за ними даже после смерти. “Чем меньше истинный пастырь и отец своих пасомых,— говорит отец Иоанн Кронштадтский,— будет заботиться о своем прославлении здесь, на земле, при своих усердных трудах во спасение их, тем больше просияет слава его по смерти: он и мертвый будет заставляя их говорить о себе. Такова слава трудящимся на пользу общую!”⁸⁰

Душевное пастырство.

Описанная нами картина проявлений пастырского тщеславия, заметного всем и поверхностного, иногда вырождается в скрытую и глубокую самонадеянность, в подмену благодатного пастырства и духовного пастырства естественным и душевным.

Нет никаких плодов от подобной подмены Божьего человеческим. Она страшна и опасна. Мечты с помощью широкого гуманитарного образования и веры в себя зажечь свет в сердцах пасомых — ошибочны. Культурные воздействия на почве церковноприходских организаций (комитетов, обществ), драматически выразительное служение и торжественная обстановка богослужений (акафисты, крестные ходы) неглубоко и ненадолго поражают верующих. Самый внутренний мотив спасать кого бы то ни было влиянием своей личности и держанием в своей подчиняющей власти уже глубоко греховен. Здесь вырастает в пастырской душе увлекательная, заинтересовывающая страсть: иметь сладость властолюбия над душами мерами культурного воздействия. Результаты отмеченного типа пастырствования часто — неожиданно для действующего — плохи, плачевны и кончаются разочарованием. Ему остается растерянно жаловаться на бесплодность лишней работы. Внешнее, а не внутреннее, органическое, влияние тогда только прочно и действенно, когда к нему присоединяется подкрепление, изнутри идущее от благодатной веры и любви, от борьбы и победы над страстями. Культурному влиянию в

⁷⁶ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 429.

⁷⁷ См.: Там же. С. 469.

⁷⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 431.

⁷⁹ Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 1. С. 38.

⁸⁰ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 123.

пастырской работе должно предшествовать возникновение Таинств, молитвы и личного подвижничества, мистико-аскетическая жизнь паствы. Тогда и культура вносит свою долю пользы в нравственное воспитание душ. Иначе душевное пастырство кончается разочарованием и бесплодием.

Привязывание паствы к пастырской личности.

Иногда расчет пастырей в способах руководства паствою опирается на стремление привязать к своей личности верующих с помощью возбуждения в них религиозного сентиментализма. Встречаются служители Церкви хитрые, зараженные фанатизмом, прелестным самомнением. Интеллигенция, утратившая духовный вкус и живую связь с Церковью, с охотой примыкает к самопрельщенным пастырям. Они не требуют от паствы глубокого смиренно-молитвенного подвига, постоянной самособранности и духовной борьбы с собой. Себя же они воочию всех показывают проповедниками и аскетами и ревнителями Церкви, интересуясь домашними беседами с пасомыми и великолепием богослужения с чудным хором и кратким уставом службы. Все это душевному человеку сродно, легко и привлекательно. При описанных условиях образовалась не так давно секта “иоаннитов” псевдоправославная “катакомбная” секта, обожествляющая праведного Иоанна Кронштадтского.

Внешностью пастырей, отречением от свободы и исканием таинственного чаще прельщаются слабые и сентиментальные по природе женщины. От ненормального, выпуклого выдвижения в религиозной жизни общества личности какого-либо пастыря общество может страстно привязаться к ней, а внутренне, верою, и нравственно — слабеть. Привязанность отдает во власть привлекающего души верующих. “Сердце ваше,— пишет епископ Игнатий Брянчанинов,— да принадлежит Единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку — страшно”⁸¹. “Пристрастие делает любимого человека кумиром”⁸², приводит к вере в него, а “вера в человека приводит к иступленному фанатизму”⁸³.

Из фанатической веры привязанный решительно готов делать все угодное его кумиру: идти за ним даже по еретическому и сектантскому пути. При догматической твердости пастырь, влекущий к себе, может впасть в самомнение и искание славы и, с ее ослаблением, мучиться. Пастве привязанность к кумиру заменяет Господа. Психологически процесс возрастания привязанности можно изобразить так. Сначала пасомые в пастыре видят воодушевителя к более горячей вере и верной духовной жизни после своей безнравственной или теплохладной жизни, они охотно слушаются советов любимого руководителя, но постепенно из любви к нему начинают видеть, наряду с авторитетом Церкви, равный или даже больший Церкви авторитет этого выдающегося пастыря. Вслед за излишней привязанностью к своему кумиру верующие начинают мало-помалу остывать к Богу и Церкви. Проповеди и домашние беседы “дорогого батюшки” становятся им важнее молитвы, особенно если служит, исповедует и причащает не их “любимый наставник.” Сравнительно с ним они критикуют всех прочих пастырей. На почве такой привязанности происходят в приходах организации особых кружков, сектантство, ссоры и вражда из-за борьбы неумеренных поклонников за степень близости к обожаемому священнику.

Представленное выше влияние, как искусственно наваянное извне, — безблагодатно, внешне и поверхностно. Едва только у страстно любящих открываются глаза на призрачное достоинство руководителя, как их душевно-плотская любовь переходит в разочарование и положительную ненависть к нему, прикрывавшему авторитетом человека власть Бога. Разочарованные верующие перестают даже любить тогда Бога и Церковь. Таков результат подмены внутреннего внешним, духовно-благодатного — душевно-человеческим.

Ненормальная вера в разных лжехристов и лжепророков, по свидетельству Спасителя, в конце концов приведет к вере в человекобога (см.: Мф. 24:4-5; Мк. 13: 6) всех людей, утративших способность внутреннего ощущения и распознавания *истинного Царства Божия* (ср.: Лк. 17:21).

Спаситель, Апостолы и святые Отцы решительно восставали против душевного влияния и привязанности к людям, как подменяющих Бога человеком и похищающих славу Божию. Некогда Господь запрещал исцеленным рассказывать об его чудесах, уклонялся от народной привязанности после насыщения пятью хлебами пяти тысяч человек (см.: Ин. 6:15), плакал над Иерусалимом при кликах “Осанна” (см.: Лк. 19:37-41). Причиной того была душевная привязанность к Нему народа

⁸¹ Цит. по: Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова: Письма. СПб., 1881. С. 119.

⁸² Там же. С. 120.

⁸³ Там же. С. 110.

как к Источнику плотского наслаждения и Чудотворцу, а не как к Лицу Божественного достоинства.

Подобно Господу, апостол Павел в Коринфе боролся с душевно-плотской партийностью местных христиан, выяснял им служебно-распорядительный характер пастырей. В Листре и Дервии апостолы Павел и Варнава убедили язычников в своем подобии им, когда те почли их за богов при виде исцеления хромого и хотели почтить их жертвоприношением по внушению дьявола (см.: Деян. 14:6-18).

Апостолы, напротив, здесь все относят к Богу и ничего не считают своим. В сущности, человекослужению есть исполнение замысла дьявола похитить славу Божию и равносильно идолослужению и бесослужению.

Хищение Божией славы пастырями душевного типа, между прочим, практиковалось в древнехристианском мире. Его, например, отмечает святитель Григорий Двоеслов, говоря, что пастырь “не должен... заискивать у своих пасомых больше расположенности к самому себе, чем внушать им любовь к истине. Иначе, как бы ни отделялся он подвигами своими от мира... самолюбие отчуждит его от Бога. Ибо тот враг Искупителя, кто домогается, хотя бы то и добрыми делами, не столько заслужить любовь Его, сколько восхитить у Его Церкви привязанность и расположение к себе: это походит на то, как если бы какой-нибудь слуга, чрез которого жених пересылает подарки своей невесте, вздумал предательски привлечь к себе ее сердце и обольстить... Эти правила внушает нам апостол Павел... говоря в одном месте: *Я во всем всем угождаю, ища не своей пользы, но многих, да спасутся* (ср.: 1 Кор. 10:33)... а в другом: *Если бы я людям угождал, Христовым рабом не был бы* (ср.: Гал. 1:10).

Так-то Апостол Божий и угождал людям и не угождал; и в том, в чем он угождал им, имел в виду не свою личность, но проповедуемую им истину”⁸⁴.

Против захвата власти над пасомыми естественными средствами и образования в них привязанности к любимым пастырям Игнатий Брянчанинов пишет: “Принадлежать человеку — страшно... Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе... не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Доколе плотское чувство преобладает в учениках,— велик пред ними наставник их; но, когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос, они видят в наставнике своем только благодетельное орудие Божие. Охранитесь от пристрастия к наставнику... Пристрастие делает любимого человека кумиром”⁸⁵. Непрочная любовь друг к другу пастыря и пасомых — скороисчезающая. Вообще, “можно скоро... пресытиться любовью к ближнему, когда предмет любви только человек... Любовь должна питаться Беспредельным Богом”⁸⁶.

Католичество, протестантство и Православие с точки зрения идеала пастырства.

Отношением к душевному пастырству и надеждою на человеческие средства отличаются три главных христианских исповедания: католичество, протестантство и Православие.

Католичеству и его иерархии присущ, прежде всего, юридизм с его проявлениями — формализмом, внешней твердой организацией, сентиментально-авторским драматизмом, захватом власти над государством и высших иерархических мест для усиления своей деятельности и влияния.

Католическая иерархия в церковном обществе ненормально применяет перечисленные способы влияния на церковно-народные сферы. Она удовлетворяет религиозные запросы и возбуждает религиозные чувства верующих внешними, естественными, средствами сообразно земному, практическому характеру “римлянина.” Подобная методика влияния напоминает воспитательное руководство детьми не чрез убеждения, а путем властной дисциплины. Преувеличенное значение ксендзов покоится на их человеческом искусстве оказывать впечатления на паству внешними средствами и посредством знания ее интимной жизни. Стоит только вспомнить о католическом ордене иезуитов и непомерном властолюбии папизма, признанного у католиков непогрешимым. Папы — Христовы наместники, но никак не слуги и не экономы Христа Спасителя (см.: 1 Кор. 4:1). И все католическое пастырство, мертвое верой и пышное внешностью,

⁸⁴ Свт. Григорий Двоеслов. Правило пастырское, или О пастырском служении. С. 67, 70.

⁸⁵ Цит. по: Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова: Письма. С. 119, 120, 119–120.

⁸⁶ Там же. С. 99.

— клерикально и дышит стремлением господствовать над государством и верующими, а свое посредничество преувеличивает религиозной гипнотизацией.

Против душевного воздействия ксендзов и пап восстали протестанты. Их незаглушенное религиозное чувство потребовало живого отношения к Самому Богу. Вместо внешних подвигов и угнетения свободы они потребовали внутренней религиозной жизни и независимости от гнетущей опеки. К сожалению, бессвященный протестантизм уклонился в новую крайность: отрицания внешности. Он встал на защиту общего всесвященства с отрицанием иерархической власти и посредничества в Таинствах. Юридический принцип остался у протестантов, скрывшись в их душевные глубины. Протестантское безусловное оправдание верой есть, в сущности, уверение себя в спасении или вера в собственную уверенность.

Она — плод естественного человеческого принуждения, вид религиозного самогипноза,— вера душевная. Каждый протестант сделался через это самопосредником. Его вера в личные человеческие условия спасения ввиду своей глубокой скрытности приняла еще более опасный вид и в одних случаях привела к неверию и духовной мертвости, в других — к явному лжемистицизму. Вот почему среди протестантов обычны воображения о святости, облагодатствовании и тесном общении со Святым Духом, а иногда подмена благодатной духовности сентиментальной экзальтированностью.

А так как названная экзальтация основывалась на самоуверенности и сентиментализме и повышала эти состояния в других, то в протестантском обществе скоро выделились из заурядно мнимых святых особые “старшие братья,” даже “пророки,” претендовавшие на полную власть над прочими. Поскольку преимущества “братьев” и “пророков” утверждались не на преемственной иерархической благодати, а исходили из веры в призвание этих лиц Святым Духом и из непосредственного Божия “полномочия,” то вера в них как достойных сверхнормного дара постепенно усилилась. Протестантские мистические наставники, таким образом, создали какое-то доведение веры в человека до обожения и стали оказывать громадное впечатление на психику своих служителей. Их вера в себя привела к человекобожеству или, что так же, к безбожию. В конце концов одни из пасторов самочинно заменили собой Духа Святого (“прелесь”), другие утратили всякое значение в протестантских верующих кругах (“малоплодность”). Словом, выводы из протестантского руководства паствой получились тождественными с католичеством.

Нечто подобное сказанному о католиках и протестантах можно наблюдать в самочинной иерархии сектантов, или в так называемых сектантских пресвитерах, братцах, старших и пророках. Слепые поклонники их обожествляют за сентиментальное душевное возбуждение и религиозную морфинизацию, хотя реально лишь ослабляют их настоящую духовную любовь к Богу. Если надрыв обожения не приведет большинство таких поклонников к явному антицерковному безбожию, то, во всяком случае, погрузит в прелесь, оставит с верой в свою мнимую духовность и со способностью обожествлять человека.

На основании сказанного явно выступают два следствия естественно-душевного пастырства: 1) омертвление духовной религии и 2) лжемистицизм или прелесь.

В отношении охранения принципа благодатного, а не человеческого воздействия в пастырстве только Православие всегда стояло и стоит на правильной точке зрения. Даже сугубо авторитетнейшие православные пастыри, вроде Златоуста и других, предупреждали привязанность к своим личностям. Они указывали, что в Церкви художник — Дух Святой, а человеческий язык только кисть для изображения добродетелей⁸⁷, и возражали против аплодисментов в храме, приличных только светским зрелищам. Благодаря этому, под их влиянием, верующие неуклонно шли к стяжанию духа благодати чрез подвиг добродетелей. И современные наши православные пастыри, прежде всего сельские, особенно простые и смиренные, верят в благодать Божию более, чем в собственное влияние. Их можно, пожалуй, обвинить, как это делает В.С. Соловьев, в малодеятельности и неиспользовании возможностей оказывать силу влияния на русский народ, чем в захвате власти над пасомыми. Но данная тактика нашего сельского пастырства не упущение, а истинное благодатное достоинство. Православные пастыри более стараются хранить примерную жизнь, благоговейно служить и проповедовать и смотрят на это как на должное, а не видят здесь сверхблагодатного приема личного воздействия. Впрочем, наше городское духовенство заметно стремится к некоторой власти над душами, усиленно проповедует при поверхностном горении духа, нередко погашает в пасомых молитву и любовь механичностью требоисправления и маловерием. Здесь явный уклон в сторону душевности. Надежды на человеческие средства оказываются у части городского духовенства иногда в преувеличенных надеждах на Соборы

⁸⁷ См.: *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 9. С. 280.*

внешней иерархии с выборными представителями от низшей иерархии и мирян. Между тем следовало бы надеяться здесь более на Святого Духа среди соборно объединившихся в смиренной любви.

Вообще же Православию дороже подъем внутренне благодатной церковной жизни. Что же касается случаев уклона ко внешности православного духовенства, то они непринципиальны. А лучше сказать, несознательно практичны. Впрочем, и все православные пастыри должны всегда напоминать себе, что они *друзья Господа Спасителя* (см.: Ин. 15:15), но не заместители, похищающие Его славу, и что в Церкви *насаждающий и поливающий есть ничто, а все — Бог возвращающий* (ср.: 1 Кор. 3:7). Пастыри же — *лишь слуги Христовы и строители таин Божиих* (ср.: 1 Кор. 4:1).

Меры борьбы с искушением “душевности” в пастырском воздействии и “привязью” паствы таковы.

Конечно, пастырь, заведомо неправильно действующий на пасомых, обязан сознательно отречься от неверного направления своей работы. Но нужно сознаться, что большинство наших пастырей пользуются “душевно-человеческими” средствами влияния или несознательно, или по своей *душевно-духовности*, как выразился епископ Феофан Затворник, или из-за невозгретости в них личным подвигом благодати хиротонии. Под понятием *душевно-духовность* следует понимать постепенно одухотворяемую душевность. Здесь главный источник пастырского настроения мыслится в благодати, дающей человеку направление. Душевность является материалом для благодати. В силу этого пастырю необходимо все делать во славу Божию, во всем руководиться любовью к Богу и надеждой на благодать. Тогда он не переоценит душевных средств самих по себе и себя постоянно будет смирять, помня об истинной силе только благоугодных воздействий на верующих. Смиренно-благоговейное пастырское самосознание, освещая действия и средства руководства, выведет пастыря неминуемо на борьбу с чувствами самонадеянности, самомнения и тщеславия. При главенстве в нем истинного мотива деятельности ему можно не бояться борьбы с собой. Господь постепенно исправит его.

С пристрастной привязанностью пасомых следует бороться решительно и умело. Их любовь, важную в деле их спасения, пастырь должен отрегулировать, направив ее от себя к Богу и Церкви и прививая пастве сердечное расположение к молитве, богослужению и Таинствам. Отстраняться от верующих можно путем держания себя пред ними без чрезмерной фамильярности и ласки, а благоговейно-строго и отдаленно... Подобная тактика со временем преобразует их душевную привязанность к пастырю в духовную любовь к Богу, и чрез нее-то они будут смотреть на своего наставника законно и нормально.

Перемена центра тяжести в отношениях паствы к пастырю болезненна, совершается медленно и не терпит резкого перелома. Замечательно искусно в свое время Пророк Иоанн Предтеча отстранился от пристрастной любви к себе учеников ввиду пришедшего Мессии. Он называл себя при них, как и следовало, лишь *другом Жениха, стоящим и внимающим Ему* (ср.: Ин. 3:29). *Жениху должно расти, а мне умяться* (ср.: Ин. 3:30),— говорил Предтеча. Так и всякий духовный наставник, по словам епископа Игнатия Брянчанинова, “должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе”⁸⁸.

При малочисленности выдающихся пастырей, к коим можно привязываться, опаснее для заурядных пастырей уклон к надежде на естественные средства — наподобие религиозно-нравственного просвещения. Это самая распространенная подмена благодатного посредничества. В борьбе с нею пастырь должен всегда мыслить себя только Божиим представителем, слугой и экономом, действующим силою Бога. “Я некогда слышал,— отмечает Златоуст,— как... один христианин состязался с язычником... Спор был о Павле и Платоне; язычник старался доказать, что Павел был человек простой и неученый, а христианин... усиливался доказать, что Павел был учение Платона. Между тем, если допустить последнее, победа оставалась на стороне язычника... Если же... Павел был неучен и, однако, превзошел Платона, то здесь славная победа, так как неученый убедил и привлек к себе всех учеников ученого. Отсюда ясно, что проповедь одержала победу не человеческою мудростию, но благодатию Божиею”⁸⁹.

⁸⁸ Цит. по: Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова: Письма. С. 119.

⁸⁹ *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 10. С. 26.*

Часть 2

Пастырь на ниве служения.

Настроение пастыря в священнослужении.

Закон воздействия пастыря на душевную жизнь пасомых ясно формулируется словами Господа: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела* (Мф. 5:16). Природа человека больше увлекается живым примером, чем отвлеченным словом. Как выводящий стадо пастух идет пред овцами, а овцы за ним идут, так и пастырь словесных овец “должен... наставлять прихожан своих к житию святому примером своим добродетельной жизни”⁹⁰. И начальники сильнее действуют на подчиненных не словами, а делами жизни. Предшествующие Божию стаду пастыри, активные деятели в винограднике Господнем,— *соль земли и свет мира* (ср.: Мф. 5:13-14).

Соль предохраняет пищу от порчи и безвкусицы, а пастыри пасомых охраняют от тлетворных теорий совне, а внутри них охраняют религиозную мудрость. Соль сообщает пище вкус, а пастырское учение очищает внутреннее настроение служителей и придает ему свойство любви и братства во Христе.

Пастыри — *свет мира* в смысле чистоты своих воззрений, осмысленности жизни, свечения светом Христовым, просвещающим мир. Для этого они сами почерпают свое учение из чистого источника истины, и жизнь их торжественна, трогательна и серьезна. Такою жизнью им свойственно вести поучаемых к такой же жизненной настроенности. Истинный пастырь должен прежде творить, а потом учить (см.: Деян. 1:1) и учением как нормою деятельности готовить людей к Царствию Божию. Если он по немощи падает, но своим падением не увлечет, а напротив, постарается учить исполнению этой истины в силу своего глубокого убеждения, то он будет не совсем чуждым Царства Небесного, именно одним из самых малых в нем (см.: Мф. 5:19).

Более всего должно остерегаться пастырю разлада слова и дела своего или фарисейской праведности (см.: Мф. 23:3-4). Худо живущий не в состоянии говорить слов учения дерзновенно, из-за обличения совести в грехах. Разлад дела и слова препятствует пастырю иметь душевный покой и следить за ходом борьбы добра со злом в пасомых. И обратно, добрая пастырская жизнь созидает духовное образование людей, делает их похожими на руководителей уравновешенностью духа, покоем сердца и твердым исполнением христианского долга. Действительность живых примеров люди всегда и везде сознавали. В обществе истинный пастырь как раз и должен являть лучшие свойства человеческой души и распускать почки истинного доброделания. Дурные дела пастыря порочного не могут быть скрытыми, а скоро делаются известными. Его “падение” святитель Тихон Задонский сравнивает с падением большого дерева, сокрушающего мелкие деревья⁹¹.

Идущий впереди пасомых пастырь должен опытно указать пасомым не только куда идти, но и как пройти. Добродетельной жизнью он действует сильнее и невольно влечет к себе. Он сконцентрированно выражает в себе христианство, есть ходячая совесть и открытая книга, читаемая пасомыми. Пастырю учить словами других и отгонять делами или иметь уста, несогласные с делами, есть величайшее безобразие, страшно наказуемое, роняющее его в глазах паствы и ослабляющее в нем самом бодрость и духовную энергию. Пастырь никогда не бывает один и в своей частной жизни не может отделять себя от вверенных ему овец. Взоры всех направлены на него, и в его поступках паства желает видеть олицетворение всего христианства, истины и добра. Для скорости распространения учения и успешного выполнения пастырской миссии Апостолам заповедано было от Господа *даром давать благодать и учение* (см.: Мф. 10: 8). Этим не запрещается пастырю пользоваться добродетельными даяниями и содержанием от паствы. И Господь не отвергал приношений от своих слушателей (см.: Лк. 24:41-43). Но пастыри могут, по заповеди Христовой (см.: Мф. 10:9-10), заботиться только о безусловно необходимом. Они должны быть по разуму *мудрыми, как змии*, прячущие голову от врагов и снимающие старую кожу чрез проползание трещин, и действиями быть безвредными, *как голуби* (ср.: Мф. 10:16).

⁹⁰ Архиеп. Могилевский, Мстиславский и Оршанский Георгий (Конисский), еп. Смоленский и Дорогобужский Парфений (Сопковский). Книга о должностях пресвитеров приходских... СПб., 1776. С. 70.

⁹¹ См.: Свт. Тихон Задонский. Сочинения. 2-е изд. СПб., 1825. Т. 10. С. 241.

Психологическое основание пастырского воздействия на пасомых лежит в созерцании самим пасомым Христова света. Пастырь в сиянии света Христова совершает дела жизни, сообщает теплоту слова Божия слушателям и поражает их убежденностью своей речи. И они черпают у своего руководителя силу святой жизни, лучшие думы и чувства.

Общий вывод для всякого трудящегося на ниве пастырства таков: пастырь никогда не должен забывать тона и направления своей деятельности. Свойства его: богопреданность, созерцание Божьего Промысла, пламенение благодатной любовью и проникновение Христовым духом, жертвование жизнью за спасение овец; он — указатель пути *во двор овчий* (Ин. 10:1), то есть в Царство Божие, возвещением смысла человеческой жизни и способов осуществления каждым человеком личного назначения. Он пасет свое стадо словом Божиим, ясной, чистой, примерной жизнью своей.

У истинного пастырства три задачи: 1) соединять с Богом; 2) учить и 3) руководить. Пастыреначальник Иисус Христос осуществил на земле служение первосвященническое, пророческое и отечески руководительное. По образцу названных служений Христа Спасителя пастыри Церкви священнодействуют, учительствуют и духовно управляют верующими. Священнодействовал Спаситель в горнице Иерусалимской и на Лобном месте, учил словами, делами и самым молчанием, руководил совестью людей при всяком случае, призывая всех в Царство Небесное Отца.

С евангельской точки зрения, истинные задачи пастырства устанавливаются аксиоматически и упоминаются, между прочим, в апостольских Постановлениях. Здесь сохранена запись древней молитвы на рукоположение с такими подробностями: “Даждь о имени Твоем, Сердцеведче Боже... избранному на пастырство пасти святое Твое стадо и... собирати число спасаемых и... власть оставляти грехи... незасорно приносяще Тебе Чистую и Бескровную Жертву”⁹².

Цель Пришествия Христова на землю, а отсюда и пастырского служения — *искупление многих* (ср.: Мф. 20:28) или всех пожелавших быть Христовыми. По апостолу Иоанну Богослову, Иисус Христос все творил с единственной целью: привлечь всех к Небесному Отцу и прославить Его спасением душ (см.: Ин. 6:38-40). Все мысли людей Спаситель направлял к Царству Божию, возбуждая во всех лучшие человеческие свойства, и после Тайной вечери молил Отца: *Да будут все едино* (Ин. 17:21). Цель пастырства Христова, судя по сказанному, состоит в том, чтобы привести всех во всеобщее единение в обителях Отца Небесного, где *будут все едино* в Боге и где для всех уготовано место Восшедшим Сыном Человеческим. За Пастыреначальником и всякий пастырь несет в мир весть о воле Отца и с Ним соединяет уверовавших, нравственно обновляет и усовершенствует каждую душу пасомую и тем служит делу всемирного объединения людей в Боге. Продолжая Христово пастырство, пастыри устрояют и распространяют Царство Божие на земле. Они, познавши истину, должны нести ее в мир, приобретать ее проповедью членов Царства Божия, нравственно перерождают каждую пасомую личность. Самое имя пастырь означает добрые, родственные отношения священнослужителей с пасомыми, полные любви и сердечности. Замечательно, что в катакомбах изображение Доброго Пастыря — Христа представляет зарисовку юноши пастуха с овцой на плечах в круге. Изображение символизирует нестареющую Божественную природу Господа, вечно любящего. Овцы и козы пасутся под звуки Его флейты и лиры.

Подобное же служение несут пастыри — придверники и ключники Неба и запиратели дверей ада. Они вводят духовных овец своих в смысл христианских истин и в нравственный храм христианства, снисходят до потребностей учеников, заглядывают в их души и влияют на них священнодейственно и педагогически.

Священнодействие Христа Спасителя.

Пастырство облечено от Пастыреначальника полномочием совершать все Таинства к освящению верующих. Пример совершения Таинства Евхаристии дал им Сам Господь. Евангелист говорит о Нем, что Он желанием возжелал есть пасху с учениками *прежде... страдания* (Лк. 22:15) и, по любви к ним назвав чашу Чашей Нового Завета, повелел творить Таинство в Его воспоминание (см.: Мф. 26:26-28; Лк. 22:19-20). Особенная любовь Христова к ученикам за первой Евхаристией выразилась в Претворении хлеба и вина в Тело и Кровь Его, и Чаша Крови Его была

⁹² Постановления апостольские. Казань, 1864. С. 256.

именно новозаветной ввиду совершения Спасителем пред этим ветхозаветной Пасхи. Причащающийся Святых Таин живет в Сыне и Сыном Божиим.

Сосредоточенность, смирение и преданность Богу священнодействующего пастыря.

Внутреннее настроение пастыря — совершителя Евхаристии — должно уподобляться апостольскому. Святые Апостолы безмолвно внимали словам Пастыреначальника и *пили от чаши все* (ср.: Мк. 14:23) без всяких сомнений, в душевной чистоте. Однако во время вечери Спаситель сделал упрек апостолу Петру в недостаточной степени душевного напряжения, сказав: *Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу* (Лк. 22:31). По толкованию профессора А.А. Некрасова, это значит: “Вот, сатана отклонил вас (...во время спора о первенстве, ст. 24) от просеяния (...или: *от очищения*) *ваших мыслей*, как пшеницы”⁹³. Следовательно, от совершающего Таинство Евхаристии требуется высшая сосредоточенность в себе, не отвлекаемая ничем мирским и земным, дающая тон возвышения духа пасомым. Относительное достоинство пастыря в момент Таинства выражается смиренным сознанием своего недостойнства и всецелой преданностью в Божию волю. Святитель Амвросий Медиоланский прекрасно выражает эту мысль в молитве пресвитерам пред Литургией: “Научи мя,— учит святитель Амвросий молиться тогда,— Духом Твоим толикую Тайну совершати... честью и благоговением... благочестием и страхом... милосердию Твоему исповедую, яко несъм достоин... к толиким Тайнам приступить, но вем... яко силен мя еси удостоити Сам Един... могий очистити. Ради сего... Тебе молю: благоволи мне, грешному... сию Жертву со страхом и трепетом, чистою совестью, слез изливанием, в радости духовней и веселии Божественном приносить.”

Литургический священник.

По словам Златоуста, священнику в служении Литургии “нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых Небесах посреди тамошних Сил... Когда ты видишь Господа, закланного и предложенного, священника, предстоящего этой Жертве и молящегося, и всех окропляемых этою драгоценною Кровию, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на Небеса?.. О чудо, о человеколюбие Божие! Сидящий Горе с Отцом в этот час объемлется руками всех и дает Себя осязать и воспринимать всем желающим. Это и делают все очами веры... Хочешь ли видеть и из другого чуда превосходство этой Святыни? Представь пред очами своими Илию, и стоящее вокруг бесчисленное множество народа, и лежащую на камнях жертву; все другие соблюдают тишину и глубокое молчание, один только Пророк молится, и за тем внезапно пламень ниспадает с небес на жертву... все это дивно и наполнено ужаса. Теперь перейди отсюда к совершаемому ныне...

Предстоит священник, низводя не огонь, но Святаго Духа; совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил Предложенное, но чтобы благодать, нисшедши на Жертву, воспламенила чрез нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра. А когда он призывает Святаго Духа и совершает Страшную Жертву и часто прикасается к общему всем Владыке, тогда, скажи мне, с кем наряду мы поставим его? Какой потребуем от него чистоты и какого благочестия? Подумай, какими должны быть руки, совершающие эту службу, каким должен быть язык, произносящий такие слова, кого чище и святее должна быть душа, приемлющая такую благодать Духа? Тогда и Ангелы предстоят священнику, и целый сонм Небесных Сил взывает, и место вокруг жертвенника наполняется ими в честь Возлежащего на нем”⁹⁴.

В Четиих Минеях на 23 декабря рассказывается видение преподобного Нифонта о незримо происходящем в храме за совершением Литургии. В Царьграде преподобный Нифонт с учеником пришел в церковь, где епископ уже начал службу. И вот отверзлись у Нифонта душевные очи, и он увидел шедший с неба огонь, покрывавший и алтарь, и архиерея. Во время Евангелия слова, как светильники, восходили на небо. При перенесении Святых Даров раскрылся свод церковный и при необыкновенном благоухании отходили Ангелы с пением: “Слава Христу Богу.” Они несли прекрасного Отрока, поставили Его на дискос и сами окружили престол. С наступлением времени освящения Святых Даров приступил один из светлейших Ангелов, взяв нож, заклал Отрока и излил Святую Кровь в Чашу. Затем, положив Отрока на дискос, сам стал опять на ряду с благоговением.

⁹³ Некрасов А.А. Чтение греческого текста Святых Евангелий. С. 76.

⁹⁴ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 425, 471.

По окончании всей службы преподобный видел Отрока опять целым на руках ангельских, вознесшимся на Небо⁹⁵.

Труд над укреплением настроения пред тайнодействием.

В совершении Евхаристии смиренный пастырь облечен Божественным полномочием. Он — преемник Христов в этом служении, подражающий Пастыреначальнику в принесении Жертвы Богу Отцу. Когда жертвенный Сосуд вмещает Святейшую Жертву, тогда должно приноситься в жертву Богу и пастырское сердце. Какое духовное напряжение нужно иметь пастырю, чтобы мысленно не отступить от престола Всевышнего и не опуститься в нечистоту помышлений, но верить в стояние свое среди Ангелов! Святитель Тихон Задонский советует пастырям для укрепления настроения часто размышлять о благодати, кротости Христа Спасителя, об Его страданиях, помнить о священническом посредничестве между Богом и людьми за Литургией, помнить о присяге пред хиротонией и о евангельских событиях по ходу Литургии⁹⁶.

Кроме Таинства Евхаристии, Спаситель дал право Апостолам и их преемникам: крестить (см.: Мк. 16:15-16), сообщать Духа Святаго *возложением рук* (ср.: Деян. 8:15-17), *прощать грехи* (Мф. 9:6), *облекать силою свыше* поставляемых на пастырство (см.: Лк. 24:49; Деян. 6:3-6), освящать брак (Ин. 2:1-2) и *мазать маслом больных во исцеление их* (см.: Мк. 6:13). Цель Святых Таинств — дать человеку возможность начать новую жизнь, — новорожденного в любви, правде и святости, теснейше соединиться со Христом и совершать истинно добрые дела.

Пастырь Церкви, как совершитель Таинств, стоит в мире благодати, всех желающих приобщает к ее потоку, воссоздает души и восстанавливает в них Божий образ.

Сознание им важности благодатных Таинств по участию в них Христа и высоте пастырских полномочий.

Пастырская власть благодатно священнодействовать установлена по предопределению Бога и Отца. Спаситель говорил ученикам: *Молитесь Господину жатвы, да изведет делателей на жатву Свою* (ср.: Мф. 9:38). *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ин. 20:21). В деле, порученном пастырям Церкви, Спаситель неотлучно участвует Сам. Все священнодействия совершаются в Церкви и по повелению и вместе с действием Христа Спасителя. Видимо совершаемое пастырями на земле Господь невидимо совершает благодатно. Пастырские молитвы о духовных чадах Он представляет Небесному Отцу, слова Таинств возвращает в людских сердцах, действия пастырей сопровождает наитием святой благодати. В исповеди Христос Спаситель, невидимо предстоящий кающемуся грешнику, утверждает в нем пастырский приговор прощения. В Евхаристии руками священнослужителей Он и приносит Бескровную Жертву и приносится. Как некогда прокаженный телом — Спасителю, так грешники говорят пастырю: *Если хочешь, можешь меня очистить* (Мф. 8:2). И священник вместе с Иисусом отвечает: *Хочу, очистишь* (Мф. 8:3) — и, точно, очищается его духовная проказа.

Пред священнодейственной пастырской властью, вечной, всемирной по объему и вышечеловеческой, смиренно преклоняются все, так как она возвращает невинность виновным, изглаживает грехи силою заслуг Христовых по слову пастыря. Пастырь уполномочен тайнодействиями торжественно заключать мир между виновным человеком и оскорбленным Богом (см.: 2 Кор. 5:18-19), возвращать человеку достоинство сыновства Богу, полагать на весы Божии права и человеческие дела и склонять Небо к сообразованию с пастырским судом о кающемся. Если при совершении Таинств пастырю приходится являться в ореоле всеобщего ходатая и представителя пред Богом, то как он виновен, недостойно, поспешно и механично выполняя свои действия! Какое открывается несоответствие, когда он, земной Ангел, при совершении Святых Таинств невнимателен, рассеян взором, позволяет себе ветреную поступь и легкомыслие!

Пастырь-проповедник.

⁹⁵ См.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четиех Миней святителя Димитрия Ростовского. 2-е изд. М., 1906. Кн. 4. С. 630–631.

⁹⁶ См.: *Кратиров П.* Святитель Задонский Тихон как пастырь и пастыреучитель. Казань, 1897. С. 62, 70–71.

Особенности Христова учительства в Палестине — в смысле времени, места, содержания и образности.

О Пастыреначальнике Спасителе сказано в Евангелии, что Он находил достаточным поводом для учительства лишь *зрение* народа около Себя (см.: Мф. 5:1-2), желающего слушать. Своим примером Он учил спасению молча, а словом учил, когда *отверзал уста* (ср.: Мф. 5:2) для проповеди.

Времени для благовествования Он не избирал, а учил самарянку в двенадцатом часу дня (см.: Ин. 4:6), двух учеников Крестителя в четыре часа пополудни (см.: Ин. 1:39), Никодима — ночью (см.: Ин. 3:2) и всякое время считал удобным к благовестию. Местами, пригодными для благовестия учения, Ему были города, пустыни, горы, горные подошвы, равнины, берега озер, рыбацьи лодки, дома, дороги, овчая купель, вечера, званые обеды, горницы, синагоги и Храм. Избрание Христом Спасителем разных местностей для произнесения бесед показывало, что Он сверхнациональный Проповедник, аудитория Которого — весь мир, а слушатели — все народы. Учение Он преподавал, обращаясь прямо к сердцу каждого слушателя, стремясь пробудить его лучшие стороны и предоставляя ему развиваться самостоятельно до готовности всегда быть Христовым учеником. По закону аккомодации (лат. *accommodatio* — *приспособление к чему-либо*) слова Его приспособлялись к человеческому слову и пониманию, учили строить жизнь на религиозно-нравственных правилах. Это не системные беседы ученого со служителями, а отца с детьми или народного учителя с учениками, беседы назидательные, утешительные, иногда строго утешительные и обличительные. Народной массе Господь Спаситель предносил всем известные образы засеянного поля, солнца, горчичного зерна, дерева, ветра, молнии, птиц небесных, полевых лилий, виноградников. Под упомянутыми образами Он раскрывал тайны Царствия Божия, действие покаяния, мысль о всемирном владычестве Божиим. Можно сказать с полным правом, что идея Царства Божия есть центр всего круга евангельских повествований и главная тема евангельской проповеди. От нее все исходит и к ней все возвращается — каждое евангельское слово и действие. Потому дело и обязанность духовного пастыря — усилить в своем приходе царство любви и свободы, чтобы в пасомых господствовали справедливость, мир и радость и чтобы они беспрестанно славил и благословляли на земле Бога.

Идея Царствия Божия в проповеди.

Сущность пастырской проповеди о Царстве Божиим можно представить в таких чертах. Хотение и волю Божию христианину необходимо сделать своими, подчинить им личную волю. Всемирное единство и братство людей достигается признанием управления этой Единой Воли. Вопреки состоянию грехопадения, где своя воля возвысилась над Божией волей и от нее оторвалась, в Искуплении человек принимает в закон своей жизнедеятельности снова Божию волю, то есть жизнь одного для другого, сознание своего — общим. Тогда “все — для нас и для Бога, и ничего — для себя” (см.: Деян. 4:32) становится девизом жизни самоотверженной до смерти.

Тогда Бог начинает царствовать в глубочайших сердечных расположениях человека. Прежде этого момента каждому человеку нужно успокоиться искуплением своей вины для полного примирения с Богом по присущему Ему началу справедливости. Искупительное страдание и смерть Господа Спасителя — не средства утоления гнева Бога Отца, а средство любви Божией, чтобы примирить человеческую природу с пребывающим в ее совести святым началом справедливости и тем спасти, то есть освятить и приблизить всех к Себе. В силу любви к людям Бог дал им средством примирения с Собою — Крестную смерть Единородного Сына Своего. Он отдал или предал, определил к смерти, послал умереть Сына Своего (см.: Лк. 22:19; Ин. 6:51), ходячее наименование Коего, по сильнейшему ожиданию Его Пришествия, всеми обозначалось словом *Грядый* (см.: Мф. 11:3; Лк. 7:19; Ин. 6:14). Как Безгрешный, но понесший наказание, Он уничтожил греховную преграду человечества с Богом и соединил с Ним Своею смертью для подданства Ему. Принятие пути Христова — новая истинная жизнь. Несение бремени казни от колыбели до могилы по правилам Христовым, по Его точке зрения выражается проникновением людей тесным внутренним единством любви, при непрерывном животворном веянии Духа Святаго. Содержание настоящей жизни земной войдет в содержание Вечной Жизни человека как ее предшествующий момент. Человек, живущий верою и любовью к Богу, полон чувства незаслуженной милости Божией, исповедует свое недостойнство, всегда пребывает в единении с Богом и в преданности Ему.

Жизненная слава.

Христос Пастыреначальник, учивший всех вступать в Царство Божие и любить Бога (см.: Ин. 5:40-42), подает всякому пастырю Своим примером образчик всецелого отрицания Своей славы и искания только славы Небесного Отца. Пастырь, сказующий волю Божию, должен раскрывать ее как жизненную основу человеческих мыслей, желаний и действий. Если он при этом заботится о собственной похвале, то он прелюбодей слова Божия. Прелюбодеи детей не желают, а ищут удовлетворения своей похоти. И тщеславный проповедник заботится не о рождении чад Богу, а хвастается своим красноречием. Пастырь учением должен зарождать в слушателях сознание неотразимой правды и абсолютной чистоты Евангелия, а не стараться наслоять в них количественное обилие знаний. И сам он не складочное место духовных знаний, а усвояющий их органически, с переработкой в отчетливое мировоззрение, ясно предносящееся его умственному взору. Он — несокрушимый маяк среди пенящихся волн. Умствование о жизни, чистый родник живой воды и горный воздух, освежающий низменности человеческого мышления. Его дело — удовлетворять духовные запросы пасомых во дворе овчем, охранять от вредных влияний, веяний, колебаний и беречь как зеницу ока заботами о качественном их улучшении.

Иисус Христос — центр проповеди.

В защиту своего учения от нападок оппозиции Иисус Христос указывал лишь на то, что Его проповедь не выдуманная теория, а истинная жизнь, явление Истины в Нем Самом. Подражая Ему, пастыри с полным правом могут указывать слушателям на обильнейшее, светлое и чистое сияние Добра в Венце Церкви. В каждой речи нужно исходить от Иисуса Христа и приходить к Нему. Все Христово должно находиться в каждой проповеди. Очень часто проповедник, буквально ничего не знающий, кроме Христа Распятого, может производить необычайный эффект. Охваченность основной идеей Царства Божия и горение ярким пламенем любви ко Господу сопровождают пастырские слова внутренней силой убеждения.

Поскольку Христос Спаситель есть непосредственный Источник христианской любви вообще, Истина и Его Я тождественны здесь, то и основанная Им религия целиком вылилась из глубины Его Божественного Духа и запечатлена характером Его Личности. Со стороны пастыря требуется верующая преданность Христу, к Которому он все возносит и из Которого все черпает. Светит свет любви к Царству Божию и Спасителю в пастыре — и все учение его светло и зажигает души пасомых. Истинный пастырь учит как уполномоченный к учительству и понимающий, чему учит.

Учение должно предлагаться всем желающим знать истину. Сам Пастыреначальник обращался со всеми людьми: грешниками и благочестивыми, бедными и богатыми, больными и здоровыми, детьми и взрослыми, рыбаками, книжниками, мытарями и членами синедриона. Возвещение воли Божией невнимательным слушателям не исключено из обязанностей пастыря. Последнему необходимо внимательно изучать души пасомых и наблюдать, на какую почву падает преподаваемое учение. У одних слушателей ему полезно поддерживать радость от слышания слова, в других расчищать тернистую почву многозаботливости разъяснением суетности временных забот и как можно удобрять плодоносную почву добрых душ.

Вхождение в круг интересов пасомых и христианское освещение их.

Пастырю недостаточно иметь высокое настроение духа и знание веры. Он должен еще как-то приблизиться к людям, входить в круг их понятий, следовать за ними по путям жизни. Сам Господь Спаситель призывал к обращению людей не с Неба, не в вихре бурь, но вошел прямо в овчий двор наличной жизни и ее-то поднимал до Себя, просвещая притчами грубое сознание людей и восстанавливая свет их совести. Для успеха пастырского учительства Господь ходил с проповедью повсюду, посещал города и веси. И Апостолам заповедал: *Идите убо научите вся языки* (Мф. 28:19), или: “Сами идите, не ждите, чтобы к вам пришли. Как Небесный Учитель Сам пришел к вам, так и вы идите в мир и не ждите, чтобы мир пришел искать вас.”

Нужды прихожан пред пастырем-учителем открываются с двух сторон: 1) религиозно-бытовой (благочестие и благополучие); 2) социальной (благочиние, отношение к власти и патриотизм).

1) Религиозные потребности

Пасомые обычно бывают неодинаково настроены: одни из них преданы благочестию, другие равнодушны к спасению, некоторые порочны и многострастны в грубой форме, часть колеблется и сомневается в вере.

Благочестивые сами ищут пастырского назидания и утешения. Пастырь должен остерегать их от чувства самодовольства, возгревать и поддерживать в них стремление к совершенствованию. Одобрять христианское поведение таковых можно, но не прославлением их добродетелей, а искренним сочувствием к ним и представлением им высоких образцов служения Богу в лице угодников Божиих. Наставления им полезнее всего давать без догматического тона и навязывания поучения в жизненном ведении ими христианства.

Ригористично привязанные в своей жизни к букве закона и нетерпимо взыскательные к другим, пасомые требуют от пастыря внушений к воспитанию в себе более всего любви. Уповающие спасаться верою без дел нуждаются в напоминании, неотъемлемом от живой веры,— об исполнении всех христианских правил жизни. Мнительных и сомневающихся в личном спасении по неверию Богу необходимо призывать ко вручению своей судьбы милосердию Христову. Христос Спаситель грядущих к Нему *не изгоняет вон* (ср.: Ин. 6:37). Встречаются среди верующих обманывающие себя чрезмерным дерзновением пред Богом, суеверные и неприметно для себя ленивые. Им важно заповедовать строгое смирение пред Богом и людьми, борьбу с собой хотя в главной немощи. При существенной неделимости добродетели возделывание одной части ее очищает душу и для прочих добродетелей. И напротив, нравственное оцепенение и движение в жизни лишь по плотским побуждениям препятствуют ленивым учиться вечному добру и бессмертной истине.

Грубо порочные лица в пастве вызывают своим положением со стороны пастыря применение, в учительстве их, слов вразумления, убеждения, иногда — обличения бесстыдства порока.

Сомневающиеся в вере идут к исправлению скорее всего чрез разъяснение им истины и представление им верного хода к истине. Чем болезненнее сомнение для самого сомневающегося, тем более можно быть уверенным в благополучном исходе болезни. Ищущие обретут Бога, а обретающие прославят Его, как говорил блаженный Августин (см.: *Блаженный Августин*. Исповедь. 1, 1). Для исправления сомневающихся от пастыреучителя требуется не столько сила логических доводов и рассуждений, сколько сила веры и благочестия в речи. Некогда святитель Амвросий Медиоланский и его пресвитер Симплициан, вливая в свои проповеди Святой Дух, возрождающе подействовали на блаженного Августина (см.: Там же. 5:13-14; 8:1-3).

2) Социальные отношения

Второю темой пастырского учительства после религиозного устройства души является выяснение пасомым отношения к власти и Родине.

Долг пастыря непрерывно углублять в верующих сознательный взгляд на достижения правительства, на важность задушевного контакта каждого христианина с правительственными начинаниями гражданского порядка. Все эти моменты должны быть освещаемы с христианской точки зрения. Паства каждого пастыря должна быть приучаема к работе души во имя завета апостольского, к защите интересов Родины, к поддержке власти, провиденциально установленной у нас. А в години военных операций страны каждый пастырь должен быть пламенным патриотом, несмолкаемо движущим паству ко вседушному служению Отчизне.

Пастырь — руководитель паствы.

В мире — постоянная борьба между добром и злом. В связи с этим жизнь людей движется то по одному, то по другому пути до окончательного становления их или в добре, или в зле. Способ воздействия на волю грешного человека Господь показал пастырям в известной истории евангельской грешницы, взятой в прелюбодеянии (см.: Ин. 8:3-11). Преступница, видимо, была обрученная другому девице, взятая при совершении греха и наличии законного мужа. На вопрос фарисеев, что сделать с ней, Спаситель кротко и просто сказал: *Кто из вас без греха, первый брось на нее камень* (Ин. 8:7). Подобно искре, эти слова зажгли совесть обличителей, и она жгуче запылала, начала жечь их постепенно и заставила разойтись. Осталась одна женщина и Спаситель. Женщина, перенесшая муки и страдания при публичном обвинении в позорном грехе, горько раскаивалась. Господь отдал ее на суд ее совести и не осудил, сказав лишь: *И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши* (Ин. 8:11).

Здесь мы видим, как Господь вопрос о грешнице из сферы наличного момента переносит в сферу всечеловеческой жизни, где идет вековечная борьба между добром и злом. Безвозвратно

осудить человека, даже за явный грех,— значит предварительно осудить самого себя. Кто может поручиться за то, что не совершит такого греха? Не имеющий права сказать этого в отношении себя не вправе бросать камни на могущего обновиться и очиститься. Возможность желанного обновления с человеческой стороны достигается покаянием, с благодатной — рождением и верою, и Духом (см.: Мф. 3:11; Мк. 1:8; Лк. 3:16). Покаяться — значит отказаться от своевольной жизни и признать Божию волю. *Покайтесь* (Мф. 3:2) — перемените мысли, основную точку зрения, сделайте собственной Божию волю и переоцените свои жизненные воззрения. За коренной переоценкой следуют преданность Христу Спасителю, угрызение совести и раскаяние в случаях частного уклонения от воли Божией, восстание и становление в ряды собратьев.

В речи о пастырском воздействии на грешника решению подлежит вопрос о пастырском осуждении. Конечно, христианский пастырь подчинен закону: *Не осудите, да не судимы будете* (ср.: Мф. 7:1), или: “Не обвиняйте, и вас не обвинят.” Но не о суде гражданском здесь идет речь — профессор А.А. Некрасов замечает: “В судебных процессах народ и ученики Господа мог-ли еще принимать участие, но в окончательных приговорах — никакого; следовательно... глаголы *κρίνω...* и *καταδικάζω* (см.: Лк. 6:37) употреблены не в юридическом смысле”⁹⁷, а в смысле суда совести, суда нравственного. На основаниях чисто научного свойства мы должны заключить, что Спаситель положительно запретил всякому истинному христианину обвинять кого бы то ни было в смысле нравственного осуждения. В то же время мы знаем, что пастырю дано право нравственного суда над пасомыми. По Воскресении Господь сказал Своим ученикам: *Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20:23). Христиане имеют еще заповедь о готовности прощать ошибки своего брата (см.: Мф. 18:21-22), вместе с заповедью *обличать* согрешающих, *сказывать* о непослушных Церкви (см.: Мф. 18:15-17).

Под Церковью, по святоотеческому разумению, следует понимать пастырей. Им дано право свидетельствовать о согрешающих, вразумлять их. Осуждает таковых не пастырство, а сами согрешающие судят себя нежеланием иметь нравственное просветление в сутолоке жизни. Всякий другой грех, кроме хулы на Святаго Духа, простится человеку (см.: Мф. 12:31), и, быть может, особенное вразумление Божие обратит согрешающего. Святитель Афанасий Александрийский говорит: “Аще видим очима нашими согрешающия, не судим. Десять бо стоп отступль кто от лица нашего, и не вемы, что сотворил Богу, или Бог будет с ним. Июда бо предатель, свитающу четвертку, со Христом и со ученики бе. Разбойник же в зло деех, и с мужеубийцами. Пришедшу же пятку, Июда отиде во тму кромешную, а разбойник со Христом в рай вселися. Да того ради не подобает осужати человека согрешающаго, дондеже Господь судит ему. Суд бо дал есть Отец весь Сынови (ср.: Ин. 5:22)”⁹⁸.

Основной принцип пастырского вразумления можно выразить в таких словах: пастырь не должен освобождать себя от заботы внутреннего наблюдения и руководства самым меньшим членом паствы. У каждого из малых сих есть душа по образу Божию, есть Ангел Хранитель, и каждого Христос приходил спасать Своею Кровию. Эта вера заставляет пастыря видеть в каждом человеке истинную овцу стада Христова, только заблудшую в горах и могущую упасть на дно пропасти. Раздуть искру Божию в душе человека грешного и вызвать ее к горению или к жизни, отделить в душе грешной, как в капле грязи, природное от наносного — прямая пастырская задача. Она достигается не простым знакомством с пасомыми, а разумным пониманием их, что констатирует существование стада как стада, а не только как аудитории.

Характер воздействия одной воли на другую можно видеть из повествования Евангелиста Матфея о призвании к апостольству Матфея, мытаря (см.: Мф. 9:9-13). Фарисеи считали Матфея непригодным для Царства Мессии, отверженным. С Христовым Пришествием для него пришла совершенно новая эра. Господь пришел призвать грешников к покаянию и Матфею, сидевшему у сбора пошлин, сказал: *Следуй за Мною* (Мф. 9:9). Объясняя свой поступок фарисеям, Спаситель очертил характер Своего воздействия словами: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9:13). В самой жизни Он являлся Помощником и Другом грешников. Характер милости в Его воздействии объясняется тем обстоятельством, что, по Его словам, *не здоровые имеют нужду во врачех, но больные* (Мф. 9:12). Больным нужен особо нежный уход, и болеющим грехом одинаково нужно внимательное, милостивое и крайне любвеобильное попечение о себе. Результат такого пастырского воздействия коротко описан Евангелистом так: *И он Матфей встал и последовал за Ним* (Мф. 9:9). Раскрытие апостольской души в момент призвания произошло следующим образом.

⁹⁷ Некрасов А.А. Чтение греческого текста Святых Евангелий. С. 32–33.

⁹⁸ Слово святого Афанасия, еже не осужати всякого согрешающего // Пролог. М., 1643. Л. 9 об.–10.

Отверженный и заклейменный фарисеями, Матфей от сновавшей около него толпы слышит о явлении сильного словом и делом (см.: Лк. 24:19) Пророка-Обличителя. Для мытаря в Нем было особенно замечательно то, что Он призывал к Себе всех забытых и отверженных. Он называл Себя даже Другом грешников. Все это слышал мытарь, и в его душе зародилась искра горячей симпатии к неведомому Человеку. И видел он, как длинная вереница страдальцев, приносимых к Пророку, исцелялась Им независимо от состояния души. И потянулась исстрадавшаяся душа мытаря к Иисусовой любви, как чахлое растение тянется к светлым лучам весеннего солнца. Матфей не осмелился, не мог надеяться на личное знакомство с Ним и избрание в число учеников. Но когда последнее случилось, и Господь остановил на Матфее исполненный любви взгляд, проникавший в тайники человеческих душ и делавший Спасителя истинным *Ловцом людей* (ср.: Мф. 4:19), то в такое время не было нужды размышлять.

Когда Господь сказал: *Следуй за Мною*, прошлое, казалось, все исчезло при виде настоящего солнечного блеска. Матфей не сказал ни слова, потому что изумление при виде неожиданной любви и благодати сделало его безгласным. И он встал и последовал за Спасителем. Отсюда ясно вырисовывается отличительная черта пастырского душепопечения. Христос ни разу в Своей жизни не осудил *личности* согрешившего, а осуждал только его греховную настроенность, признавая в каждом возможность возрождения. Повеление грешнице: *Впредь не греши* — прощало ей все прежнее и открывало путь к новой жизни. И пастырь, безусловно, должен воздерживаться от осуждения. Основа душевного состояния каждого, цепь сокровенных мотивов в тайниках всякой души неведомы ему. Нередко Всевидящее Око оправдывает падшее состояние согрешившего или смягчает приговор о нем из-за недостатка воспитания, образования и из-за жизненных коллизий находящихся вне власти согрешившего. Оно видит в недрах грешных душ залог покаяния и чистоты. Желющие осуждать никогда не найдут души ближнего. Для себялюбивых очей не в меру строгого судьи осуждаемая душа навсегда останется непроницаемыми потемками. Не любящий ближнего и не поймет его, потому что только в великом акте самоотверженной любви человек сливается с человеком и один читает душу другого. И Господь, сказав взятой в прелюбодеянии грешнице: *Иди и впредь не греши* (Ин. 8:11), осудил грех, но не лицо. Поэтому на всяком месте духовное руководство бывает хорошим, когда пастырь господствует и преобладает больше над пороками, чем над пасомыми — братьями по природе. Сказав, далее, расслабленному: *Прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9:2), Спаситель не обвинил его безвозвратно, но указал на его грех и признал за ним возможность исправления.

Все эти факты доказывают, что осуждение человека только за то, что мы знаем про него, по меньшей мере несправедливо и не исчерпывает полноты его существа. Сверх этого в нем есть что-то, не известное нами; и оно — главное. Господь в фарисеях подчеркивал, что они самообманываются и многие великие грешники способны к исправлению. Благодаря проникновению в самые душевные изгибы, только Господу Спасителю возможно не угашать *куращегося льна* (ср.: Мф. 12:20) и ценить в людях вроде Никодима зачатки добра. Конец ночной беседы Никодима со Спасителем (см.: Ин. 3:1-21) виден в подаче Никодимом голоса в защиту Господа на суде в синедрионе (см.: Ин. 7:50-51) и в погребении снятого со Креста бездыханного тела Христова (см.: Ин. 19:39). В силу тайны Своего пастырства Господь не гнушался содружеством грешников и даже целующему Его в момент предательства Иуде как близкому и дорогому человеку сказал возбуждающие к покаянию слова: *Друг, для чего ты пришел?.. Целованием ли предаешь Сына Человеческого?* (Мф. 26:50; Лк. 22:48). Отсюда: пусть иной нравственно бесплоден, как смоковница (см.: Мф. 21:19), у него всегда есть Заступник, и при малейших признаках плодородия его души занесенная над ним посекающая секира будет остановлена и не обрушит на него смертельный удар.

Психологическое основание такому пастырскому деланию дают факты покаяния грешников раньше даже, чем праведников (см.: Мф. 21:28-32), и факты их способности после нравственного кризиса полюбить добро сильнее дотоле любимого зла. Отвращаться от грешников пастырю — значит толкать их на новые падения. Ни один из них не заслуживает презрения, так как возможность зла стоит наряду с возможностью добра. Приходящих грешников пастырь обязан принимать беспрепятственно, радостно, милостиво, подавать руку помощи самым закоренелым из них, чтобы иначе не толкнуть их на вечную гибель.

Евангельский фарисей, по мысли аввы Дорофея, был осужден Христом Спасителем за указание на мытаря как на великого грешника, когда сказал: *Я не таков, как... этот мытарь* (Лк.

18:11). Он осужден, осудив самое покаянное настроение мытаря, его лицо и жизнь⁹⁹. Чтобы обратить пастырское внимание на отмеченную черту пастырского душепопечения, Спаситель говорил ученикам Своим притчи о пропавшей овце и потерянной драхме (см.: Лк. 15:3-6, 8-10). Этим Он заповедал пастырям радоваться о кающихся грешниках и заботиться об ушедших в далекую страну греха. Во всяком грешнике пастырю должно быть дорого главное: невидимый чувственно образ Божий. Ради него можно любить всякого человека вопреки его душевным качествам. Поэтому пастырству навсегда сказано Господом: *Идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 10:6). Притчей о двух должниках займодавца Господь Спаситель объяснил причину покаяния великих грешников (см.: Лк. 7:41-43). *Кому мало прощается, тот мало любит* (Лк. 7:47), — по изречению Христову, а *более возлюбит, кому более прощено* (см.: Лк. 7:42-43). Души грязные — эти брошенные в грязь жемчужины — по омочении в Христовой Крови пастырскими руками опять возвращаются к чистоте. Возможность очищения каждого грешника утверждается на остатке в нем естественного добра. В это добро природы, как в расщеп дикой яблони, пастырь может вложить добрый прививок своего попечения и торжествовать сердечно от счастья вырвать душу из рук демона. Русские церковные светила душепопечения замечательны отношением к грешникам независимо от личин сословности их и грехов. Они умели говорить прямо с “внутренним человеком” всякого собеседника и влиять на него усладой своей сострадательной, благодатной любви.

Вызывая у грешных людей лучшие свойства их души, Господь Спаситель прежде всего пробуждал в них недовольство своим состоянием и желание лучшего. Только этим способом приобретает плод духовного врачевания и в практике пастырей. Применительно к отмеченному закону пастырского воздействия можно посмотреть на влияние Христова, под которым находились Никодим и Иуда. На почве души Никодима семя Царствия сначала пробивалось тощей озимью. Но к жатве смерти колос его сердца представлял уже созревшую пшеницу, годную для Христовой житницы (см.: Мф. 13:30). Семя Царства Божия в душе Иуды дышало мягкой атмосферой Господней любви, но собственные задатки помешали росту его, и семя заглохло. Хотя в нем Господь искал плодоношения.

В целях врачевания душ пастырям надобно утверждать грешных в мыслях о любви и всепрощении Божиим, о смысле жизни и о ненормальности согрешающего — как больного. Пусть иной грешник сам покажет свое лучшее или, отказавшись от этого, постепенно озаряется светом Евангелия чрез пастырское слово. Пастырское увещание отдельных членов паствы — лучшее средство возвысить их над самими собой и своими страстями и побудить их самих влиять на себя.

Рисуемая Пастыреначальником Спасителем светлая Будущая Жизнь в Божием Царстве обязывает пастыря учить пасомых перенесению центра тяжести извне на свое внутреннее “я.” И Господь ценит в человеке более всего сердечную настроенность и внутренний голос его совести, святость в очищении души от страстей, побеждение недостатков при глубоком сознании их и полной независимости от внешних условностей. Словом и примером пастырь может врачевать пасомых с помощью благодати Божией, приспособлять к их внутреннему миру свой собственный строй души и развивать их применительно к их личным потребностям. Не верящий в силу слова прекрасно сделает, если побежит от пастырского служения, как от пожара. Чрез слово христианство делается сначала мыслью человека или его внутренним словом, а после перерождающей силой.

Только пастырь ни в каком случае не должен забывать, что Христос Спаситель призывал, миловал, приветствовал грешников, не насилуя их совести. Они делались Христовыми последователями свободно. На этом основании пастырскому воздействию естественно быть проникнутым также духом кротости, любви и милосердия и — совершенно чуждым насилия во имя Бога. Некогда Сам Спаситель, по силе названного принципа, запретил апостолам Иакову и Иоанну низвести небесный огонь на непочтительных самарян (см.: Лк. 9:51-56). Давать чувствовать авторитет, не нарушая духа независимости, — вот проблема, решаемая пастырской благодатной любовью. В разлуке с отцом, в чувстве гибели и одиночества среди чужих людей, чужих сердец блудный сын, угрызаемый совестью, направился в отчий дом. Он пошел к отцу под влиянием воспоминаний о его любви и выделения ему половины имени, из-за тоски о нем, об отце.

Любовь — основная сила пастырского воздействия. Отец издали увидел его, побежал к нему навстречу, обнял, стал целовать, простил ему вину и возвратил ему достоинство сына (см.: Лк. 15:20, 24). Судя по этой притче, пастырским врачом лекарством для руководимых

⁹⁹ См.: *Авва Дорофей*. Душеполезные поучения и послание с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 80–81.

верующих служит любовное открытие им истины о том, как хорошо у Небесного Отца, как Он любит всех Своих детей, как милует приходящих к Нему блудных чад, принимая их в Свои Отеческие объятия. Хотящие приобретать людей для Христа пастыри пусть напомнят им, что они найдут все блаженство, мир и покой, взойдут на Небо, получают от Христа преизобильную любовию жизнь. Тогда всякий грешник сам раскроет пастырю наболевшие язвы своей души, и оба они заговорят любовию, ласково, с крайним сожалением о содеянных грехах. Лично пастырю особенно необходимо помнить, что Господь никогда не произносил раздражительного слова, не проклинал врагов Своих, упорно оставлявших Его, и умывал ноги даже Иуде. Пастырь также обязан всепрощающею любовию покрывать недостатки окормляемых душ. В отказе от своей личности для другого существа и в перенесении на него личной жизни как раз и заключается сущность пастырской любви.

Любовь имеет свойство открывать многое неведомое и незримое дотоле. В нашем духе она открывает способность переносить свой жизненный центр в душу ближнего, а в душах ближних распознавать внутреннее добро, не усматриваемое взорами себялюбия. Два потока любви — наш и ближнего, слившиеся вместе, открывают нам премирное Божие — благодать любви. Подобно физической теплоте любовь беспрепятственно проникает во все области жизни ближних и просто своею силою, даже без видимых обнаружений, создает на дне их душ бессознательные добрые расположения. Бьется, отворачивается от нее злая воля людей. Думает грешник, что он свободен от всякого влияния, как вдруг, взглядевшись в свой внутренний мир, находит в себе уже другую природу, как бы вмещающую нравственные облики душ, его любивших, за него страдавших, о нем молившихся. Внедрение любви в грешников пастырь сопровождает необычайной мягкостью, нежностью. Любовь вообще ищет и желающего помощи, и стыдливо отказывающегося от нее. Она предпочитает носить собственные бедствия, чтобы не отягощать и не беспокоить другого. Часто, горячо, полно любящий просит нуждающегося претерпеть помощь, как обиду, и не благодарить, так как он принятием помощи избавил своего благодетеля от бедственного состояния.

Плохо, когда у пастыря нет любви. Тогда он возливает на раны болящих одно вино, без еля (см.: Лк. 10:34), и к ветхой одежде нестроения грешника приставляет суровую заплату обличений. И обратно, добрый пастырь полагает душу за своих овец (см.: Ин. 10:11) и стремится, чтобы они имели жизнь с избытком. Из человеческих жертв Бог выше всего ценит принесение Ему в жертву кем-либо своей души путем соединения ее с Богом. Для принесения подобной жертвы пастырь должен проникнуться интересами своей паствы, переживаниями их борьбы и ревнованием об их спасении.

Скорбь о грехах пасомых как о своих собственных, забота о пасомых как бы о себе самом, любовь к ним на деле как бы к себе самому является первым условием пастырского истинного врачевания. Прозрение в себе борьбы добра и зла и внимательная оценка своих помыслов и прочих душевных движений — второе условие проникновения в душу ближнего. Пастырь, тесно сливающийся своей жизнью с делом проповеди и человеческого возрождения, все недостатки и грехи их людей считает собственными, доказательством его недостаточной ревности и отсутствия мудрости в нем и святости. Он обвиняет себя за всех и во всем. Опытное понимание скорбей паствы некогда из уст священномученика Киприана Карфагенского исторгло такие слова к падшим: “Болезную, братья... вместе с вами... к смягчению моей болезни нисколько не служит... моя непорочность... здравие: рана, наносимая стаду, преимущественно поражает пастыря. Сердце мое соединено с каждым из вас; с каждым я разделяю тяготу скорби и лишений: с плачущими плачу, с рыдающими рыдаю, с лежащими и себя почитаю лежащим. И мои члены... пронзены... стрелами неистового врага... свирепствующие мечи прошли и чрез мою утробу”¹⁰⁰.

Употребляя образный евангельский язык, настроение пастуха, ищущего заблудшую овцу по горам и холмам с забвением себя и трудности пути (см.: Мф. 18:12-13), не отличается от настроения духовного пастыря. Пастырь своей душой отвечает за пропавшую овцу и сердечно болит о ней и о себе, поскольку потеря словесной овцы есть дело его собственное и его самого. “Ты (начальник), — говорит Златоуст, — должен дать отчет за всех, над кем начальствуешь, — за жен, мужей и детей”¹⁰¹.

Нам остается теперь проследить ход борьбы нового и ветхого человека, в которой пастырь должен всегда защищать добро и каждую личность ставить на путь нравственного развития. Одному Богу известно, кто победит в каждой личности, ветхий или новый человек. Пока семья слова Царствия еще не вполне овладело человеком, он остается нечистой пшеницей, неполным сыном

¹⁰⁰ *Сщмч. Киприан Карфагенский. Творения. Ч. 2. С. 150.*

¹⁰¹ *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 12. С. 277.*

Царствия Божия. Равно может в сына Царства возродиться тот человек, у которого семя диавола не заглушило до конца внутреннего Божьего слова. Пастырь, не знающий, кто из пасомых и в какой мере просветлен или духовно омертвел для светлых идеалов, имеет пред собой великое поле деятельности.

В примере отношения Господа к Своим ближайшим ученикам, к их лучшим особенностям мы можем видеть различные способы пастырского воздействия, сообразные личным особенностям пасомых. Душа каждого человека, говоря образно, — цветок, охотно распускающийся в тихую ночь и вянувший от прикосновения грубых рук. Пастырю требуется иметь много чуткости и наблюдательности при руководстве лицами разных характеров и различного воспитания. В зависимости от склонности людей или самоуглубляться, или более жить впечатлениями внешнего мира их делят на четыре категории: сангвиников, холериков, меланхоликов и флегматиков.

В апостоле Петре, например, сангвинический темперамент, кратковременные порывы религиозного энтузиазма и энергия минутной решимости заменились по Воскресении Христовом постоянной и пламенной верой во Христа и неослабной ревностью к проповеди Евангелия. На развитие высоких апостольских качеств влияла не только благодать Пятидесятницы, но и воспитательное влияние Христово. Господь обращал духовный взор Своего Апостола от внешнего и материального к внутреннему и духовному, разрешал ему идти по водам для показания ему сокровенной силы веры, умерял его пыл и самоуверенность и, вместо порицания за падение, шел навстречу с беспредельной любовью. Во дворе первосвященника Спаситель только взглянул на отрицавшегося от Учителя ученика, и этот взгляд произвел в апостоле Петре целый покаянный переворот (см.: Лк. 22:61-62).

Пастырское врачевание лиц с горячим темпераментом должно направляться к отведению их духовной пытливости на внутреннюю сторону явлений. Воспитанием их воли необходимо сообщать им твердость, постоянство, отнимать самоуверенность, энергично воздействовать на их чувство и предупреждать от отчаяния.

Святой апостол Иоанн Богослов был по характеру сосредоточен на своих душевных переживаниях, самоуглублен. Его мысли и чувства вращались с беспредельным благоговением и преданностью около неземного образа Христа Спасителя. Апостол Иоанн в Евангелии выступает говорящим только три раза и в каждом случае произносит всего два-три слова (см.: Ин. 1:36; 13:25; 21:7). Видимо, всякому впечатлению согласно с идеалами он отдавался всей душой, а на течение противоположных представлений отзывался резко отрицательно. Господа Иисуса Христа он любил так, что кроме Него в душе своей не имел других привязанностей. По этой любви запрещал произносить имя Господа человеку не из круга апостольского и готов был предать гибели жителей самарянского селения, отказавших Господу в приеме (см.: Лк. 9:51-56). За бурные, неудержимо стремительные порывы Господь прозвал апостола Иоанна вместе с братом Иаковом словом *Воанергес*, что значит *сыны бури* (ср.: Мк. 3:17).

Пастырское воздействие на апостола Иоанна начинается выделением его из сонма прочих Апостолов, введением в круг житейской практики чрез общение и сближение с деятельным Петром. Запросы нежно любящей апостольской души Иоанна Господь удовлетворяет полным раскрытием ему тайны Своего Лица и дела, трогательно-нежно принимает даже к Себе на грудь его голову во время Тайной вечери. В силу всепоглощающей любви Иоанна к Учителю и за ответную Христову любовь в четвертом Евангелии апостолу Иоанну усвоено собственное имя: *Ученик, которого любил Иисус* (ср.: Ин. 13:23; 21:7-20).

Пастырское влияние на пасомых, осмотрительно осторожных и недоверчивых, определяется встречным предупреждением их исканий, раскрытием недоуменных вопросов и осторожным выведением их из самозаключенности и поставлением лицом к лицу пред живою внешнею действительностью.

В апостоле Фоме духовная жизнь была сосредоточена преимущественно на деятельности рассудка. Он любил составлять независимые, устойчивые взгляды и к тому, что не соответствовало его идеям, обнаруживал малую восприимчивость. К факту Воскресения Христова отнесся узко рассудочно, требуя внешних осязательных доказательств. Господь ограничивал в апостоле Фоме его излишнее доверие к своему рассудку, очищал его веру внушением веровать по высшим нравственным побуждениям, позволил вложить в Свои ребра его персты (см.: Ин. 20:27).

Точно так же пастыри у пасомых с рассудочным направлением души должны ограничивать излишнее доверие рассудку в религиозной области, учить их живому, сердечному отношению к сверхрассудочным положениям.

Апостол Иуда Искариотский, по Евангелию, как человек практического склада, умел сообразовываться с обстоятельствами, был предусмотрителен, энергичен и решителен. Все его мысли и чувства вращались вокруг денег и властолюбия. По мере выяснения духовного характера неземного Царства Христова, Иуда, дотоле преданный Спасителю и любивший Его, охладил к Нему, подчинился корыстолюбию, воровству и закончил свою несчастную жизнь предательством Господа и самоубийством. На Иуду Господь воздействовал одними кроткими и мягкими мерами, поставлял на суд его совести и окружал всеми проявлениями трогательной любви. Неоднократно Иуда слышал из уст Господа, что его предательские замыслы известны Господу. И до конца Своего служения Спаситель не переставал охранять предателя от негодования прочих Апостолов и печалился о его судьбе.

Воспитание пастырями пасомых, чрезмерно увлекающихся одной практичностью материального порядка, должно сводиться к следующему. Их внимание осторожно и постепенно следует останавливать на высших, важных сторонах духовной жизни, помогать им самостоятельно постигать личное заблуждение и действовать только кроткими мерами. Иначе они ожесточатся.

Весьма труден был высокий подвиг Пастыреначальника, не столько в связи с переносимыми унижениями, оскорблениями и насмешками, сколько из-за одиночества. Носимый Им крест пастырства утяжелялся фарисейскими издевательствами, враждой, попытками *уловить* словом (см.: Лк. 11:53-54), попытками свергнуть с Назаретской горы (см.: Лк. 4:28-30), неверием братьев (см.: Ин. 7:5), непониманием характера Его деятельности и Искушений Апостолами (см.: Мф. 16:21-23; Лк. 9:45). Апостолы ждали наступления земного Христова Царства (см.: Деян. 1:6), тогда как оно было *не от мира сего* (Ин. 18:36). Великой тяжестью для Спасителя было постоянное присутствие около Себя Иуды. На Тайной вечере Господь преклонял пред ним колена и умывал ему ноги. Когда же Иуда внутренне окончательно перешел на сторону зла, Спаситель *возмущился* духом (Ин. 13:21) и сказал ему: *Что делаешь, делай скорее* (Ин. 13:27).

Но и прочие Апостолы, эти чада, рожденные от Спасителя по духу и соединенные с Ним теснее младенца с матерью, не понимали Его подвига, в Гефсиманском Саду не могли *бодрствовать* с Ним (см.: Мф. 26:40-41), утешить Его своим участием. Далее следовали страдания у Пилата и Крестная смерть Христова. Силу ободрить учеников, молиться за распинателей, заботиться о Своей Матери Господь почерпал в сознании, что Он, ради человеческого одиночества, не одинок по Единству с Отцом Небесным (см.: Ин. 16:32).

Его внутренняя жизнь — это постоянное общение, беседа с Отцом. В торжественные минуты у Него, как у думающего вслух, вырываются слова не для нашего слуха, представляющие отрывки из Его внутренней, таинственной беседы с Небесным Отцом. Например, при воскрешении Лазаря таковы Его слова: *Отче!.. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня* (Ин. 11:41-42). Покорный всегда Отчей воле, Он никогда не выдвигал в Своем сознании на первый план Своей воли и в покорности Богу Отцу почерпал мужество, покой, терпение и непоколебимую уверенность в достижении поставленной цели Своего служения.

Следовательно, главная сила пастырского терпения лежит в сознании пастырства делом Небесного Отца и в совершении его по Богоотеческой воле, с подчинением личных хотений всеобщей Божией воле. Высшая свобода пастырей заключается в отречении от всякой свободы страстей и в подчинении воли Богу. Пастырям обещано Господом дарование *уст и премудрости, которой не могут противоречить, ни противостоять все противящиеся* (ср.: Лк. 21:15). Время пастырского действия в мире, по другому Христову обетованию, несократимо человеческой волей (см.: Мф. 18:18-19; Ин. 14:19). Пастыри охраняемы от опасностей Божественной волей, как ходящие днем охраняемы светом солнца.

Если же они самовольно начнут действовать, вопреки воле Божией, то их неминуемо постигнет ночь всяких преткновенений и некоторые из них могут, во имя земного комфорта, поступаться своими идеалами (см.: Ин. 11:9-10; Лк. 12:4-5, 7). Идея Промысла Божия должна быть у пастыря жизненным нервом, проходящим чрез всю его жизнь и укрепляющим его в борьбе за спасение. Колебание этого убеждения отнимает у него всякие надежды победить зло.

Огорчения Пастыреначальника — доля пастырей всех веков и Крещение, которым Христос крестился (см.: Мк. 10:39). Пастыри — друзья Христовы, избранные Христом *от мира* (Ин. 15:15-19) и им, миром боримые, поскольку все пастырство установлено для борьбы и победы над миром — в смысле его освящения и спасения именем Христовым. Вооружившись *терпением до конца* (ср.: Мф. 10:22), пастыри должны созидать Царство Божие, побеждать князя *мира сего* (ср.: Ин. 16:11) чрез Духа Святаго (см.: Ин. 16:8), созерцать побежденное зло в Ветхом Завете (см.: Чис. 21:6) и тем вдохновляться к его преодолению в надлежащий момент. Они могут быть уверены в

непрерывной мыслительной защите, если твари малоценные не оставлены без всегдашнего Божьего попечения.

Продолжателям Христова пастырства, в виде ободряющего стимула, обещано сидение на престоле славы для суда над миром (см.: Мф. 19:28), благословение славы и специально обетованное содействие, награды пророка, праведника и ученика Христова (см.: Мф. 10:40-42). Пастырство и пастыри находятся под столь исключительным покровительством Пастыреначальника, что даже пасомые за надлежащее к ним отношение венчаются наградами (см.: Лк. 22:28-30; 1 Пет. 5:4-5). Истинным пастырям в Небесном Царстве предречены первые степени Блаженства и особенная близость к Господу Иисусу Христу (см.: Ин. 14:21-23). В случае положения ими души за дело благовестия они получают сторищное Небесное воздаяние, так как *Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Мф. 22:32). Мир уже не увидит Христа, а пастырь истинный Его увидит, ибо Христос живет и пастырь будет жить (см.: Ин. 14:19).

В притче о талантах говорится, что *по долгом времени* отсутствия, *господин потребует у рабов отчета* (ср.: Мф. 25:19). Замедление прихода Домовладыки может весьма отсрочиваться, отчего Его имя может быть предано забвению, а Бытие — сомнению, а место сокровения закопанного таланта порастит травой. Но Господь все же придет и потребует отчета. Отсюда делается понятным пастырское настроение в моменты испытаний. Истинному пастырю — человеку идеи — свойственна готовность жертвовать жизнью за святость служения его и готовность не терять веры в возрастание Царства Божия. Оно развивается в виде семени, не умрет никогда. Пастырь, помещающий свое духовное богатство в такое предприятие, живет среди возвышенных идей и занятий абсолютной пользы.

Пастыреначальник предсказал пастырству и скорби на земле, и великое утешение словами: *Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас* (Ин. 16:22).

Эти мысли, как звезды ночью, сияют в течении времени, когда пропадают ночные тени и возвещают наступление Вечного Дня в единении со Христом.

В моменты испытаний пастырю содействует Сам Дух Святой. В прощальной беседе Спаситель отечески нежно сказал ученикам: *Дети! Немного Мне быть с вами... Еще много имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину* (ср.: Ин. 13:33; 16:12-13). Утешитель, Дух Святой, призван Сыном для вспомоществования или благодатного содействия в гнетущих несчастьях пастырских и общечеловеческих. Он защищает невидимую рукою пастырей и высокою мощью отражает от них полчище искусительных мыслей и море пенящихся скверных страстей. Поэтому они не должны страшиться и бежать от продолжения Христова служения, но психически возвышаться от уверенности в успехе своего дела. Пастырю никогда не следует унывать, так как каждое горчичное зерно может превратиться в ветвистое дерево (см.: Мф. 13:31-32).

Взаимоотношения пастырей.

Единодушие в пастырях.

Проникнутой любовью пастырь должен рука об руку идти с другими пастырями, бороться со злом силою добра, наступать на него ради устроения Царства Божия в сердцах людей (см.: Мф. 13:24-30). Борьба за добро против зла, страстей и греха всей тяжестью обрушивается на пастыря. Как на войне согласные действия полководцев дают единодушный отпор врагу, так и в духовной войне. Чтобы такого успеха не было, злой дух прежде старается несогласиями разъединить пастырское сословие, чтобы оно не могло одними устами и одним сердцем славить Пресвятую Троицу и пастырствовать.

Искушение на почве зависти и честолюбия.

Поэтому пастырю надо всегда иметь в виду борющегося с ним диавола, знать употребляемые им для разъединения козни и истинный смысл пастырских взаимоотношений. Из Евангелия известно, что как только апостол Петр от Отца Небесного получил внушение исповедовать Господа Спасителя Сыном Божиим, так сатана не преминул тут же внушением направить мысль Апостола к убеждению Спасителя не страдать в Иерусалиме, за что Петр по имени внушавшего ему зло назван сатаной. *Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн, потому*

что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (ср.: Мф. 16:23). Несомненно, тот же враг внушил сыновьям Зеведеевым, Иакову и Иоанну, искать первенства среди Апостолов. И они, как Петр, высказали свою просьбу после предсказания Господом Своего Крестного подвига (см.: Мк. 10:35-37).

Эта честолюбивая их просьба породила зависть и недоброжелательство в остальных учениках Господних. Из зависти, таким образом, рождается недоброжелательство, неисполнение долга, ропот на Бога и все прочие грехи. Потому в притче о талантах получивший один талант завидует более отличенным рабам, зарывает в землю имеющийся у него талант, а господина называет жестоким (см.: Мф. 25:24-25).

Сущность пастырских споров о первенстве, видимо, проистекает от подчинения пастырей сатане чрез принятие ими вражеских внушений — раздора и зависти.

Дух смирения в пастырях.

Спаситель ответом сынам Зеведеевым показал, какой дух должен быть в них и во всех пастырях. Истинно любящий ближнего, по мысли Христовой, уступит ему первенство. *Большой будет слугою и первый — рабом* (ср.: Мф. 20:26-27). В Царстве Христовом величие достигается служением другим людям. Надлежащий характер пастырских отношений друг к другу Господь Спаситель выяснил еще раз при споре Апостолов, кто из них *больше*, во время путешествия их в Капернаум (см.: Мк. 9:33-34). Очевидно отсюда, что тесный кружок учеников Господа волновали мелкие страсти ввиду особенного расположения Христова к Петру, Иоанну и Иакову (см.: Лк. 8:51; 9:28). Апостолы завидовали названным ученикам, и Спаситель в пример им поставил *умаление дитяти*, поставленного среди апостольского кружка (см.: Мф. 18:1-5). Требования Закона быстрее и тщательнее исполняются видящими живые примеры блюстительства Закона. Такой пример Господь Пастыреначальник явил именно в Самом Себе.

Он, Пастырь Добрый, полагающий жизнь за овец Своих (см.: Ин. 10:11), в знак того, что *возлюбив Своих сущих... до конца возлюбил их* (Ин. 13:1), умыл им на Тайной вечере ноги (см.: Ин. 13:1-11). Пред вечерей, по восточному обычаю, последний раб должен был умыть ноги присутствующим. В связи с этим в горнице Апостолы завели спор о первенстве. Для показания взаимного отношения Апостолов Господь принял на себя обязанности последнего слуги Апостолов и умыл им ноги. Есть еще толкование о причине спора учеников Христовых. Спаситель предрек им о Своем предании на смерть, и у них возникла мысль, кто же из них, по отшествии Господа к Отцу Небесному, будет больше. Иные говорят, что умовение ног апостольских вызвано не внешней необходимостью, а единственно намерением Спасителя научить Апостолов истинно относиться друг к другу по Его отшествию.

Факт умовения ног Пастыреначальником действительно показал пастырям навеки образ и характер должных взаимоотношений: *Цари господствуют над народом... а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший* (ср.: Лк. 22:25-26). Особенно поражает экзегета-пасторолога умовение ног потому, что оно исходило от Лица, знавшего, что все Ему предано Богом, что Он исшел от Бога и к Богу отходит. Смиренный удивительный поступок Господень естественно доказывал Его любовь даже к предателю. Чем возвышеннее человеческая душа, тем доступнее ей смирение, тем она способнее к ученичеству во Христе и пастырству.

Взаимная любовь пастырей.

Сотрудники Господа на ниве духовной обязаны проникнуться началами жизни, светящимися в настроении Его. *Как Я возлюбил вас,— говорил Господь,— так и вы да любите друг друга* (Ин. 13:34). Смысл изречения такой: “В силу того, что Я возлюбил вас, и вы любите друг друга.” Любовь Господа к ученикам имела целью связать их взаимной любовью, возвышенной, чистой и идеальной. Заповедь о любви названа Господом новою по своему содержанию, по новым побудительным основаниям, по новому образу и мере любви. Здесь норма любви определяется как любовь Христа и дается образец любви — в смерти *за други своя* (Ин. 15:13). Спаситель полюбил нас для того, чтобы привести нас туда, где будет Бог Всем для всех. Так и врач, любящий больных, любит в них не болезнь, а здоровье. И мы заботливостью о взаимной любви должны приближать друг друга к обитанию в нас Бога.

Пред разлукой на Тайной вечере в новой заповеди Спаситель указывает Апостолам общий смысл всех Своих действий, потому что в только что совершенной Им Новозаветной Пасхе более всего выразилась необъятная сила любви и близости Бога к человеку и человека к Богу.

Соблюдение взаимного мира.

Следовательно, в целях построения истины взаимоотношений пастыри должны, вместо старания возвыситься над собратьями, стараться все сделать для них, даже отдать за них жизнь, как за сынов Божиих и братьев по благодати. Сам Господь для успеха Своего дела посылал Апостолов на проповедь по два — ради взаимного поддержания и большей их смелости. Двоим, согласившимся просить Бога о чем-либо, обещал исполнение прошений (см.: Мф. 18:19). Называя учеников *солью* (ср.: Мф. 5:13), одновременно требовал от них соблюдения мира как единства настроения.

Созвучие и гармония необходимы среди пастырей по единству дела, сана и общности интересов и служению воссоединения паствы с Богом. Согласно жизни пастырей Церкви, употребляя образы священномученика Киприана Карфагенского, подобна тихой жизни голубей, чуждых горькой желчи и свирепых ногтей, любящих человеческие жилища и знающих одно совместное гнездо. Во время деторождения пары голубей вместе выводят детей, не разлучаются взаимно во время летания и поцелуями свидетельствуют о своем мире, согласии и единомыслии. И пастыри Церкви простосердечием должны достигать подобной же любви, *да все едино будут* (ср.: Ин. 17:21), а за ними и все люди пасомые¹⁰².

В притче о добром пастыре наглядно изображаются взаимно доверчивые отношения пастыря к стаду, крепкое единение овец между собою и пастырем, пасение их совместное, бегство от чужого пастуха при хитрых и ласковых зовах его, хождение пастуха пред овцами в знак первого исполнения им требований Пастыреначальника.

Братство во взаимоотношениях.

Отсюда и союз пастырей не официально чужой и холодный, а братский. Пастыри подают друг другу руки, чтобы не оступиться на обрывистом пути и избежать плена диавола. Союз их охраняет от подчинения низким стремлениям, помогает проверить правоту личных убеждений и поступков. Он — залог всемирного их единства. Неровности характеров пастырей обоюдно сглаживаются, как сотрясаемые и бьющиеся друг о друга камешки в мешке. При нравственном союзе у пастырей вырабатываются новые, улучшенные, отношения к другим людям и достигается личное усовершенствование и преодоление общих препятствий ко спасению.

Пастырские дурные отношения друг к другу возбуждают сильную критику наблюдателей, и их всемерно следует избегать. Зависть к собратьям по делу Христову из-за лучшего выполнения кем-либо из них пастырского долга свидетельствует о честолюбии завидующего. Все внимание пастырей должно обращаться не на взаимные преимущества, а на успех борьбы со злом. Пастырь же, сын своего Господина, озабочивается единственно собиранием к духовному единству любви рассеянной паствы Христовой. Единство — знак пребывания Господа на земле и сладкая радость человеческого сердца.

Пастырей связывает общность дела, целей и кровное родство на почве связи всех их с Пастыреначальником. В пастырских жилах течет единая Кровь Христова. Все они пользуются правом считать Бога своим Отцом, подобных себе — братьями и в деятельности обязаны восходить ко Христу. Взаимные их досаждения — то же, что хула на Пастыреначальника, задерживающая победу над злом, и плохой пример расстроенного родства христиан для паствы.

Наоборот, кровное пастырское братство — цемент Царства Божия, созидание Церкви воцерковлением в нее пасомых, взаимный союз душ в Царстве Святой Троицы и наилучший способ входить в необъятную широту любвеобильного общения с целым миром верующих — на целую вечность.

Вред недружелюбия.

Взаимное нерасположение пастырей есть измена их Господу и пастырству. Частое Приобщение Тела и Крови Христовых приводит их, при несогласии друг с другом, к самообману и лицемерию. Вины собратьев им совершенно необходимо прощать, как заемные письма (см.: Лк. 16:1-8), уменьшающие сумму виновности прощающих. Разрывая же пастырский союз, небратолюбивый пастырь стал уже слугою диавола, подданным его царства. К пастырю, учащему о мире и нарушающему его, применимы слова: *Врачу, изцелися сам* (Лк. 4:23). И как он, эгоист с двойственным сердцем и раздвоенной совестью, будет проповедовать о любви, о добре ради добра, когда разделяется от братского единства? Святые Отцы говорят, что образец такого разделения —

¹⁰² См.: *Сщмч. Киприан Карфагенский*. Творения. Ч. 2. С. 183–184.

Иуда, который разумеется под рабом, закопавшим один талант в землю: он спрятал свой талант в суровой почве своего озлобленного, завистливого сердца. Вместо восторжествования над злом, *он удавился* (ср.: Мф. 27:5). Увлечшись первенством, всякий пастырь, после снедания завистью на земле, как будет гореть завистью при виде пастырей, сидящих в качестве судей на престолах славы во время Страшного Суда (см.: Лк. 22:30)!

Долг пастырей не изменять злобой и страстями Пастыреначальнику, а соединенно *поощрять всех к любви* (ср.: Евр. 10:24) и насаждать добро в мире, сознавая себя соратниками великого пастырского воинства, выразителями Божией силы, имеющими поддержку в единомыслии и пастырском содружестве. В таких случаях каждый пастырь опытностью других может поверять себя, находить поддержку в более крепких духом. Забота его всегда может быть одна: благовестить истину *сокрушенным сердцем*, изнуренным возвестить от-раду, рассеянных по ниве Божией собрать воедино (см.: Лк. 4:18-19). По закону содействия пастырь должен в чувстве взаимных обязательств работать на общую пользу, бороться с препятствиями ко спасению и заботу о спасении других, даже по любви, предпочитать личному спасению.

Некогда Господь Спаситель при виде массового движения к Нему самарян, после Его беседы с самарянкой, пригласил учеников Своих позабыть о телесной пище, как забыл Он, и порадоваться Его сеянию и жатве, где нет “моего” и “твоего.” Ведь и сеятели пускают на свою жатву других жнецов (см.: Ин. 4:35-38). Так и земная жизнь всякого пастыря есть непрерывное сеяние, а лица жнущие — дело второстепенное. Только сей и сей, не скрывая данного тебе таланта в земле!

Часть 3

Пастырская аскетика. Духовный опыт в пастырстве.

Неизбежность индивидуализма.

Описание благодатной стороны пастырского служения составляет принципиальную часть Пастырского богословия, а способ раскрытия подвижнической жизни пастыря с помощью благодати Божией является предметом практической части пасторологии.

Пастырская деятельность вообще строго индивидуальна, нетипична. Она вытекает из характера пастыря, водимого благодатию хиротонии и личным напряжением в надлежащем служении. Среди Апостолов мы, например, видим твердого, порывистого апостола Петра рядом с самоуглубленным и любвеобильным созерцателем Иоанном Богословом. В сонме святителей известны святитель Василий Великий — благоразумно-ревностный деятель — и друг его, любитель безмолвия, глубокомысленный святитель Григорий Богослов. Из русских пастырей XIX в. нельзя не назвать разнохарактерных наших иерархов, современников, — святителей Филарета Мудрого, митрополита Московского, и Филарета Благодетельного, митрополита Киевского.

Индивидуальные черты того или иного пастыря налагают неотразимый отпечаток на все стороны его служения Церкви. Поэтому-то на церковном горизонте непрерывно открываются в длинной веренице деятелей всевозможные лица, то мягкие, то строгие, то администраторы, то проповедники и догматисты, то подвижники общительные, то замкнутые. Черты указанных характеров на протяжении многолетней работы над собой могут смягчаться, умеряться, принимать иное выражение и уравниваться. Но природная индивидуальность в корне остается у пастырей в своей самобытности до кончины, например суровость у суровых, мягкость у снисходительных. Такой индивидуализм, в сущности, полезен Церкви, как в теле человеческом полезны органы специального назначения.

Отражение опыта пастыря в руководстве и учительстве.

Мы, собственно, коснемся одних типичных черт пастырской деятельности, предоставляя каждому пастырю самостоятельно подводить свою личность под общие законы пастырского служения.

Первое общее требование к пастырю — быть человеком духовного опыта, всегда примерным для своей паствы, чем обеспечивается ей возможность легко воспринимать проповедуемые истины. Живые образцы надлежащей деятельности и в общественной жизни

обычно движут подчиненных охотно идти по следам начальников. “Каков настоятель и начальник, — говорит святитель Василий Великий, — таковы по большей части бывают обыкновенно и подчиненные”¹⁰³. Пастыри, по словам священномученика Киприана Карфагенского, должны быть благочестивы, увещевать других и быть для них примером¹⁰⁴. Особенно нужны образцы святой жизни как закваска живого ощущения святости другими. Праведники, по словам Златоуста, имеют силу закваски, чтобы злых делать такими, каковы они сами. Праведников немного, так как закваска невелика. Но сила праведников не в количестве, но в благодати Духа.

Образцовая жизнь, особенно при упадке благочестия, делается известной за тысячи километров. Праведники пастыри оправдывают и для самих пастырей, и для пасомых идеал жизненности религии и значение своего сословия.

Проповедь безнравственного пастыря.

А если он лично не исполняет проповедуемого учения, то святые Отцы строго говорят ему: “Или вовсе не учи, или учи доброю жизнью. Иначе будешь одною рукою притягивать, а другою отталкивать”¹⁰⁵. “И если ты не имеешь дел, то... лучше бы молчать”¹⁰⁶. Праведность подобных строгих суждений вполне понятна. Инициативное нарушение церковного устава жизни обесценивает и личность, и учение предосудительного вождя словесного стада. “Слово без жизни, — замечает авва Исидор Пелусиот, — несмотря на сильное и блестящее изложение его, служит только в отягощение слышащим”¹⁰⁷. Слушатели, сознавая верность провозглашенного им учения, внутренне осуждают проповедующего за нарушение высказанных им истин, иногда осмеивают его или против него раздражаются.

Строгий общественный приговор мирян над своим пастырем практикуется чаще в городах и реже в селах. Сельские жители смиреннее горожан и менее требовательны к духовным руководителям. Те смелее могут поучать невзыскательных поселян, несмотря даже на личный нравственный упадок. Мысль о своей духовной немощи приводит каждого проповедника-пастыря к необходимости учить пасомых смиренно, просто, без докторального тона, и не от себя, а от лица Церкви. Равно и служить он должен скромно, не выставляя воочию всех свою личность. Если худая жизнь его слишком известна пастве, то ему, быть может, справедливее было бы вовсе отстраниться от пастырского служения. “Мне стыдно... — говорит святитель Григорий Богослов, — за... тех, которые, будучи ничем не лучше прочих (если еще не хуже)... с нечистыми душами берутся за святейшее дело... теснятся и толкаются вокруг Святой Трапезы”¹⁰⁸. Напротив, жизнь и богослужение достойного пастыря представляют сами по себе руководство и непрерывную проповедь. Они возбуждают всех безразличных к вере жить ревностно по Боге и готовят примерному наставнику *неувядаемый венец славы* (ср.: 1 Пет. 5:4).

Проницательность опытных пастырей.

Опознанная на деле духовная жизнь обычно приводит к опытности всякого человека, и пастыря в частности. Лишь при условии его живой жизни в Церкви христианство усвоится им в виде собственного благодатного постижения, имеющего громадное педагогическое значение. Никакое интеллектуальное изучение всех богословских наук не в состоянии сообщить пастырю глубоко верного понимания религиозно-нравственной жизни своих пасомых. Разнообразие людских характеров и положений, тонкость и изменчивость душевных переживаний тех или иных лиц не позволяет ему подходить к нравственно окормляемым с одинаковыми мерками и слепо. Совершенно на иную плоскость встанет он при наличии духовного опыта. Он понимает тогда открывающиеся пред ним души верующих по своим прежним, подобным, переживаниям и поставляет для руководимых в нужные моменты правильный духовный диагноз. Большей частью ему приходится иметь дело с людьми весьма изломанными и запутанными душевно. И если вообще человеческая душа — бездна, то больная душа — особенно. А личный опыт оказывает пастырю незаменимую услугу в понимании и врачевании таких нездоровых душ.

¹⁰³ Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 5. С. 158.

¹⁰⁴ См.: Сщмч. Киприан Карфагенский. Творения. Ч. 2. С. 151.

¹⁰⁵ Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 5. С. 170.

¹⁰⁶ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 9. С. 278.

¹⁰⁷ Цит. по: Свт. Игнатий Брянчанинов. Отечник. 3-е изд., испр. СПб., 1891. С. 221–222.

¹⁰⁸ Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 1. С. 16; ср.: Там же. Ч. 1. С. 18, 51–53; Ч. 2. С. 148–149, 239–240.

Сила опытного слова.

Как показания внешних органов чувств убеждают в свойствах познаваемых предметов, так внутренний опыт открывает в пастырской душе своего рода пронизательность и жизненную силу.

Как говорит преподобный Нил Синайский,— у опытного слова сверкают силой¹⁰⁹. Что бы он ни делал, везде у него, до мелочей включительно, чувствуется духовная сила и огонь. Некогда Господь Спаситель учил народ палестинский, как *власть имеющий* (Мф. 7:29), в силу Своего пребывания в недрах Отчих и непрерывного видения и слышания Отца. Подобно тому и благодатная власть пастырей Христовых при душепопечении зависит от опытного единения их с Богом во Христе и Духе Святом. Раскаленное железо, как говорит епископ Феофан Затворник, неизбежно распространяет от себя тепло на окружающие предметы. Так не может не действовать на других и опытный пастырь.

Сравнительное значение опыта и знание христианства.

Некоторые, применяя к изъяснению духовных истин медицинский язык, называют опытное благочестие пастырей — искусством врачевания, а богословскую и общегуманитарную эрудицию — доктринальным знанием своего дела. Но справедливее было бы внутреннее благочестие поставить в ранг экспериментального научного исследования и ведения, а пастырскую внешнюю научность мыслить подготовительной к опыту, хотя и весьма важным моментом естественного развития. Везде, а в религии наиболее, — заслуживают веры не слова, а факты и опыт жизни. “Всякое слово, — пишет святитель Григорий Богослов, — можно оспорить словом, но жизнь чем оспоришь?”¹¹⁰

Тактика малоопытного пастыря.

Здесь возникает вопрос: если жизнь родится от жизни, а в пастырстве благодатной жизни мало, то что следует предпринять малоопытному пастырю в восполнение личной ограниченности?

Независимо от степени опыта он должен быть искренним, естественным и в меру живой опытности, хотя бы самой начальной, уже может научить других. Если он еще начнет воспитывать в себе отличную от мирской духовную жизнь, заключающуюся в любви к Богу и ближним, то эта жизнь в Боге обогатит его многими жизнеполезными делами и словами. Пастырская деятельность ставит его в этом отношении на удобнейший путь к возгреванию благодати. Всякий пастырь постоянно нуждается в знании веры, непрерывно участвует в Таинствах, часто причащается, всегда молится в церкви, дома, на требах, глубоко знакомится с душами пасомых на Исповеди, часто входит в общение с религиозно-опытными людьми. Все перечисленные возможности дают ему развитие и утончение личного духовного опыта. Со временем искренно-сознательное выполнение своего служения приводит его к высокому благодатному одушевлению.

Основная задача пастырской деятельности, безусловно, осуществима каждым пастырем. Ни Господь, ни паства не требуют от него чего-то непосильного. Если у него только средний духовный опыт, то и это немаловажно для верующих к удовлетворению их запросов.

В пастырстве ценно даже не столько количество опыта, сколько качественно живой дух служения. Едва почувствует паства в своем руководителе человека, живущего Богом, как уже начинает к нему тяготеть. По мере его духовного роста станет интенсивнее влечься к нему и человеческое окружение. В нем познают источник воды живой, хотя бы вначале и неглубокий, — и дорог он будет верующим так, что они не отойдут от него никогда. Немаловажно всякому пастырю самое сознание своего недостойнства и личных отрицательных черт — для применения своего отрицательного опыта к душепопечению. Он в таких случаях научается только изображать опасность греховного пути пред слушателями, чтобы их предупреждать от падений и коснения во зле.

Помощь пастырю Господа.

Подвиг спасения верующих пастырь совершает под кровом содействующей благодати Божией. К нему ощутительно приближается сила, поднимающая его дух выше меры — за богослужением, проповедничеством и при совершении Святых Таинств и молитв. Подлинность этого факта подтверждают сами миряне. Они часто за службой и проповедью совсем не узнают

¹⁰⁹ См.: Прп. Нил Синайский. Подобные же мысли и увещания, извлеченные из других писаний // Добротолюбие. 2-е изд. М., 1895. Т. 2. С. 291.

¹¹⁰ Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 5. С. 170.

своего руководителя, с которым пред тем обращались слишком просто. С другой стороны, нередко и пастыри чувствуют особенную ясность своих ответов на вопросы верующих и удачность преподаваемых им советов на Исповеди. Здесь явно действие благодати Божией в пастырской личности по вере пасомых. Поэтому-то в трудные моменты руководства молитва к Пастыреначальнику о помощи Его стаду и к Домохозяину о содействии Его же делу низводит свыше благодать на экономов и ближайших сотрудников Христовых.

Преподобный Серафим Саровский, объясняя быстроту своего решения всяких жизненных недоумений совопросников, говорил так: “Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю ему вопрошающему”¹¹¹. Конечно, такая мысленная богопредрешенность свойственна только святым людям, но нечто подобное может быть и в обычных служителях Божиих.

Совет: “Молись Господу.”

Как правило, пастырям неотложно нужно приучать пасомых к самостоятельной молитве Богу и к вере в то, что Господь Сам все устроит и исправит. Сплошь и рядом из уст пастырских можно слышать, вместо ответа на недоумения верующих, отрывистые слова: “Молись Господу.” Одни пастыри дают названный совет с благоговейной верой, другие — шаблонно и механически. Слышать его иным исстрадавшимся сердцем — больно и неприятно и неуспокоительно. Но совет, безусловно, радикален, верен и безопасен. Он — не мертвое слово, развязывающее советника от затруднения пред совопросниками, а действительное указание выхода из всех затруднений жизни. Только Господь может дать просимое молящимся с верою.

Знакомство с опытом Церкви путем изучения веры и жизни по творениям святых Отцов.

После сказанного становится ясно и несомненно то, что всякий пастырь при желании и в мере своих сил может быть опытным руководителем ко спасению.

На помощь его личному опыту приходит также авторитетный опыт святых Отцов и уважаемых Учителей Церкви. Из их суждений по всевозможным вопросам духовно-аскетической жизни можно всегда получать исчерпывающие и самые бесспорные решения недоумений. Знакомство с церковным самосознанием помянутых вождей Церкви, живущих во Христе, дает пастырям возможность высказывать пасомым не свои мнения, а подавать церковный голос, отстаивать церковную позицию по всем вопросам веры и жизни. Знание авторитетного всецерковного духовного опыта делает пастыря основательным в своих частных суждениях и верно понимающим вещи.

Обязательность для пастырей самопроверки принципов церковности выдвигает вопрос о критериях этой церковности. Церковность воззрений и жизни определяется согласием их со Святым Писанием, Преданием, постановлениями Соборов и свидетельствами святых Отцов. Усвоение жизнью в Церкви вышеуказанных зако-нодательств создает в человеке духовный вкус или чутье. С точки зрения создавшегося понимания церковности легко оценивать разные факты нравственного порядка, *наш ли еси, или от супостатов* (ср.: Нав. 5:13).

После сказанного понятно, насколько необходимо для пастыря глубокое изучение слова Божия, частое обращение к церковным канонам, основательное знание святых Отцов и житий святых. “Плодоноснее,— по словам епископа Феофана Затворника,— слово Божие, а за ним — отеческие писания и жития святых. Впрочем, нужно знать, что жития лучше для начинающих, писания отеческие — для средних, Божие же слово — для совершенных”¹¹². Такой порядок чтения пси-хологически естествен. В верности написанного на скрижалях Библии лучше всего убеждает опытная жизнь по слову Божию, ведущая очищенных от страстей к благодатному озарению Духом Святым. Авторитет святоотеческих творений неизмеримо тверже достоверности показаний нашего недалекого разума. Святые Отцы подробно и применительно к разным духовным устройствам и воззрениям раскрыли слово Божие и дали массу ответов на частные запросы людей.

Их творения формируют настроения читающих, поднимают их веру и стремления к совершенству. Отсюда можно переходить к широкому изучению непосредственно слова Божия и глубин родного православно-догматического и нравственного учения. В духовно-учебных

¹¹¹ Цит. по: Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. 4-е изд. Муром, 1893. С. 162–163.

¹¹² *Свт. Феофан Затворник. Путь ко спасению. С. 233.*

заведениях учебники нередко сухи и бесцветны. От усвоения их в период послешкольный следует переходить к ближайшему знакомству с отеческими творениями. Христианскую догматику верно и точно помогают познать святители Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, преподобный Иоанн Дамаскин; православную этику — святитель Иоанн Златоуст, преподобные Иоанн Кассиан Римлянин, авва Дорофей, святители Димитрий Ростовский, Тихон Задонский и другие; аскетику и мистику православия — преподобные Макарий Египетский, Иоанн Лествичник, Исаак Сириин, Варсонофий Великий, Симеон Новый Богослов; из русских Отцов: преподобный Нил Сорский, епископ Феофан Затворник и аскеты, упоминаемые в “Добротолюбии” епископа Феофана. Творения святых Отцов помогают выработать точное христианское мировоззрение, учат проповедовать веру и Евангелие и руководить людьми сообразно их личным внутренним состояниям. Все наши пастыри-подвижники, кончая отцом Иоанном Кронштадтским, воспитались на святых Отцах, особенно на Златоусте — всеобъемлющем, простом и одушевленном. И чуткие светские люди вроде А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и других высоко ценили святоотеческое мышление, ставя его выше классических умозрений. Это вполне понятно.

Пустыня — место духовного воспитания святых Отцов — может быть сравнима с громадным ученым кабинетом, в котором множество аскетов день и ночь изучали человеческий дух. Строгое наблюдение, тождественное эксперименту, и постоянное самоуглубление открыли пред ними удивительные явления и стороны человеческой души. Отсюда написанная пустынноиками аскетика есть сборник необычайных открытий в духовной жизни человека, несравненно превосходящих значением слова новейшей психологии.

Идеологией Церкви пастырю необходимо именно жить. Тогда он не дойдет до ложного перетолковывания святоотеческих воззрений в угоду своему неверному настроению. Всякий человек любит и понимает только сродное себе. Поэтому соединение опыта с изучением благодатных творений преобразит пастыря из холодного схоласта в любителя отеческого опыта и сделает ценным руководителем паствы. Опытная святая жизнь по Крещении привлечет к нему руководство Святого Духа и доставит ему самому глубокое удовлетворение.

На практике в нашем пастырстве господствует печальное малознание слова Божия, творений святых Отцов и житий святых. Пастырство мало обращается к этим, выработанным Церковью, руководствам и еще реже к канонам. Некоторые пастыри даже никогда не слышали о святых преподобных Варсонофии Великом, авве Дорофее, Иоанне Лествичнике, тогда как должны бы были знать их учения так, как солдат — свой армейский военный устав.

Молитва и ее значение в пастырстве.

Вера и молитва.

В порядке духовной жизни за верою первое место занимает молитва. Современная зарождению веры, она сопровождает возрастание веры и ему содействует. Так как высшей степенью молитвы завершается наивысший расцвет веры, то молитву можно считать совпадающей с верою в моментах роста. По Григорию Синаиту, благодатная вера, в сущности, есть действенная молитва¹¹³, а “молитва есть... действие веры, лучше же — вера непосредственная”¹¹⁴. Со стороны внутреннего содержания своего и качества “молитва действительно... есть пребывание и соединение человека с Богом”¹¹⁵. Подобным образом иногда определяют и сущность веры.

Впрочем, точнее было бы сказать, что вера есть сущность, а молитва — ее проявление или плод живой веры. “Вера воскреляет молитву”¹¹⁶, но и сама подается верным чрез молитву¹¹⁷.

Отношение молитвы к прочим добродетелям.

По отношению к прочим добродетелям молитва — “основание и корень плодотворной жизни”¹¹⁸ и, в свою очередь, зависима от них. Многообразие значения молитвы в духовной жизни

¹¹³ См.: Прп. Григорий Синаит. Главы о заповедях... // Добротолюбие. Т. 5. С. 208.

¹¹⁴ Там же. С. 205.

¹¹⁵ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад, 1908. С. 232.

¹¹⁶ Там же. С. 237.

¹¹⁷ См.: Прп. Марк Подвижник. Наставления о духовной жизни // Добротолюбие. Т. 1. С. 506.

¹¹⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. С. 835; ср.: Там же. С. 843; ср.: Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 232–233; ср.: Прп. Каллист Тиликуда. О безмолвнической жизни // Добротолюбие. Т. 5. С. 431–432.

человека объясняется тесной зависимостью друг от друга всех душевных сил. Молитва — элемент, сопутствующий им на низших ступенях их развития. К добродетелям она относится как их причина, переплетая их взаимно с собою, наподобие связи между бревнами. На высотах духовного совершенства она, как крыша, завершает здание добродетелей, имеет значение результата духовного совершенства. Занимая существенное место в человеческой духовной жизни, молитва показывает ту или иную степень нравственного совершенства. По молитве можно узнать меру высоты любого человека. Она, по мысли преподобного Иоанна Лествичника, есть “зеркало духовного возрастания... суд... прежде Страшного Суда”¹¹⁹.

По значению в цепи добродетельных состояний молитва стоит выше всех добродетелей. “Нет ничего сильнее молитвы... и... полезнее ее для благоугождения Богу. Все делание заповедей в ней заключается, ибо ничего нет выше любви к Богу”¹²⁰, приобретаемой молитвой. “Все другие служения стоят на второй ступени”¹²¹. “Без непрестанной,— внушает преподобный Исаак Сирий,— молитвы невозможно приблизиться к Богу”¹²². “Она молитва есть цепь, держащая в единении Бога с человеком и человека с Богом”¹²³, она “благодать Божия... Божие явление... что много говорить? Молитва есть Бог, действующий все во всех”¹²⁴.

Что молитва — существеннейшая часть духовной жизни, видно из примера Господа Спасителя. Он, Единый по Божеству с Отцом Небесным, — нередко пребывал в молитве *об ночь* (Лк. 6:12; ср.: Лк. 5:16; 9:18-29; 22:44), особенно пред важнейшими событиями Своей земной жизни и после них.

В подражание Господу Апостолы непрестанно молились и эту заповедь (см.: Кол. 4:2; 1 Фес. 5:17) оставили христианам.

Пастырь — молитвенник среди паствы.

Если молитвенность — господствующее христианское настроение и цель стремлений подвижающихся, то в содержании духовной жизни пастыря она должна занимать тем более самое видное место. Пастырь, посредник Бога и верующих, проповедник в их души благодати, образец ангельской жизни, должен преимущественно пред пасомыми жить беседой с Богом и общением с Ним. Ангелоподобная молитва наиболее отличает всегда истинных пастырей. Она была интимной стороной великого Златоуста, основой деятельности величайшего богослова Афанасия Александрийского, прорывалась в чудесных действиях Василия Великого, светилась во всем облике мудрого администратора Филарета Московского, не может не лучиться в поведении и богослужении также заурядных, рядовых пастырей.

Их непосредственное, живое отношение к Богу чувствительнее всего для пасомых. Наш православный русский народ с первых пор по принятии христианства усвоил себе именно такое воззрение на пастырей. Среди них выше всего ценит молитвенно настроенных и живущих мироотреченным идеалом — подобно отцу Иоанну Кронштадтскому. Да и не одни простолюдины, но и образованные лица нашего общества ищут в пастырях прежде всего молитвенности, обязательно проявляющей их живую веру. Несоответствие блестящего слова иных проповедников с молитвенным настроением дает повод не удовлетворяться одним их красноречием. Крылатое народное замечание о пастыре: “Он служит хорошо” — включает в себя одобрение и хорошего произношения возгласов и молитвословий служащим священником, и его любви молиться. Наша Литургия и богослужение, отправленные с молитвенным чувством, для нашего народа есть высшее назидание.

Из сказанного вполне ясно, почему столь важна для православного пастыря молитва. Молитвенная сторона у него всегда должна быть выдвинута вперед, а не затушевана игнорированием. Воскрешение типа пастыря, благоговейно и умиленно совершающего свое служение, сокровенно молящегося много и дома и смиренно, с горячей верой представляющего за паству, наиболее желательно и нужно всегда. Наоборот, холодная блестящая образованность пастырей, душевно мертвых в отношении к Богу, бессильна одушевлять ко спасению верующих. Здесь нельзя не припомнить строгих слов преподобного Серафима

¹¹⁹ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 233.

¹²⁰ Прп. Марк Подвижник. К тем, которые думают оправдаться делами // Добротолюбие. Т. 1. С. 547.

¹²¹ Архиеп. Симеон Солунский. О священной молитве // Там же. Т. 5. С. 442.

¹²² Прп. Исаак Сирий. Подвижнические наставления // Там же. Т. 2. С. 730.

¹²³ Из жития святого Григория Паламы, архиепископа, Солунского чудотворца // Там же. Т. 5. С. 481.

¹²⁴ Прп. Григорий Синаит. Главы о заповедях... С. 205.

Саровского одному желавшему “идти в монахи”¹²⁵: “Одна внешняя молитва недостаточна; Бог внемлет уму (духу), а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутреннею, — не монахи, а черные головешки”¹²⁶.

В связи с основоположным характером молитвы в пастырской аскетике рассмотрим значение для пастырей разных видов молитвенного подвига и средства для осуществления молитвенного “делания.”

Частная молитва в пастырском служении.

Свое служение пастырь должен сопровождать: 1) личной, частной, молитвой и 2) соборной, посреднической, молитвой за Церковь и паству от лица ее.

Трудность и важность личной пастырской молитвы.

При всей своей важности частная молитва может представляться пастырю скучной, трудной и не особенно нужной, а для спасения других и совсем посторонней, делом, скорее, личной пастырской совести. Что молитвенный личный подвиг труден — это, бесспорно, верно. Но без него нельзя ни одному пастырю ни возграть в себе благодати хиротонии, ни пастырски одушевиться. Без молитвы — предводительницы всего доброго — гложут все добродетели, слабеет вера и остывает ревность о спасении. Для пастыря перестать гореть душою и утратить живое общение с Богом равносильно утрате им возможности быть пастырем добрым и духовным. Он превращается при этом в наемника, чуждого благодатной радости, и учителя, проповедующего то, чего сам не переживает. Ему легко при безмолитвенности или перейти на сторону увлечений, несвойственных пастырству, или избирать предметом учительства в церкви исключительно второстепенные предметы духовной жизни, не затрагивающие существа спасения, как более ему сродные, близкие и легкие.

Ниспадение идеалов пастырских ввиду трудности молитвы хорошо выразил один почтенный столичный протоиерей, заявивший, что он на закате дней своих решительно не понимает смысла молитвенных домашних подвигов. Конечно, нельзя не признать вместе со святителем Григорием Паламой, что “труд над всякою другою добродетелию мал и очень сносен сравнительно с устойчивым пребыванием в молитве... Почему многие, отказываясь от тесноты молитвенной добродетели, не улучают просторности, широты молитвенных дарований, а претерпевающие ее... сподобляются величайших Божественных заступлений, которые дают им силу удобно все поднимать и переносить и с удовольствием *простираться в предняя*, ср.: Флп. 3:13... по слову Пророка: *Терпящие Господа изменят крепость, окрылатеют, как орлы, потекут и не утрудятся* (ср.: Ис. 40:31)”¹²⁷.

Неопытность в молитве и ее следствия.

Именно молитвенное воодушевление пастыря движет паству ко спасению, влияя на нее косвенно-посредственно. Погашение в себе молитвенного духа тем или иным пастырем ставит его в весьма неловкое положение пред верующими. Здесь не столько бросается в глаза всем слабость пастырского личного влияния на паству вследствие его молитвенной холодности, сколько обязанность руководить пасомых в молитве при собственном неумении и нежелании молиться. Среди руководимых духовно пастырь всегда может натолкнуться на лиц, глубоко заинтересованных вопросами духа, усиленно молящихся, близких в данном отношении к прелести и путающихся в лабиринте недоумений, касающихся тонкой области молитвенных напряжений. Пастырская опытность в молитве, хотя бы ради плодотворного руководства другими, положительно необходима и обязательна.

Верующие, не находя в своем духовном отце соответствующего нравственного водительства, разбредаются по монастырским старцам или, что хуже, попадают в сети сектантских вожаков и гибнут. В сектантстве привлекает православных богоискателей именно сентиментальное прелестное учение о чрезвычайных нашествиях Святаго Духа и об интимнейшем общении со Христом, вплоть до ложных галлюцинаций и иллюзорных видений. Этим обольщениям неопытные пастыри не могут противопоставить истинного питания в Церкви. Не надеясь найти у таких

¹²⁵ Сказания о житии старца Божия иеромонаха Серафима, пустычника и затворника Саровской обители. 4-е изд. СПб., 1885. С. 114.

¹²⁶ Цит. по: Там же. С. 115.

¹²⁷ *Свт. Григорий Палама. О молитве и чистоте сердца три главы // Добротолюбие. Т. 5. С. 301.*

руководителей живой хлеб, некоторые ушедшие в сектантство лица из церковников так и не возвращаются в недра Церкви. К сожалению, и остающихся в церковной ограде, и искателей молитвенного настроения подобные пастыри не в состоянии удовлетворить указаниями поверхностными и маложизненными. При таких условиях горячие порывы верующих жить молитвенно постепенно слабеют и глоснут.

Живущие молитвенной жизнью пастыри сравнительно редки, но они обычно сгруппировывают в приходе духовно чутких пасомых в единство. Они для паствы — настоящие Колумбы, раскрывающие ее богатые способности и глубокие стремления к духовной жизни. Едва объявляется где-либо такой пастырь-молитвенник, как к нему сразу начинают стягиваться искатели молитвенного настроения и из окружающего общества, и издалека. От пастырского неумения руководить молитвенным подвигом верующих и неумения воодушевлять их к богообщению гаснет в них огонь благодати, о котором Спаситель сказал: *Огонь пришел Я низвесть на землю; и как бы Я желал, чтобы он возгорелся* (ср.: Лк. 12:49). Неопытные пастыри иногда на вопросы: “Как молиться?” — дают единственно мудрый в своем положении совет: “Ты не рассуждай, а молись, и практика сама научит тебя молитве.” А один из пастырей спрашивающему, как творить Иисусову молитву, посоветовал повторять ее не спеша, причем сам при совете чувствовал некоторое смущение, поскольку лично никогда не молился данной молитвой.

Прямая зависимость от частной молитвы пастырской опытности и одушевленности и вообще самочувствия есть лучшее, самоочевидное побуждение для всякого пастыря прилежать домашней молитве. Ее действия избавляют пастырскую душу от чувства пустоты жизни, от скуки, тоски, уныния и увлечений сторонними для пастырства делами и страстями, например курением табаку и пристрастием к вину. Всякая вообще человеческая душа есть начало зиждательное, творческое. Вопреки инертности плоти она требует себе деятельности, живой работы. Отсутствие в пастыре интереса к духовно-молитвенному развитию делает его душу опустошенной, а жизнь малосодержательной, особенно в захолустьях, далеких от культурных центров. Напротив, опытное чувство важности и сладости молитвы избавляет его от тоски, уныния и неминуемо влечет заниматься развитием широты молитвенного духа и в прихожанах. Среди них он найдет со временем единомышленников, которые душевно любят его. Опыт и навык молиться сладко заполняют в жизни пастыря все свободные часы и минуты. Если же он жалуется на тоску и одиночество, то обличает тем самого себя в силе жизни естественной, заглушившей у него благодатные стремления.

Опыт молитвы в пастырском одиночестве.

Умеющему молиться пастырю не страшно и полное одиночество в своем служении. Его в то или иное время могут повидать некоторые близкие из членов паствы и нетвердые друзья. Он, обязанный внутренне носить всю паству всегда, может восчувствовать тогда острую муку оставленности¹²⁸. Некогда в таком состоянии Моисей жаловался Богу, говоря: *Я один не могу носить всего народа сего, потому что он тяжел для меня. Когда Ты так поступаешь со мной, то лучше умертви меня... чтобы мне не видеть бедствия моего* (ср.: Чис. 11:14-15). На одиночество жаловался и апостол Павел (см.: 2 Тим. 4:16-18). Тягость эту отмечает и Сам Спаситель, говоря: *Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною* (Ин. 16:32). Господь победил скорбь одиночества сознанием и чувством Единства Своего с Небесным Отцом. Подобным образом и апостол Павел засвидетельствовал о победе над мукой одиночества в словах к ученику Тимофею: *Все меня оставили, да не вменится им. Но Господь предстал мне и укрепил меня* (ср.: 2 Тим. 4:16-17).

У пастырей всех времен бытия Церкви личное одиночество обычно рассеивается утешающим их молитвенным общением с Господом. Сердечная память о Боге и общее молитвенное настроение ограждают также пастыря и от малодушия в скорби, когда естественные рассудочные соображения только погружают в большее уныние. *Размышляя я,* — может сказать себе пастырь вместе с Псалмопевцем, — *и малодушествовал дух мой* (ср.: Пс. 76:4). Но когда я начинаю молиться Богу Отцу и Спасителю, тогда скорбь моя исчезла и исчезает: *Помынул я Бога — и возвеселился* (ср.: Пс. 76:4).

¹²⁸ Одиночество миссионеров.

Влияние молитвенного настроения пастыря на паству.

Так ценна молитвенная настроенность для собственного самосознания. Пастырь-молитвенник приносит великую общественную пользу, поднимая общее молитвенное настроение в пасомых. Церковное общество нравственно возвышается не столько проповедническими словами, сколько непосредственным примерным воздействием живой личности пастыря на окружающую его среду. Пастырское святое настроение усиливает дух благочестия в соприкасающихся лицах и влияет умиротворяюще на их страсти. “После того, как святой пройдет перед нами, — говорит Джемс (W. James, 1842—1910), американский философ, — мы не можем больше оставаться такими, какими были раньше”¹²⁹. Непосредственное, но сокровенное воздействие пастырей-молитвенников на верующую массу трудно учитывается, так как мало бросается в глаза, но оно огромно.

Духовные коррективы на молитве.

Молитва лично для каждого пастыря служит главным контролирующим средством при оценке его поступков и степени верности отношения его к пастве. Когда он усердно помолится об указании истинного направления своих пастырских меро-приятый, тогда Сам Господь в совести его полагает корректив уклонений от нормы¹³⁰.

Усердно молящийся Господу пастырь в сомнительных положениях получает чувство одобрительности или предосудительности своих действий. Это тонкое чувство изникает из глубин его совести и отчасти изясняет ему опытно, почему молитва называется у преподобного Григория Синаита “Богом действующим”¹³¹.

Под влиянием молитвенных упражнений пастырское настроение становится благодатным. Во всех видах деятельности пастыря-молитвенника мотивом трудов делаются Господь Спаситель и приведение людей к спасению Божию. Подобный пастырь в Господе Боге начинает полагать источник своих сил, отстраняет надежды на свои силы и, как Енох и Ной, *ходит пред Богом* (ср.: Быт. 5:24; 6:9), ища единственно славы Божией.

Частная молитва пастырей составляет подготовительный момент к возношению ими специально посреднической, соборной, молитвы с силой дерзновения. Частная молитва, все теснее приближая всякую пастырскую душу (молитву) к Богу, разогревает ее любовью к Нему и сама постепенно обращается в любовь Божию. *В любви же, — по словам апостола Иоанна Богослова, — нет страха. Любящий до того совершенства достигает, что имеет дерзновение* (ср.: 1 Ин. 4:18). Ввиду этого молитва домашняя для пастыря должна быть дыханием его души, без чего бы он не мог и жить.

Потому архиепископ Симеон Солунский внушает пастырям, чтобы они ревновали о непрестанной молитве “как о проповеди, как о священнодействии, как о проявлении любви своей ко Христу Господу”¹³².

Молитва посредническая. Необходимость посредничества.

В “Книге о должностях пресвитеров приходских...” пастырская молитва за других специально называется “священнической должностью”¹³³. В сущности, молитва одна, но двусторонняя своим обращением к Богу то о нуждах самого пастыря, то о пастве. Непосредственно распространяясь на паству, в случаях пастырского посредничества она, вместе, влияет благодатно и на самого ходатая за людей. Посредническая молитва — специальная задача пастыря. Она — его преимущественная обязанность, потому что пастырь и поставлен быть посредником между Богом и людьми. Он должен молиться о людских грехах (см.: Лев. 16:34; Чис. 15:25), а в скорбных случаях народной жизни посреднически отводить от людей карающую руку Божию. *Между притвором и жертвенником, — говорит святой пророк Иоиль, — да плачут священники, служители Господни, и говорят: “пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание...”* (Иоил. 2:17).

¹²⁹ Джемс В. Многообразие религиозного опыта. М., 1910. С. 347.

¹³⁰ В недоумениях указания Божия, полагаемые на совесть, — поразительны.

¹³¹ Ср.: Прп. Григорий Синаит. Главы о заповедях... С. 205.

¹³² Архиеп. Симеон Солунский. О священной молитве. С. 446.

¹³³ См.: Архиеп. Могилевский, Мстиславский и Оршанский Георгий (Конисский), еп. Смоленский и Дорогобужский Парфений (Сопковский). Книга о должностях пресвитеров приходских... С. 191, 254, 260.

Примеры ходатайства за народ.

Выдающимися примерами пастырского заступничества за народ в Ветхом Завете являются молитвы Моисея и Аарона. Во время гнева Божия на “ропотников” Аарон выступил в стан с кадильницей, помолился и стал между мертвыми и живыми — и прекратилась гибель (см.: Чис. 16:48). Таких же примеров много описывается в жизни пророков Самуила (см.: 1 Цар. 7), Ездры (см.: 1 Езд. 9), Неемии (см.: Неем. 9), Иеремии (см.: Иер. 14), Даниила (см.: Дан. 9) и других. Пастырского предстательства от лица народа ищет Сам Господь. *Искал Я*, — говорит он устами пророка Иезекииля, — *у них, иудеев, человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за эту землю, чтоб Я не погубил ее, но не нашел* (ср.: Иез. 22:30).

Из новозаветной истории известно, что Господь Спаситель молился о всех верующих (см.: Ин. 17:20), о всех Апостолах (Ин. 17:9-11, 17:19), об апостоле Петре, дабы *не оскудела вера* его (см.: Лк. 22:32). Подобно Господу, святые Апостолы своей специальной задачей считали пребывать *в молитве и служении слова* (Деян. 6:4), прилежно молились о вере и единодушии всех верующих (см.: Рим. 1:8-12; Еф. 1:16-17; 6:18-19; Кол. 4:3; 2 Фес. 3:1; 1 Тим. 2:1-2) и заповедовали им за ходатайством обращаться к пресвитерам Церкви (ср.: Иак. 5:14).

Пастырское предстательство пред Богом.

Таким образом, слово Божие ясно указывает обязанность пастырей *приносить дары и жертвы* свои и народа (см.: Евр. 5:1-3), так как “должность молиться Господеву на священнический чин особенно возложена свыше”¹³⁴. “Подлинно, никакая другая молитва,— замечает Златоуст,— столько не приличествует священнику, как та, в которой он больше молится и ходатайствует пред Богом о благе народа, нежели о своем. Если Иов, вставая от сна, тотчас творил столь обильные (молитвы) о своих плотских детях, то не тем ли больше мы должны делать то же ради наших духовных чад?.. Это обязанность предстательства пред Богом знают посвященные в Таинства, как бывает у нас каждый день, и вечером и утром, как мы творим молитву за весь мир... и за всех, которым вверена власть”¹³⁵.

Народные искания пастырского посредничества.

Отмеченный взгляд на исключительное значение священнической молитвы прочно держится в Православной Церкви. Из Требника видно, что весь уклад бытовой жизни может быть освящен иерейскими молитвами, положенными и на постройку дома, и на освящение оскверненного сосуда, и на всякие случаи из личной и общественной практики. По свидетельству отечественной гражданской истории, в години междоусобия удельных князей враждующие стороны, каждая — свое духовенство, просили помолиться “о покорении под нозе их врагов и супостатов.” В настоящее время наш народ чутко различает посредничество молитвы иерархических лиц. В многолюдных приходах он предпочитает посещение с молебном священника, но не диакона; в родительские субботы просит прочитывать поминания особенно — священника; на епископа же смотрит еще более мистически благоговейно. Миряне понимают и ценят в пастырях дар непосредственной близости к Богу и смотрят на них как на своих заступников в горе и разных обстоятельствах жизни. Ссылающимся на свою немощь священникам они обычно возражают так: “Вы у престола Божия, как можно вас равнять с нами, грешными мирянами.”

Соподчиненность в молитве с психологической точки зрения.

Такая оценка пастырской посреднической молитвы совершенно правильна. Пастыри выдвинуты Богом и облагодатствованы предстательствовать лицу народа во время посреднической молитвы по дару хиротонии. Их личная святость и молитвенная настроенность еще более увеличивают народную веру в действенность их ходатайств пред Богом. Такой соподчиненный порядок в теле Церкви необходим с нравственно-психологической точки зрения. Нежелание всех нуждаться в ком-либо другом развивало бы общую гордость и обособление, а подчиненность неизбежно ведет к смирению, любви и дисциплине. “Для чего же нужна мне, скажет кто-нибудь, — пишет Златоуст, — молитва других, когда я сам буду деятелен... Затем тебе нужна, что ты считаешь ее для себя ненужною... Не возносись, чтобы не унизиться”¹³⁶.

¹³⁴ Архиеп. Могилевский, Мстиславский и Оршанский Георгий (Конисский), еп. Смоленский и Дорогобужский Парфений (Сопковский). Книга о должностях пресвитеров приходских... С. 257.

¹³⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 604, 658–659.

¹³⁶ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 480–481.

Три формы посреднической молитвы.

При всем разнообразии форм посреднической молитвы их можно разделить на три вида: 1) келейные молитвы за народ; 2) молебные требы по разным жизненным нуждам; 3) богослужебные предстательства за паству от ее лица, начиная с Евхаристии и прочих Святых Таинств.

Раскрывая этот взгляд, Златоуст говорит: “Молитвы благодарения у пастыря и собора, также общие, потому что не один священник приносит благодарение, но и весь народ. Получив сперва ответ от народа и потом согласие, что достойно и праведно совершаемое, начинает священник благодарение... ибо все мы едино тело и столько же различаемся один от другого, сколько член от члена; но чтобы мы не все возлагали на одних священников, но и сами пеклись о всей Церкви как о теле, всем нам общем”¹³⁷. В другом месте творений Златоуст ставит богослужебные пастырские молитвы по значению равными Евхаристийным молитвам. Пастырь “молится за весь город, — восклицает он в своем слове. — Что я говорю “за город”? За всю Вселенную, и умоливляет Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших... Он так приступает к Богу, как бы ему вверен был весь мир и сам он был отцом всех, прося и умоляя о прекращении повсюду войн... о мире и благоденствии, о скором избавлении от всех тяготеющих над каждым бедствий, частных и общественных. А когда он призывает Святаго Духа и совершает Страшную Жертву и часто прикасается к общему всем Владыке, тогда, скажи мне, с кем наряду мы поставим его?”¹³⁸ Обязанность пастырей быть пред Богом представителями народа и низводить на него, ходатайственно, благодать Божию выдвигает интересный вопрос о том, как пастырям приобретать дерзновение веры в своих посреднических предстояниях Богу.

Пастырское дерзновение веры.

Благодать у пастырей — ходатайствовать за других.

Специально пастырская молитва имеет посреднический характер. “Иерей Божий!— восклицает отец Иоанн Кронштадтский.— Верь от всего сердца, верь всегда в благодать, данную тебе от Бога молиться за людей Божиих: да не будет вотще в тебе этот великий дар Божий, которым ты можешь спасти многие души; скоро слышит Владыка твою сердечную молитву о людях и удобно преклоняется на милость к людям, как на молитву Моисея, Аарона, Самуила, Апостолов. Искупай всякий молитвенный случай — в церкви... в домах... везде и во всякое время помни о спасении людей Божиих”¹³⁹.

Несердечная молитва о пасомых и мотивировка ее.

Практическое приложение этого идеального требования встречает немало затруднений. Хотя пастыри и непрерывно служат в храмах, вознося, по просьбам пасомых, за здравные, напутственные, заупокойные и иные молитвы, при всем том они служат чаще всего механически и выполняют требы или требуемые богослужебные чины несердечно. Служение их похоже на расчетливое отправление вынужденной обязанности, но не сопровождается живой, отечески искренней теплотой. При заказанных требах в большинстве случаев просители молятся гораздо усерднее своих официальных ходатаев пред Богом, которые редко приносят истинно посредническую молитву¹⁴⁰. Неосуществление идеального требования — быть действительными посредниками — средние пастыри могут искренно объяснить отсутствием в них достаточного дерзновения, напоминающего собою пророческое полномочие.

Такое объяснение имеет некоторую долю правды, но неверно в основе своей. Специальное призвание пастырское — представлять за людей — получает и способы осуществления по дару хиротонии. “Мы... молимся за вас подобно Павлу, — пишет Златоуст верующим. — Правда, Павел по праву делал это, имея великое дерзновение пред Богом, а мы, — находясь в унижении и не имея дерзновения; но так как мы поставлены на это, то и делаем то же самое, несмотря на то, что недостойны и ходатайствовать, и даже занимать место последних учеников. Именно вследствие

¹³⁷ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 10. С. 633.

¹³⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 471.

¹³⁹ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 267.

¹⁴⁰ Ср. замечание епископа Феофана Затворника о панихиде, где заказчики молятся, а служащие «трещат».

того, что благодать действует и чрез недостойных, не ради их, но ради ищущих пользы, — и мы присоединяем наши (молитвы)”¹⁴¹.

Пастырское право дерзновенно ходатайствовать о пасомых.

Православный пастырь, облеченный правом дерзновенного ходатайства за пасомых в силу благодати посредничества, радикально отличается этим преимуществом и от протестантских, и от всевозможных сектантских руководителей. Его прямая обязанность быть ходатаем за паству не дает ему оснований ни сомневаться в своем праве посреднической молитвы, ни отказывать в ней просящим. Ради возношения ее он наделен неотступно действующей чрез него благодатью.

Подъем благодатного, молитвенного духа может и должен сделаться у него неотступным субъективным состоянием. В отсутствии горячего дерзновения его отчасти можно извинить — трудностью удерживать названную горячность, которая ослабляется от привычности и механизированности служения. При всем том утрата благодатного одушевления не оправдывается совершенно, никакими доводами. Отец Иоанн Кронштадтский и подобные ему пастыри всегда пламенели духом. Возможность возгревать и усиленно хранить горячее молитвенное дерзновение — не закрыта ни от одного, и самого слабодушного пастыря. Упражнения в тщательном возношении соборных молитв, конечно, еще не делают заурядных пастырей-посредников сразу Павлами из Савлов. Пастыри при этом могут даже слишком самоуверенно ревновать о спасении других, с самомнением, а в лучшем случае отягощаться бременем ходатайственной молитвы о пасомых до физических сердечных болей. Но подобные гипертрофии, впрочем, очень редки. Они — исключения. Гораздо чаще их — пастырские уклонения в теплохладность, даже до полного погашения молитвенного духа.

Дерзновение молитвы за других.

Чтобы возгреть в себе благодать дерзновения, пастырям уместнее всего возможно чаще приносить соборную и посредническую молитву, хотя бы чуждую как напряженного возбуждения, так и механической теплохладности. Средний, подручный всякому пастырю, способ молитвенного подвига заключается в умеренном напряжении. Его в состоянии выносить человеческая душа без надрыва: лучше всего, когда пастырь спокойно будет ходатайствовать за паству пред Богом, оставляя воле Божией исполнение своих просьб. Это есть так называемое смиренное дерзновение.

Возгревание дерзновения и общий подъем духа пастыря.

Его больше всего возгревает общий подъем духовной жизни, нравственная чистота и заботы об усилении и развитии частной молитвы. Поэтому-то в объяснение слов: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5:19) — святитель Иоанн Златоуст говорит: “Приняв этот свет благодати Святаго Духа, одни пастыри соделали его более ярким и ясным, как, например, Павел, как Петр, как все святые, а другие погасили, как пять дев”¹⁴². Погашает его нечистая жизнь... А “если я не имею дерзновения молиться за самого себя, то тем более за других. Ведь только тому, кто сам заслуживает одобрение и кто снискал Божие к себе благоволение, приличествует молить Бога о милосердии к другим. Напротив, как может ходатайствовать пред Ним за другого тот, кто сам оскорбил Его?”¹⁴³

Следствия нравственного подъема.

Общий нравственный подъем повышает субъективную уверенность пастыря в действенности его молитв, оживляет в нем сыновнее дерзновение пред Богом, а главное, укрепляет горячность его веры, на которой вообще покоится сила дерзновения. Горячо верующему пастырю излишне рассудочно уверять себя в своих полномочиях. С дерзновенной молитвой к Богу он входит непосредственно по силе сердечных влечений.

Вера просителей молитвы.

Другим, не менее важным по силе и качеству, средством возвышения пастырского дерзновения служит вера самих просителей. Вид их детских обращений к Богу и святым, похожий на беседу лицом к лицу, отраженно вызывает дерзновение и в пастыре. Под влиянием сострадающей любви к своим чадам, скорбящим в своих человечески безнадежных положениях, он

¹⁴¹ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 566; ср.: Там же. С. 567.

¹⁴² Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 564.

¹⁴³ Там же. С. 604.

неожиданно для себя начинает переживать небывалый прилив веры и приобретает горячность молитвы за чад своих. “Превосходит нашу смиренность, — пишет Златоуст, — дело предстательства пред Богом... за стольких людей... Но так как я объемлю вас отеческою любовию, так как любовь дерзает на все, то я не только в церкви, но и у себя дома прежде всего творю молитву о вашем душевном и телесном здравии”¹⁴⁴.

Обстановка соборной молитвы.

Пастырское дерзновение немало может поднимать сама по себе соборность церковной молитвы. При виде собрания верующих пастырь как-то невольно оживает сердечно и загорается одушевлением. Это часто неожиданно сказывается у него повышенной крепостью веры и даже твердостью голоса на молитве.

Конечно, нельзя не отметить того, что нередко пастырская энергия возбуждается исключительностью положения церковного представителя в храме, где он может увлекаться тонким тщеславием, желанием производить на других впечатление. Отмеченную черту своеобразного самогипноза отмечает у молящихся в церковном собрании, например, преподобный Иоанн Лествичник, говоря: “Иное радование бывает в молитве у подвизающегося в общежитии; и иное у молящегося в безмолвии. Первое может быть немного смешано с возношением, а последнее все исполнено смиренномудрия”¹⁴⁵. “Псалмопение во многолюдстве сопровождается пленениями и парениями, уединенное же — не столько”¹⁴⁶.

Искренние и наблюдающие за собой пастыри решительно отгоняют от себя в соборной молитве тщеславное настроение, враждебное действию благодати. Они по голосу совести чувствуют в нем настроения, гипнотическое самовнушение, тонкую лесть и стараются устранить из своей души всякую тень сомнения, противореча возникающим внутренне помыслам тщеславия.

Искреннее одушевление у победивших тщеславие пастырей показывает, что пастырское дерзновение может загораться независимо от страсти. Объясняя это, Лествичник говорит: “От примера других рождается усердие”¹⁴⁷. Видимо, одушевление пастыря, имеющего молитвенное общение с народом, создается воздействием на него массы. Повышенный тон массовых религиозных переживаний верующих производит глубокую сосредоточенность и возбужденность душевных сил также и у пастыря. Равно и молитвенная обстановка в храме с большим удобством располагает его внутренне сосредоточиваться. В то время как одному ему дома можно помолиться сокращенно, противясь даже требованиям совести и уступая своей инертной и ленивой плоти, в соборной молитве, напротив, он необходимо бывает вынужден выполнять положенное уставом. Общественный характер богослужения невольно заставляет пастыря соблюдать чин молитвы в той или иной мере и сосредоточиваться на ней, борясь с рассеянностью и раздвоением. В храме он объединен духом с верующими и является своего рода центром собрания, в котором сходятся молитвы всех присутствующих на богослужении, как радиусы в центре круга. Вера других возбуждает веру и у пастыря. Посредствуя между паствою и Господом на соборной молитве, пастырь лично чувствует общую собранность духа, что движет его дерзновенно просить у Господа милостей для чад духовных во имя любви и веры их.

О подъеме субъективной пастырской психики на общественных церковных собраниях прекрасно высказывается Златоуст, говоря: “Чего не может получить тот, кто один молится сам за себя, то он получит, молясь в собрании многих. Почему? Потому что если не его собственная добродетель, то общее единодушие будет иметь великую силу... Соединимся поэтому друг с другом, свяжем себя взаимно узами любви”¹⁴⁸. Бог тронется совокупною молитвою не ради многочисленности совершающих ее, но ради добродетелей веры и любви многих.

Благодатность соборной молитвы.

Собственно, последнего объяснения причины истинно богоугодного воодушевления пастыря следует искать именно в Боге и благодати Его. Где благодати возможно наитствовать, там она и является. Настроение же веры, любви и смирения наиболее благоприятно ее нашествию. Когда приходит Господь Единица в души, тогда исчезает количество душ, соединенных в один дух.

¹⁴⁴ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 604.

¹⁴⁵ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 235.

¹⁴⁶ Там же. С. 238.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 604.

Следовательно, глубочайшая основа пастырского воодушевления и дерзновения кроется в таинственном действии благодати Божией и содействии пастырю религиозного подъема верующих, соборно молящихся с ним Богу. Среди прихожан, скорбящих, но горячо верующих и объединенных духом любви, и сам пастырь растет духом ревности. Особенно в моменты войн, эпидемий, засух и тому подобных бедствий, где молитва за народ явно для него самого приобретает силу особенную пред Богом. Об этом свидетельствуют ему часто те, за которых он молится. Даже отцу Иоанну Кронштадтскому мысль о действенности его молитвы в первый раз была подсказана одной скорбящей женщиной, просившей его ходатайства о ней пред Богом. Отец Иоанн сначала отказывался исполнить ее просьбу по смирению, но, убежденный ее просьбой и верою, приступил с пастырской молитвой к Богу и был услышан. Впоследствии, чем больше от него просили молитв и чем больше он видел скорбей, тем более разгорался огонь его молитвы, воспитываемый Церковью. Подобно тому и рядовой пастырь может побуждаться к дерзновению — то исключительностью момента молитвы, то верой просителей и смиренным чувством своего сердца. Если в нужное время он не находит в себе силы дерзновения, то и в данном случае он не должен отказывать просителям в ходатайственной, хотя бы в спокойно благодатной, молитве. Молиться за руководимых им, безусловно, обязывает пастырское положение. Результаты же своего ходатайства пред Богом он пусть всецело предаст воле Божией. Господь иногда чудотворит ради одних пламенно верующих, которые просят пастырского посредничества, и даже за их веру вознаграждает и самого пастыря-ходатая.

Чрез молитву за других у пастыря явно растет любовь к пастве, крепнет собственная вера и, таким образом, труд его вознаграждается сторицею (см.: 2 Тим. 2:6). Применительно к этому Лествичник пишет в 28-м слове: “Если кто-нибудь просит тебя помолиться об нем, то, хотя ты и не стяжал еще дара молитвы, не отрицайся. Ибо часто вера просящего молитвы спасет и того, кто молится об нем с сокрушением сердца”¹⁴⁹. “Никогда не переставай, — пишет тот же Лествичник уже прямо к пастырю, — очищать души и... тела оскверненные, чтобы ты мог с дерзновением искать у доброго Подвигоположника венцов не только за труды о себе, но и за души других. Видел я одного немощного, который, укрепившись верою, очистил немощь другого немощного, помолвившись за него с похвальным бесстыдством и положив душу свою в молитвенном подвиге за душу ближнего... чрез исцеление ближнего он исцелил и самого себя. Видел я и другого, который сделал подобное этому, но с возношением; и ему сказано в обличение: *Врачу! Исцелися сам* (ср.: Лк. 4: 23)”¹⁵⁰.

Отец Иоанн Кронштадтский также напоминает пастырю: “Везде и во всякое время помни о спасении людей Божиих, и стяжешь великую себе благодать Божию”¹⁵¹.

Смирение пастыря-ходатая о пастве.

Ему необходимо избегать самомнения, если Господь услышит его молитву и дарует просимое, и сознавать во всех чудесах действие благодати и милости Божией. Собственно, только одни истинно смиренные пастыри получают от Бога дар чудотворной молитвы, как способные употреблять его безопасно для своей души. Немощные же, не вмещающие высоты дара, удостаиваются меньшей силы молитвы, и притом скрытой от собственного наблюдения. Отсюда общее для пастырей правило таково: заметивши плод своей молитвы, следует немедленно самоукорением смирять себя. “Не возносись, — пишет Лествичник, — когда ты молился о других и был услышан, ибо это вера их подействовала и совершила”¹⁵².

Так общий нравственный подъем, смирение, любовь к людям и вера пасомых являются в совокупности главными факторами, при наличии которых пастырь приобретает от Бога дар дерзновенной посреднической за паству молитвы. Частный путь воспитания каждым пастырем личного молитвенного настроения можно представить в следующих подробностях.

Путь воспитания молитвы.

¹⁴⁹ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 238.

¹⁵⁰ Там же. С. 264.

¹⁵¹ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 267.

¹⁵² Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 238; ср.: Там же. С. 261.

Божия благодать и воля человека в молитве.

На ниве Христовой истинные пастыри-молитвенники, к сожалению, довольно редки. Молитвенный подвиг сам по себе труден и встречает препятствия к своему осуществлению в человеческом несовершенстве, с одной стороны, и, с другой — в отвлечениях от Бога, производимых врагом человеческого рода.

Первым соиздателем молитвы, в объективном смысле, является благодать Божия, а субъективная причина молитвенных успехов лежит в свободных человеческих усилиях молиться. Господь дает *молитву молящемуся* (1 Цар. 2:9) и просящему молитвенного дара. Ищущий навыка богоугодно молиться должен усердно просить о том Бога. “Молитва,— по словам преподобного Мелетия Исповедника,— учителя не требует, но тщания, но рачения и особенного усердия; и бывает *учителем ее Бог*”¹⁵³. “Будь мужествен во всех случаях,— внушает также Лествичник,— и Сам Бог будет твоим учителем в молитве”¹⁵⁴. Нельзя словами научиться зрению, поскольку это есть природная способность.

Так и “благодение” молитвы нельзя познать от одного учения, потому что молитва в самой себе имеет Учителя — Бога, *учащего человека разуму* (ср.: Пс. 93:10), *дающего молитву молящемуся* (ср.: 1 Цар. 2:9).

Очевидно, Господь сообщает благодать молитвы за подвиг и глубокое старание человека выразить со своей стороны все зависящее принуждением себя ко внешней и внутренней молитве.

Жаждающим получить и удержать благодать молитвы в конце концов свыше дается горячность духа в молитвенных обращениях к Богу.

“Сколько есть сил, — учит преподобный Макарий Египетский, — да принуждает себя христианин постоянно пребывать в молитвах”¹⁵⁵. Постепенно труд обратится в легкую привычку по благодати Божией. “Господь, видя такое его христианина произволение... сотворит с ним милость Свою... исполняя его Духом Святым. И таким образом без принуждения уже... всегда будет он в самой истине исполнять заповеди Господни, лучше же сказать, — Сам Господь совершит в нем заповеди Свои”¹⁵⁶, усовершит и молитву его.

Дар молитвы для привлечения к подвигам.

Несмотря на изложенный закон молитвенного подвижничества, нередко горячая молитва промыслительно делается уделом и не особенно высоких подвижников ради их большего привлечения к Богу. Так как они не в состоянии удерживать столь высокий дар, то благодать высокой молитвы вскоре от них отстывает, сообщив им опыт блаженной жизни в Господе.

О временном молитвенном даре говорится у преподобного Макария Египетского в таких словах: “Если кто, не имея молитвы, молитвенного дарования от Бога, принуждает себя молиться... то иногда по прошению его дается ему благодатная молитва, даже отчасти в упокоении и веселии”¹⁵⁷. Эта молитва не может удержаться долго, потому что у такого человека недостает зрелой любви к Богу, ни должного смирения от превозношения особенным даром, ни простоты, ни благодати к людям, которая охраняет полученные дары и питает их. Поэтому Господь скоро отнимает душевную молитву, дабы человек почувствовал ее ценность и сначала сделал себя способным сохранить дар. “Каждому, кто приневоливает и нудит себя... к молитве, надобно также принуждать себя и к любви, и к кротости, и ко всякому терпению”¹⁵⁸ и прочим добродетелям. В противном случае человек “утрачивает... благодать, или приемлет и падает, или не преспеивает от высокоумия”¹⁵⁹. Особенно важно ищущему совершенной молитвы — смирение, потому что “смиранный никогда не падает, да и куда ему пасть, когда он ниже всех?”¹⁶⁰

¹⁵³ Цит. по: *Игум. Тихон (Ципляковский)*. Святое, высокое служение иерея Божия (мирянина и монаха) — добровольное мученичество. М., 1894. С. 74.

¹⁵⁴ *Прп. Иоанн Лествичник*. Лествица. С. 255.

¹⁵⁵ *Прп. Макарий Египетский*. Духовные беседы, послание и слова... С. 357.

¹⁵⁶ Там же. С. 358.

¹⁵⁷ *Прп. Макарий Египетский*. Духовные беседы, послание и слова... С. 358.

¹⁵⁸ *Прп. Макарий Египетский*. Духовные беседы, послание и слова... С. 358–359.

¹⁵⁹ Там же. С. 359.

¹⁶⁰ Там же. С. 360.

Напряжение к общей чистоте.

Необходимость для успеха в молитве общего нравственного подъема, сверх прямого напряжения в молитве, видна сама по себе. Молитва есть общение с Богом, требующее вместе с верой — чистоты сердца и усилий воли. Она стоит в связи с состоянием всей верующей души. Отсюда естественно вытекает необходимость для несущего подвиг молитвы во всем добром — напрягать себя в свою меру вопреки желаниям сердца и лености плоти. Это напряжение не должно выходить за границы возможности, ни соединяться с порывом в мир созерцаний души, не укрепившейся еще в исполнении заповедей Господних. Неумеренное напряжение сменяется обычно реакцией, доходящей до отвращения к духовным вопросам, до болевых физических ощущений во время мышления о высоких предметах и, наконец, до окончательного умоиступления. Подобная реакция, хотя бы и в слабых проявлениях, расслабляет духовную жизнь ревнителей молитвы и ведет их к унынию, сердечной чувствительности, отчаянию, неверию и даже к разврату. В обучении молитве лучше идти несколько медленнее, чем хотелось бы, но безостановочно. Кто же из подвижников берется за непосильное “делание,” тот лишается всего приобретенного дотоле долгим трудом.

Известную постепенность в подвиге молитвы пастырь должен и сам хранить, и других наставлять к тому же, стремясь быть при этом добрым, смиренным, терпеливым, чистым и простым. “Тем, которые по духовному младенчеству, — учит преподобный Макарий Египетский, — не могут вполне посвятить себя любви духовной, надлежит принять на себя служение братьям с благоговением, с верою и со страхом Божиим и служить как Божией заповеди”¹⁶¹.

Впрочем, современному пастырю опасны не столько передержки в напряжении молиться и увлечение мистикой, сколько равнодушие и теплохладность в молитве. Ему следует беречь каждую возможность помолиться в храме или дома.

Как будто, на первый взгляд, одно внешнее хождение в храм мало развивает молитвенный дух. Но если взглянуть на дело глубже, то окажется, что слияние души с молитвой Церкви все более и более раскрывает душу пастыря в молитвенном отношении. К церковной молитве обычно подготавливает его выполнение домашнего молитвенного правила, о чем скажем ниже.

Молитвенное правило. Цель правила.

В пастырском словоупотреблении термином правило обозначается Чинопоследование ко Святому Причащению. Оно состоит из нескольких канонов, акафистов и молитв пред Причастием. Вычитка перечисленных молитвословий с пониманием и сердечным чувством подготавливает пастыря к совершению Литургии. Правда, молитвенно настраивает его, помимо правила, и предшествующее Евхаристии богослужение и сама Литургия. Но правило ко Причащению особенно близко направляет его мысли и чувства к сознательному благоговейному совершению Бескровной Жертвы. Канон и акафист Спасителю в правиле ставят совершителя Таинства Евхаристии как бы на суд Самого Господа и в сознание величия богообщения для причастника. Канон и Последование ко Святому Причащению еще глубже погружают пастырскую душу в созерцание значения Тела и Крови Христовых, восприемлемых каждым верующим человеком. Прочие каноны из правила влияют подготовительно на пастыря — каждый в своем роде. Канон Божией Матери оживляет мысль его о Боговоплощении, Ангелу Хранителю и святым дня — усиливает сознание личной греховности и недостойного дерзания на Причащение.

Ввиду своего очевидного значения правило должно быть выполняемо каждым литургисающим пастырем прежде совершения Таинства. По вопросу о форме и нормальном объеме правила говорит собственно Литургия. Она рассматривает все редакции, состав, время и место происхождения уставов о правилах. Пастырское богословие ограничивается в данном отношении лишь психологически основательным разбором взглядов о количественной норме вычитываний пред Литургией, настраивающих пастыря в должной мере к священнодействию.

Чины правила.

Первоначально церковные уставы, а в том числе и правила, слагались в цветущий период жизни монастырей. Тогда норма их была установлена, естественно, высокая. Когда же монашество, духовенство и миряне стали понижать молитвенную сторону своей жизни, то уставы склонились к сокращению обязательных молитвословий, подлежащих вычитыванию пред Таинством Евхаристии. Благодаря этому возникли разночтения по поводу, например, чтения акафиста Божией

¹⁶¹ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы, послание и слова... С. 376.

Матери. Один устав считает для готовящегося ко Причащению вычитывать акафисты Спасителю и Божией Матери всякий раз неукоснительно. Второй устав обязывает непреложно читать акафист Божией Матери только в субботу. Третий совсем умалчивает об акафистах, кроме акафиста Божией Матери под субботу. Уставные разногласия, касающиеся количества обязательно вычитываемых пастырем акафистов и канонов, характерны тем, что свидетельствуют о приспособлении уставов к наличной церковной жизни. Хотя этот не dogmaticкий вопрос регулируется многообразно, тем не менее здесь недопустима полная неопределенность границ личной свободы. Выходом из такой разноречивости суждений может быть избрание законом какого-то среднего пути молитвы пред Причащением. На Валааме от причастника требуется, кроме выслушивания уставных, предлитургийных служб, чтение и слушание на повечерии трех канонов: Спасителю, Божией Матери, Ангелу Хранителю — и одного акафиста по выбору. То же правило было принято Саровской пустыней и Рижским Свято-Троицким Сергиевым монастырем. Каноны седмичным святым в монастырях прочитываются за утреней, в своем месте. В приходах они выпускаются. Поэтому Известие учительное поставляет приходскому пастырю в обязанность присоединять канон седмичным святым.

Валаамский устав.

Приведенный Валаамский устав наиболее рационален. Сокращение его до простого чтения одних трех канонов нежелательно, так как не создает достаточной подготовки у причастника к Таинству. На чтение акафистов Спасителю и Божией Матери затрачивается, сравнительно, мало времени, а умиленное влияние их на душу огромно. Частое повторение сладчайшего имени Иисус и имени Божией Матери вводит читающего в живое общение и отношение к Спасителю и Богородице и сосредоточивает внимание на высоких истинах Домостроительства Воплощения.

Опасность сокращений правила.

В настоящее время ревнителей увеличения правила крайне мало, и приходится больше опасаться за сокращение пастырями даже умеренного правила. Конечно, чрезвычайная усталость, вопиющая болезненность, спешность и другие основательные мотивы могут служить некоторым извинением опущений. Но когда несоблюдение правила переходит всякие границы и нормы и когда пастыри ради экономии времени в течение вечерни и утрени безотрывно в алтаре читают уставное последование, тогда они перестают быть посредниками верующих в храме, их возгласы, механические и краткие по чину службы, Господу неуютны и молящихся не воодушевляют, а в самих произносящих оставляют чувство сердечной скованности и безблагодатности.

Пастыри в городах делают еще хуже. Они не только вычитывают за богослужением лишь три канона, но иногда ничего не вычитывают. В этом откровенно признаются сами опустившиеся священники. Известие учительное предусматривает беспорядочность, но только в исключительных случаях. Здесь мы читаем: “Аще же в нуждных иерей человеческому спасению духовных вещей себе упражняя, сиесть, слушанием исповеди больных или здравых, или Причащением, или Крещением больных, времени же приспевающе Божественныя службы, правило оставити принужден будет, не согрешит”¹⁶². Но и в этом случае, как читаем далее в Известии учительном, пастырь “по Божественней Литургии оставленное все да совершит: молитвы же ко Причащению неотложно да глаголет пред Литургией”¹⁶³.

С точки зрения приведенного указания не в меру ревностны те пастыри, которые отказываются литургисать для собравшегося народа без чтения правила, когда предварительно были заняты Исповедью и неотложными требами. Они вправе завершить чтение после Литургии. С другой стороны, опущение по усталости от домашних дел или по одной лени подводят преступно небрежных пастырей под Божие осуждение. Если им непосильно даже сокращенное чтение трех канонов, то они могут отлагать часть до утра, но вычитывать положенное неопустительно.

Безответственное, неблагоговейное отношение к церковному чинопочтению понижает пастырское молитвенное воодушевление. От невозгревания святых чувств правилом в душах распушенных пастырей постепенно гаснут последние искры молитвенного настроения.

¹⁶² Известие учительное // Служебник. 5-е изд. СПб., 1903. С. 490.

¹⁶³ Там же.

Искушения на молитве.

Развитию способности молиться препятствует не только сознательно беспечное отношение к правилам, но и частое демоническое искушение. Душу молящегося пастыря, как и всякого христианина, нередко обуревают всякие помыслы. Источник их, по свидетельству подвижников,— козни злых демонов. “У кого попечение о большем добре,— говорит преподобный Макарий Египетский,— того большему искушению подвергает лукавый”¹⁶⁴. У таких лиц часты внезапные “сон, уныние, тяжесть в теле, преобладание помыслов, непостоянство ума, расслабление и прочие начинания злобы, а потом скорби и восстания самих лукавых духов... не допускающих приблизиться ко Христу душу, которая поистине непрестанно взыскует Бога”¹⁶⁵.

Поддаваясь описанным искушениям совне, пастыри начинают разрешать себе непозволительное невнимание к правилу. Они оправдывают свои ощущения переутомлением, болезненностью, откладывают чтение на утро и даже на другой день. Что здесь явное искушение, легко проверить. Действительное изнеможение готовящегося ко Причащению остается и даже увеличивается и при решимости прочитать правило. Но если это искушение, то при некотором напряжении исполнить положенное мнимая сонливость пропадает.

Советы о правиле.

Во избежание небрежности и искушений опытные пастыри советуют в селах часть правил читать непосредственно после повечерия в самом храме. В городских церквях, где бывает всенощное бдение, можно читать правила пред богослужением, а вечерние молитвы пред сном. В крайнем случае можно чтение всего правила перенести на утро, если до Литургии достаточно времени вычитать его.

Борьба с механической вычиткой.

Среди пастырей встречается много лиц, допускающих особый компромисс в угоду своей лени: это — вычитывание правила механически. Им страшно опуститься до полного нечувствия и беспечности, но и нежелательно молиться принудительно. Они, в виде выхода из положения, избирают путь формального исполнения требований Церкви. С этой целью читают положенное маломысленно, холодно, быстро и без напряженного внимания и чувств. Привычка так относиться к правилу делает их буддийскими, своего рода молельными, “мельницами.” Это опасно для вращающихся непрерывно в области молитвенных правил. Избавиться от полумертвого, механически равнодушного отношения к правилам нельзя иначе, как только напряжением внимательно молиться, несмотря на нежелание сердца. Благодать Божия не содействует нерадивым. “Внемли, о иерей Божий!— говорит отец Иоанн Кронштадтский.— Тебе приходится часто разглагольствовать с Богом по готовым молитвенным образцам, да не ульстиши языком твоим, устами говоря одно, а на сердце имея другое или говоря и не сочувствуя тому, что говоришь... Смотри, помни: великое дело беседовать с Богом, непрестанно на нас взирающим... Помни: за все Бог будет судить тебя... Внемли, внемли себе, своим помышлениям сердечным, о иерей Божий”¹⁶⁶.

При этом отец Иоанн дает замечательный практический совет, основанный на опыте: “Когда совершаешь молитву, правило, особенно по книге, не спеши от слова к слову, не прочувствовавши его истины, не положивши его на сердце, но сделай и постоянно делай себе труд *чувствовать сердцем* истину того, что говоришь; сердце твое будет противиться этому — иногда леностию и окамененным нечувствием к тому, что читаешь, иногда сомнением и неверием, каким-то внутренним огнем и теснотой, иногда рассеянностью... не будь тогда самолюбив, побеждай сердце твое, дай его Богу в жертву благоприятную: *Дажь ми, сыне, твое сердце* (Притч. 23:26) — и твоя молитва сроднит, соединит тебя с Богом... Тебе хочется скоро кончить молитвенное правило, чтобы дать покой утомленному телу? Сердечно помолись — и заснешь самым спокойным, тихим и здоровым сном. Не поторопись же помолиться кое-как: выиграешь на полчаса молитвы целых три часа самого здорового сна”¹⁶⁷. “Допустивши молитву нерадивую, не от всего сердца,—

¹⁶⁴ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы, послание и слова... С. 373.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 352–353.

¹⁶⁷ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 198.

не заснешь... пока не выплачешь своего греха пред Богом. Не со всеми, впрочем, это бывает, а с усовершившимися”¹⁶⁸.

Божий гнев на небрежных к молитве.

Теплохладных пастырей никогда не мучит ни их теплохладная, механическая молитва, ни сокращенная без уважительных причин. Чрез это они собирают себе осуждение в День гнева. “Если кто молится Богу просто, как попало, будто мимоходом, без страха... для того молитва несет ущерб... он терпит... вред, гнев Божий, отвращение Божие, изгнание Божие... гораздо лучше бы было для такого, если б он совсем не молился... нет большего греха, как молиться Богу с презрительным небрежением”¹⁶⁹.

Попустительные очерствения.

Иногда пастырская холодность в совершении богослужбных и частных молитв и правил происходит независимо от воли молящегося пастыря. Он, несмотря на все душевное напряжение, только понимает читаемое, но сердечно не в состоянии его прочувствовать. Это очерствение сердца может вызываться искушением, по попущению Божию, может производиться житейской суетливостью пред молитвой и другими исключительными причинами.

Невольную омертвелость необходимо терпеть без смущения, тщательно исполнять положенное правило, а остальное предоставить Божией воле. От человека Господь требует лишь возможного усилия, а плоды молитвы являются единственно по Божией милости и дару. Святые Отцы даже запрещают искать молитвенной теплоты во избежание прелести или уныния. Наша обязанность и долг пред Спасителем — с усиленной ревностью совершать свое правило без чаяний особенных состояний. Если нечувствие происходит не от небрежности, а от утомления, тогда лучше помолиться кратко и горячо. “Если же продолжительная молитва несовместима с горячностью духа, — учит отец Иоанн Кронштадтский, — лучше сотворить краткую, но горячую молитву. Припомни, что одно слово мытаря, от горячего сердца сказанное, оправдало его... Главное дело — живая вера сердца и теплота раскаяния во грехах”¹⁷⁰. Только (в случаях сокращений правила) следует блюсти осторожность и не оправдывать послаблений ложными мотивами лукавой воли. Исключения подобного рода, по мысли епископа Феофана Затворника, допустимы только духовно окрепшим лицам, а не начинающим спасаться.

Ученая работа не заменяет молитвы.

Некоторые пастыри, извиняя свою холодность к домашней молитве, говорят, что молитвой является всякая добрая деятельность во имя Божие и что ученые и учебные занятия служат им заменой молитвы в узком смысле слова. Такое понимание — произвольно, несовместимо с опытом святых Отцов и истинных молитвенников. Правда, добрые дела во славу Божию, с памятованием Его имени, могут быть названы молитвенным состоянием, но они легче в большинстве случаев творятся, чем чистая молитва. Богословствовать о высоких истинах веры, читать слово Божие и святых Отцов, заниматься также совершением тех или иных добрых дел можно долго и без особенного труда. А молиться — в собственном значении этого слова — значительно труднее, так как тогда неожиданно охватывают душу молящегося лень, расслабление, рассеянность и нередко сонливость. Действенность молитвы выше действия всяких добрых занятий уже по одному тому, что молитва поставляет человека в непосредственное отношение к Богу, после чего иногда наступают великие утешения совести. “Тот, кто предпочитает больше сидеть за чтением, нежели научиться молиться как должно,— по словам преподобного Симеона Нового Богослова,— находится в *прелести*... таковой — бесчувствен”¹⁷¹. В силу этого высокие молитвенники не попускали себе отрываться от молитвы ни для каких, хотя бы и добрых, дел. Подражая им, пастырь имеет право оставлять домашнюю молитву ради любви к ближним только в действительно важных случаях. Внимательное отношение к молитвенным упражнениям постепенно вводит его в подлинный дух молитвы. Следы этого развития наиболее ярко выступают в силе соборной молитвы.

¹⁶⁸ Там же. С. 21.

¹⁶⁹ Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 77, 78.

¹⁷⁰ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 416–417.

¹⁷¹ Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 75.

Уставность и приемы пастыря в общественной молитве.

Общественная молитва обычно возносится к Богу пастырем, предстательствующим пред Богом от лица верующих. Долг пастыря — держаться на молитвенно-богослужебных собраниях, в той или иной мере, церковной уставности.

В городских и сельских храмах уставность, за малыми исключениями, совершенно игнорируется. Богослужебный чин всюду количественно сокращен до крайности, и самое понимание принципа уставности в приходских наших храмах почти утрачено. Еще Литургия везде совершается одинаково по невозможности изменить ее. Зато прочие службы, начиная с вечерни и утрени, превратились в приходах буквально в какие-то схемы, остовы без церковно-художественного и неисчерпаемого богатого содержания. Приходские пастыри оставляют неизменяемую часть названных служб неприкосновенной. Постоянно же меняющиеся стихиры, каноны, кафизмы, антифоны, евангельские стихиры, то есть всякие новые заимствования из Октоиха, Миней и Триодей, ими почти всецело опускаются. Между тем именно изменяющаяся богослужебная часть разнообразит, одушевляет богослужения и настраивает молящихся каждый раз своеобразно. К сожалению, постоянные богослужебные части теперь выдвинуты на первый план как удобные для концертных и сольных исполнений, вызывающих у предстоящих эстетические, но никак не молитвенные чувства. Истинно религиозному человеку такие безуставные службы тяжелы и даже подчас невыносимы.

Пастырями забыта одна основная литургическая истина, что собственно стихиры, антифоны, подобны и другие изменяющиеся богослужебные молитвы необыкновенно украшают и разнообразят церковные службы. Положенные для них превосходные по красоте напевы вполне соответствуют их содержанию. Своим исполнением они не отвлекают внимания от слов, а приковывают к ним. Уставное чтение и пение придают богослужебному чину невыразимую трогательность и истовость. А длительность службы при этом становится незаметной и неумотительной.

После таких богослужений все выходят молитвенно одушевленными и исполненными глубокого назидания. Церковный устав, например, делит службы святым, сообразно значению их подвижничества для Церкви, на службы с бдением, полиелеем, великим славословием. Теперь, когда от устава остались одни рамки, нельзя усмотреть всей мудрости и красоты церковных установлений. Восстановление стихир святому за утреней на “Хвалитех” и заканчивание службы великим славословием вызывает особое праздничное чувство. Еще торжественнее настраивают полиелейные богослужения — с уставными чтениями из святых Отцов, Прологов, Синаксарей. Богатое молитвенное разнообразие в общественном богослужении отражается и внешне: неодинаковым освещением храма, различием цвета церковных облачений, например зеленых преподобнических (символ мирного подвига среди пустынь и зеленых лесов), красных мученических (символ страданий), голубых и белых богородичных (символ лазурного неба и девственной чистоты), золотых Господских (символ торжества). Уставом разнообразится, согласно дням года и праздникам, также употребление пищи, — то постной, то с разрешением вина, еляя, рыбы и прочее. Все это, взятое вместе, создает характерный и глубоко интересный церковный быт. Придерживание его условий делает весь церковный год сплошным таинством веры, благодатно настраивающим и пастыря, и его паству.

“С какой любовью материнскою... — замечает отец Иоанн Кронштадтский, — Церковь ежедневно как бы носит нас на руках своих, вознося о всех нас непрестанные молитвы ко Господу — вечером, в полночь, утром и около середины дня... Блаженны те священнослужители, которые понимают эту любовь и это попечение Церкви о спасении чад ее и стараются усвоить дух ее, жить этим духом... в Церкви и вне ее... которые со вниманием сердечным и с благоговением совершают молитвы, песнопения и священнодействия церковные, памятуя, что чрез все это спасаются и они сами, и паства их”¹⁷².

Забвение уставности пастырями сравнодушивает верующих к службам или, в худшем случае, приучает их довольствоваться певческими концертами. В заботах о молитвенной стороне богослужения всякий пастырь должен обратить внимание на богослужебную уставность. Конечно, устав догматического значения не имеет. Его цель — удовлетворять идеальной религиозной психологии приспособительно к наличному состоянию молящихся. Не люди для устава, а устав для них.

¹⁷² Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 107.

Поэтому пастырь, организатор уставных служб, обязан считаться с человеческой немощью. На первых порах применения устав может быть утомителен, скучен, непонятен и чужд духу, и вводить его целесообразнее всего умеренно и постепенно. Хорошо начать бы с ограничения партесного пения за счет увеличения пения стихир и чтения части канонов. Придерживаться устава следует твердо, но без чрезмерного ригористического удлинения. Иначе молящиеся начинают отягощаться, раздраженно роптать и неодобрительно отзываться о пастыре-уставщике, говоря: “Всем он хорош, да уж очень долго служит... заморит совсем!” Без приспособления устава к силам верующих обойтись никак нельзя, как показывают примеры Златоуста и Василия Великого, сокращавших Литургии ради немощных. Где положить предел приспособлениям, сказать трудно. Искренно молитвенное настроение пастыря и рассудительность сами подскажут ему меру возможного приближения к уставу.

Посильное осуществление этой задачи увеличит посещаемость храма верующими и вызовет любовь к богослужениям, истово и молитвенно совершаемым. Когда читающие и поющие в храме переживают произносимое и пастырь делает возгласы в чувстве живого общения с Богом, тогда количественное расширение богослужения вместе с качественным совершением его облегчает утомление молящихся и возрождает любовь к уставности.

Надобно сознаться, что богослужение у нас выполняется далеко не всегда безупречно. Долг пастыря — заботиться о том, чтобы пение и чтение в храме было разборчивым, — не торопливым и не растянутым, и чтобы верующие правильно полагали на себя крестное знамение. К сожалению, духовная слабость, теплохладность, многозанятость, чрезмерная суетливость увлекают очень многих пастырей к механическому произношению богослужебных молитв и возгласов, в котором не слышится живого отношения к Богу и сердечного участия. Когда поверхностное служение не затрагивает пастырского сердца, тогда создается впечатление, что пастырь служит не для Бога, а по нужде и обязанности. Подобная механичность охлаждает молящихся, и от их чутких душ пастырь никак не скроет своего холода.

Учитывая это, некоторые пастыри пытаются восполнить недостаток настроения искусственно. Для этого они прибегают к драматизму служения: читают молитвы разговорно, а не речитативно, сгущают выразительность подчеркиванием известных слов, задерживают или ускоряют произношение, пользуются голосом, то усиливая его до громогласного возвышения, то ослабляя слащаво до полного понижения и едва слышного затихания. Все это применяется для возбуждения молитвенного настроения предстоящих. Свободное от возгласов время пастыри в алтаре иногда проводят или в беседах с кем-либо, или в рассеянных думках о постороннем; случается даже, что, в скуке дожидаясь нового возгласа, они позволяют себе сквозь переплет Царских врат определять количество и состав присутствующих в храме.

Искушение драматизировать служение прельщает многих священнослужителей, обладающих красивым и сильным голосом, и увлекает не только тщеславием, но иногда и добрым желанием послужить Богу и ближним естественными своими дарами. Драматизм безусловно недопустим из тщеславных мотивов. Он греховен, отгоняет Божию благодать и сокровенно отражается на служителях неблагоприятно. Что касается драматического служения из добрых мотивов, то оно как выражение надежд на естественное дарование ставит за богослужением в центр всеобщего внимания пастырскую личность — вместо Господа. Манера драматизации обычно применяется лицами, увлеченными искусством и самомнением. Здесь выступают рельефно тонкий вид самонадеянного тщеславия и усилие показать себя, что, безусловно, препятствует воздействию Божией благодати.

Требование от пастыря надлежащей скромности служения в храме не означает того, что он должен служить безразлично, монотонно и нетщательно. Он может использовать в данном случае и дар голоса, и дикцию, только перенесши центр своей души к Источнику молитвы — Богу. При наличии молитвенного настроения и голосовых способностей ему не вменяются в грех тщательность и звучность произношения, чуждые приторно-фальшивой искусственности. Главное для него — хранить благодатное состояние духа, да совершается священнодействие во славу Божию. Кто из пастырей обуздал порывы личного тщеславия, тот с сыновней свободой и благоговейным дерзновением, конечно, может за общественными богослужениями употреблять естественную выразительность речи и красоту голоса.

Встречаются в пастырской среде иногда явления, обратные указанным выше. Некоторые пастыри в храме служат чрезмерно робко и застенчиво — то в силу вражеского искушения, то под влиянием скрытого тщеславия. “Когда смущение и какое-то бессилие сердца, — учит отец Иоанн Кронштадтский, — препятствуют тебе произносить... слова молитв, тогда сочти это смущение и

бессилие за мечту вражью (демонскую), отбрось уныние, малодушие и робость и о имени Господни говори не торопясь, спокойно и намеренно громче,— и ты одолеешь смущение и бессилие и получишь бодрость и силу. Верующему и уповающему все возможно. Надо бороться и побеждать”¹⁷³.

Следовательно, основными чертами пастырского настроения во время богослужения должны быть — смирение и молитвенность, а все остальное маловажно. Потому Православная Церковь во избежание всевозможных соблазнов и узаконила ровное, речитативное, хотя и выразительное служение. Собственно, драматизм наиболее свойствен католическому и протестантскому служению, особенно американскому. Сентиментальное искусничанье и вольность католических ксендзов и лютеранских пасторов решительно противоречат смиренно-благоговейному духу Православия.

Нельзя отрицать того, что у нас, православных, бывали исключительные примеры (отец Иоанн Кронштадтский) особенного служения. И Православие не запрещает некоторой пастырской индивидуальности при совершении общественной молитвы. Но оно приняло и норму общеобязательную, тон служения прочувствованно ровный, спокойный и смиренный, благотворно влияющий на молящихся. Наоборот, искусственно возбужденное настроение пастыря в служении нервирующе действует и на богомольцев. Драматизм мешает спокойно молиться. Если источник мирной молитвы лишь в благодати Божией, то православный пастырь обязан всегда заботиться о спокойном, благодатном настроении пасомых и, со своей стороны, устранять все то, что их могло бы смущать, тревожить и развлекать.

Таким образом, в теле церковной уставности душою необходимо считать благоговейное, мирное настроение пастыря и паствы.

Пастырская любовь.

Пастырю никогда нельзя утрачивать духа любви.

Пастыря-молитвенника нельзя представить себе без одушевления любовью к Богу и людям. “О иерей! — говорит отец Иоанн Кронштадтский.— Да будет существом души твоей непрестанная неотпадающая любовь.” Любить всех пастырю необходимо ежеминутно и ежемгновенно, молится ли он в храме и дома, совершает ли Таинства, вступает ли в общение с прихожанами, трудящимися, учащимися, со взрослыми или детьми. Настроение любви должно быть у него неотступным, особенно при совершении Божественной Литургии, которая вся есть Таинство бесконечной любви Божией к роду человеческому. “Истинного пастыря, — внушает преподобный Иоанн Лествичник, — укажет любовь, ибо из любви предал Себя на распятие Великий Пастырь”¹⁷⁴.

Быть любвеобильным пастырем — значит жить всецело для своей паствы, ставить ее всегда на первое место, а свою пастырскую личность забывать и считать себя лишь слугою и попечителем паствы. *Кто из вас больше,— учил Господь святых Апостолов, — будь как меньший, и начальствующий — как служащий* (Лк. 22:26; ср.: Мф. 20:26-27). Добрый пастырь, по притче Господней, о том только и печется, как бы напитать своих овец (см.: Ин. 10:10-11). Таким Добрым Пастырем был, прежде всего, Сам Спаситель, сказавший о Себе: *Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мф. 20:28; ср.: Мк. 10:45). Все пастырское Христово служение, в сущности, было *пасением овец*, *завершенным положением души за други* (ср.: Ин. 15:13) на Кресте.

Истинные преемники Господа Спасителя подобно Ему всю свою жизнь отдавали пастве. Для образца стоит вспомнить любовь к духовным чадам апостола Павла. Чувством любви он руководится во всех отношениях к пастве, обличает ли ее в проступках, убеждает ли к добру, одобряет ли в подвигах веры. Перечитывая его послания, можно видеть, как сильно он любил руководимых своих верующих. Дабы выразить силу своей привязанности к ним, он не только говорит о любви в превосходной степени: *Излишне вас любя* (ср.: 2 Кор. 12:15), но сравнивает ее с родительскою любовью, выше которой естественный человек ничего не знает. *Вы знаете,— пишет он к фессалоникийцам,— как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли* (1 Фес. 2:11-12). *Подобно тому, как кормилица нежно обходится с детьми своими, так и*

¹⁷³ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 386.

¹⁷⁴ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 256.

мы из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы сделали для нас возлюбленными (ср.: 1 Фес. 2:7-8).

И всякий истинный пастырь всецело живет любовью к пастве. После своего изгнания из Константинополя и по возвращении из него изгнания обратно в столицу, святой Златоуст в таких трогательных словах изображает свои чувства к пасомым: “Где я, там и вы; где вы, там и я: мы — одно тело; тело от головы и голова от тела не отделяются”¹⁷⁵. “Хотя бы разделяло нас друг от друга пространство, мы соединены любовью. Самая смерть не разлучит меня с вами...”

Вы мне — отцы, вы мне — мать, вы мне — жизнь, вы мне — друзья... Вы — мои граждане, вы — мои братья, вы — мои дети, вы — мои члены, вы — мое тело, вы — для меня свет... если вы преуспеваете, я буду радоваться. Вы — мой венец и мое богатство; вы — мое сокровище. Тысячу раз готов я принести себя в жертву за вас... я все делаю для вашего преуспевания... Вот в чем причина моих бедствий, и этого достаточно мне для получения венца”¹⁷⁶. “Я не могу быть отцом и не плакать; я — нежно любящий отец... Если бы можно было видеть жар внутри души моей, то ты увидел бы, что я сгораю от него более всякой жены или девы, подвергшейся преждевременному сиротству. Не столько жена плачет о своем муже или мать о сыне, сколько я о всех вас вообще”¹⁷⁷. “Я желал бы, если возможно, самым взором выказать ту любовь, какую питаю к вам... Для меня нет ничего дороже вас, — не дороже даже и этот свет. Тысячи раз я желал бы сам лишиться зрения, если бы только чрез это можно было обратить ваши души,— так спасение ваше для меня приятнее самого света. Да и что мне пользы от лучей солнечных, когда скорбь из-за вас наводит глубокий мрак на мои очи?... а для скорбной души он кажется даже тягостным. А что я не лгу, — в этом не дай Бог когда-нибудь убедиться на опыте!.. я со всеми буду спорить относительно того, что люблю вас, что я сроднился с вами, что вы для меня все”¹⁷⁸. “Я люблю вас так, что готов пролить кровь свою для вашего спасения”¹⁷⁹. Описанное настроение Златоуст считает прямой обязанностью всякого пастыря, а не чем-либо сверхдолжным, когда говорит о себе: “Я — отец... И это — не заслуга моя... а мой долг”¹⁸⁰. “Таков апостольский закон и заповедь Господа, говорящего: *Пастырь добрый душу свою полагает за овцы свои* (ср.: Ин. 10:11)”¹⁸¹.

Итак, у истинного пастыря личное “я,” так сказать, уничтожается и заменяется понятием “мы.” Пастырское, отзывчивое ко всем, настроение делается для паствы живым наглядным образцом, увлекающим ее любви. В то время как всякий простой мирянин, каясь и очищая себя от грехов, заботится более о самом себе и лишь часть своих забот вносит в любовь к ближним как средство преодоления себялюбия, у пастыря этот путь должен быть уже пройденным. Иначе он не в состоянии представить пастве руководящий образец к подражанию. Спаситель о Себе говорил Апостолам: *Любите друг друга, как Я возлюбил вас* (Ин. 15:12), *Я дал вам пример, чтобы вы делали то же самое, что Я сделал вам* (ср.: Ин. 13:15). Очевидно, у обычных пастырей любовь должна быть плодом всеобъемлющей заботы их о спасении паствы и вытекать из их душепопечения.

“Предстоятель... — замечает святитель Василий Великий, — должен не своими только добрыми делами ограничивать свою попечительность, но собственным и исключительным делом возложенного на него попечения почитать исправление вверенных ему людей”¹⁸². Характернейшей основой пастырского настроения надлежит считать именно преимущественную заботу о других и духовное им служение. Источник же, откуда происходит самая потребность и сила служить, есть, собственно, любовь. Она — душа внешних проявлений пастырского служения, способ их выражения и самая жизнь в других.

Только при любви пастырь способен жить в других и для других и объединяться со всеми, вплоть до своеобразного исчезновения в них. Все иные формы объединения и сближения людей — не глубоки и не всеобъемлющи. Так, поверхностно интеллектуальное объединение на почве идейной общности. Оно разрушается столкновением эгоистических интересов. Эгоистична также связь на основе своекорыстных и страстных целей. Наоборот, при любви пастыря, усвояющей себе интересы посторонних людей, их мысли, чувства и желания, открывается безбрежный простор пастырскому состраданию и сорадованию, сочувствию и одиночеству.

¹⁷⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. С. 446.

¹⁷⁶ Там же. С. 451, 452, 451–452.

¹⁷⁷ Там же. Т. 12. С. 195.

¹⁷⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 9. С. 41.

¹⁷⁹ Там же. Т. 3. С. 461.

¹⁸⁰ Там же. С. 440, 451.

¹⁸¹ Там же. С. 440–441.

¹⁸² Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 3. С. 389.

На высотах духовного совершенства самое существо любящего пастыря как бы проникает в любимых пасомых, и из многих взаимно любящих душ получается одна душа, или, говоря языком физики, образуется диффузия душ. Глубочайшую внутреннюю связь и объединение любви следует назвать необходимым духовным элементом настроения и влияния истинного пастыря. Он любовью живет в пастве так же, как мать живет в детях и чувствует их боли и радости острее собственных аналогичных состояний. Для изображения внутреннего общения пастыря и паствы апостол Павел применяет выразительные понятия *утроба* и *сердце*. *Уста наши отверсты к вам, Коринфяне,* — восклицает он в послании Коринфской Церкви, — *сердце (ή καρδιά) наше расширено. Вам не тесно в нас; но в сердцах* (греч. *έν τοιζ σπλάγχνοιζ*) *ваших тесно* (2 Кор. 6:11-12). “Как теплота расширяет (предметы), — говорит в объяснение приведенных апостольских слов Златоуст, — так и любви свойственно расширять (сердце)... она есть такая добродетель, которая и горяча, и разгорячает”¹⁸³. Поэтому пастырская любовь Самого Господа Спасителя определяется в Евангелии термином милосердовать (греч. *σπλαγχνίζομαι* от *τό σπλάγγχον* — *утроба, чрево, сердце*), то есть сжалиться над кем-либо или сочувствовать кому-нибудь самую глубиной сердца.

На основании сказанного понятно, почему верующие требуют от всякого пастыря любви как неперменного качества. Эгоистичность взаимоотношений простого верующего народа как-то не бросается в глаза с такой яркостью, как отсутствие любви в пастыре. По идее, пастырь должен жить в других, проникать в их души любовью, не только в Таинствах Церкви, но и в пастырском влиянии на них, где незримо также присутствует Господь. Пастырская благодать любви подобна некоторой посредствующей атмосфере. Она проникает от пастыря в сердца духовно любимых им и объединяет их с собою и взаимно друг с другом в Боге, как радиусы взаимно совпадают в центре круга. “Бог, — говорит святитель Василий Великий, — будучи Един, когда бывает в каждом, всех соединяет; и число исчезает с пришествием Единицы”¹⁸⁴. *Пребывающий в любви,* — свидетельствует также апостол Иоанн Богослов, — *пребывает в Боге* (1 Ин. 4:16). Вот почему люди верующие и любящие Бога после первой взаимной встречи вдруг чувствуют полное единство — независимо от разности положений, возраста и нации, национальности. Равным образом и пастырь после недавнего знакомства с пасомыми в состоянии их глубоко понимать и, по силе Божией, влиять на них. Присущее ему зиждательное начало, любовь, — Божественного происхождения. И когда она в пастырском слове воздействует на чью-либо душу, тогда здесь одновременно и явно содействует пастырю Сам Господь. Любовь заставляет пастыря относиться к руководимым с внутренней пронизательностью, а не с внешне дипломатической внимательностью. Он, любя всех во Христе, прежде всего обязан заботиться о других, а не о себе или, лучше сказать, внимать себе, живущему в каждом другом, и чутко прислушиваться к горю и радости лиц, открывающих пред ним свои сердца. Пасомым часто бывает достаточно рассказать своему духовному отцу личное затруднение, как они начинают уже чувствовать существенное облегчение и успокоение души. В момент выслушивания исповеди сердца иной пастырь не всегда найдет подходящий соответствующий совет и, по простоте, может выразить свое сочувствие одним вздохом или взглядом. Но любовь его тогда делается дороже всяких мудрых слов благодаря пониманию стороннего человеческого состояния. Путем проникновения в душу каждого любимого во Христе любящий пастырь, видя его настроение, объединяется с ним сердцем и остро переживает его созерцаемое состояние, переходя любовью от наблюдения к своего рода усиленному самонаблюдению.

Если какой-либо пастырь не сохранит настроенности открытой любви ко всем и подпадет влиянию ненависти, гнева и себялюбия в резких выражениях, то он мертвеет внутренне и становится сух к другим... Скорбную исповедь верующих он тяготится выслушивать и замыкается в себе, только видимо напрягается хранить любезность. В сердце же он делается равнодушным к людям эгоистом. Его интересы целиком обращаются тогда к себе, и жизнь других проходит мимо его сердца, задевая слегка лишь поверхность его сознания.

Вот почему пастырю никогда нельзя утрачивать духа любви. Чтобы он ни говорил кому, внушение его будет с любовью, хотя бы слова его выражали обличение и горькую правду. Его речь выслушивается тогда охотно, и он привязывает к себе пасомых еще крепче, чем приятной ласковостью. Наоборот, пастырское правдивое слово, но без любви и с раздражительностью сказанное, — малоплодно, чуждо слушателям, не проникает в их сердце и, больше того, нередко вредит делу. Хорошо выразился о вспыльчивых и раздражительных пастырях преподобный Иоанн

¹⁸³ *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 10. С. 591.*

¹⁸⁴ *Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 6. С. 33.*

Лествичник, говоря: “Несообразно видеть лисицу между курами; но еще несообразнее видеть пастыря гневливого. Ибо лисица губит кур, а сей смущает и погубляет разумные души”¹⁸⁵.

Пастырь должен глубоко запомнить ту истину, что одно и то же слово, но произнесенное им в различном настроении, оказывает противоположное действие на слушающих. “Если хочешь или думаешь, что хочешь вынуть сучец ближнего, — учит Лествичник, — то вместо врачебного орудия не употребляй бревна. Бревно — это жестокие слова и грубое обращение”¹⁸⁶. Доброе слово и злого человека может сделать добрым, а злое и доброго раздражить. Поэтому пастырю в состоянии зависти, гнева и злобы лучше молчать. Его наставления тогда, хотя бы они и казались ему необходимыми, могут принести вред. Особенно это необходимо учитывать при общении с нервными, душевно изломанными людьми, которые нуждаются только в ласковой кротости. К чрезмерно чутким людям, боящимся более всего за чувство собственного достоинства и самолюбиво подозрительным ко всем, полезно прикасаться только теплыми лучами любви. Лишь в этом случае они раскроются к пастырю вполне, не будут его опасаться и проявят к нему всецелое доверие.

Воспитание пастырской любви.

При количественном умножении речей о пастырской любви редко можно встретить настоящее понимание этого вопроса.

В “Отечнике” можно читать на эту тему такой рассказ: “Однажды авва Иосиф, слушая разговоры иноков об истинной любви, сказал: “Мы еще не знаем, что такое любовь. Но образец ее дал, например, авва Агафон, говоривший: “Если б возможно было мне взять тело у кого-либо из прокаженных и передать ему мое, то сделать это было бы для меня наслаждением”¹⁸⁷. Истинная любовь пастыря, живущего для других больше, чем для себя, также характеризуется силой самоотвержения и деятельной сердечностью. Если же он скуден любовью и ему свойственнее заботиться более о личном благополучии, то он отделяется от пасомых, мало знает их, и они обособленно живут от него, будучи духовно предоставлены самим себе.

Причины данного явления кроются в трудности добродетели по ее существу. Любовь представляет плод духовной жизни и лишь на конце подвига дается в полноте своих проявлений. Так учат преподобные Исаак Сирий, Макарий Египетский и Иоанн Лествичник. Преподобный Иоанн Лествичник поставляет любовь на последней — тридцатой ступени духовной лестницы, коротко замечая: “Любовь, бесстрастие и сыноположение различаются между собою одними только названиями”¹⁸⁸. Если эта “царица добродетелей” трудна вообще для всех, то для пастыря оказывается еще труднее. Миряне не отдают другим столько времени и сил, как пастырь, который, собственно, не вправе распоряжаться собою ни одного момента. От него все требуют напряженного внимания и любви и не удовлетворяются его холодно-деликатным отношением.

Источник пастырской любви к людям заключается в любви к Богу, ради чего всякий истинный пастырь подвизается в очищении себя от страстей. Из чистого сердца и истекают токи любви. “Чрез исполнение первой заповеди о любви к Богу, — говорит святитель Василий Великий, — можно преуспеть и во второй”¹⁸⁹. Опытно известно, что даже думы о Боге, чистые и сердечные, заставляют многих пастырей отказываться от эгоистических навыков и влекут к служению ближним. И чем более кто из них приближается к Богу, тем становится милостивее и сострадательнее. Без единения с Богом не может быть и прочной любви к людям. “Кто не любит Бога... — учит преподобный Макарий Египетский, — тот приложит ли правильно и без лести попечение о любви к братьям... Потому-то лукавый всеми мерами усиливается истребить в душах страх Господень и любовь ко Господу ослабить”¹⁹⁰. “Любовь духовная, — по словам Златоуста, — выше всякой другой любви... ничто земное не рождает ее... ни привычка, ни благодеяние... ни время; она нисходит свыше, с Небес”¹⁹¹.

Строго говоря, любовь при двух направлениях своих едина существенно. Направляемая к людям, она в очищении своем зависит от любви ко Господу. Божие же в людях есть богоподобие. Потому пастырь весь должен быть объят любовью к Богу и ближним, искупленным и

¹⁸⁵ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 260–261.

¹⁸⁶ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 91.

¹⁸⁷ Свт. Игнатий Брянчанинов. Отечник. С. 44.

¹⁸⁸ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 246.

¹⁸⁹ Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 5. С. 88.

¹⁹⁰ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы, послание и слова... С. 333, 336.

¹⁹¹ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 360.

совокупленным Христовою Кровию. Общее состояние его духовной жизни и степень его облагодатствованности определяют меру усовершенствования в нем любви. “Истинную любовь, — внушает святитель Василий Великий, — образует дар Духа... Господня благодать (дар) приводит любящего в совершенное единство с любимым”¹⁹².

По дару хиротонии дух пастырской любви (ср.: 2 Тим. 1:7), или способность жить в других, раскрывает себя сначала потенциально. Благодатию Божией пастырь обостряется сознанием долга заботиться больше о других, чем о себе. За нарушение данного требования совесть обычно карает нарушителя обличениями и угрызениями. С другой стороны, хиротония облакает пастыря чувством самой любви к пастве, желанием трудиться во спасение ее и самой способностью любить в зачаточной форме. Возгревание описанного дара хиротонии достигается, главным образом, самопринуждением к любви. Деятельно принуждая себя любить пасомых, пастырь невольно развивает и самые отеческие к ним чувства. Ради них ему необходимо бывает подчас нарушать свой покой при обращениях их к нему за советом. Он должен заставлять себя, вопреки себялюбивым чувствам недовольства, прикрывать недостаток сердечной простой любви к обращающемуся хотя внешней любезностью и лаской. Господь, видя такой труд борьбы с собой, не замедлит растворить видимую обходительность пастыря благодатной, искренней теплотой любви Его Самого. Принуждение к внешней духовной милостивости постепенно усиливает подлинную отзывчивость его сердца и внутренне склоняет его к доброте. “Милостыня, — по Златоусту, — есть мать любви”¹⁹³. “Всякого приходящего к тебе человека, особенно с духовною целью, — учит отец Иоанн Кронштадтский, — принимай с ласковым и веселым видом”¹⁹⁴.

При борьбе с эгоизмом показная любовь пастыря не составляет еще лицемерного расхождения в нем слова и дела, так как она допускается исключительно во имя чистой любви к Богу и ближним. Подобное принуждение, наоборот, достойно всякого одобрения. Посредством его незаметно преодолевается в пастыре внутреннее раздвоение и переходит в искреннее настроение. Конечно, напрягающийся свято любить паству руководитель должен блюсти меру, не перегружать сердца тяготой или чувством скрытого недовольства и раздражения. Иначе в нем может образоваться своего рода душевный надрыв, доходящий до уныния. Умеренное же принуждение себя к внешней ласковости обычно сопровождается в подвизающемся утешениями совести, радостью и покоем любви. Если пастырь на Исповеди и приемах на дому верующих несколько изнемог, напрягаясь быть любезным, то в таком случае ему полезно перейти к простому, спокойному обращению с верующими без раздражения и потворства себялюбию. Это тоже вид любви и дается легко, как реакция после душевного переутомления.

Постепенная смена спокойно-мерной простоты в обращении — более усиленной любовью, естественно, может лишь вызвать к пастырю возрастающую ответную любовь паствы. Данную психологическую деталь рельефно оттеняет в пастырском душевном строе святитель Иоанн Златоуст, говоря: “Как, скажут, нам пастырям сохранить теплоту любви? А что возбуждает любовь плотскую? Телесная красота. Соделаем же и души наши прекрасными и будем питать любовь друг к другу; ведь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сделаем сперва это, то есть чтобы нас любили; тогда легко будет и то любить других. Как же сделать, чтобы нас любили? Будем добрыми, и мы достигнем, что всегда будут любящие нас”¹⁹⁵, а следовательно, будем любить и мы...

Тогда будет “единство во множестве и множество в единстве”¹⁹⁶.

Дальнейшим средством, возгревающим благодатно-пастырскую любовь, следует считать молитву и об ее любви благодатном укреплении. Без помощи Божией неустойчивы все дарования и мероприятия людей. Поэтому пастырю при всяком общении с пасомыми — в своем ли доме, в их ли домах — следует предварительно молиться Богу о помощи, ограждая себя крестным знаменем. Молитвенное обращение к Господу умиротворит его, рассеет в нем самолюбие, укрепит его желание послужить ближним в состоянии спокойного равновесия. Особенно на первых порах служения всякий пастырь-предстоятель, по словам Лествичника, “должен молиться и о том, чтобы

¹⁹² Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 6. С. 245–246.

¹⁹³ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 880.

¹⁹⁴ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 37.

¹⁹⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 9. С. 355.

¹⁹⁶ Там же. С. 356.

ко всем иметь сострадание и рас-положение соразмерно их достоинству”¹⁹⁷. И во всяком случае, “никто не может питать враждебных чувств к тому, о ком творит моление”¹⁹⁸.

Отчасти дух любви возгорается в пастыре и некоторыми внешними содействиями паствы.

Например, пастырская обязанность постоянно вращаться среди единомышленных лиц невольно взаимно сближает руководителя и стадо. Усвояя пасомых себе и передавая им часть своей жизни и личности, пастыри с искренним обращением в кругу верующих прекрасно развивают и закрепляют в себе развитие любви. “От... взаимного общения, — замечает Златоуст, — происходит великая сила... и... умножается... любовь... Как железо острит железо, так и общение друг с другом умножает любовь. Если камень, ударяясь о камень, издает огонь, то не тем ли более душа, сообщаясь с душою.. потому великое благо — собрание. Оно делает любовь пламеннее”¹⁹⁹.

Ношение скорбей паствы в своем сердце также развивает пастырскую любовь. Человеческая природа вообще больше возбуждается горем, чем радостью, и острым переживанием скорби более сочувствует. Сами страдающие ищут скорбящих и способных подать милостыню любви. Наоборот, живущие всегда радостью, особенно духовно неразвитые, эгоистично обособляются от других и в них не находят глубокой нужды.

Необходимость общения с верующими в скорби и вхождение в их горе и нужды развивает любовь к ним в пастыре. Чем более он страдает с ними и передает как бы часть своей души, тем они становятся ему дороже и тем глубже он переживает их грехи и их внешние бедствия. Характерно то, что в сельских приходах стояние пастыря к нуждам паствы ближе, чем в городах. В селах часто встречаются пастыри тепло любящие и самоотверженные. Городские священники в отличие от сельских чаще недостаточно упражняют свое чувство сострадания, мало знают свою паству и заглушают в себе любовь к ней, отчуждаясь от нее. Лишь Исповедь дает им некоторый способ личного общения с верующими. Нередко из уст городских священников можно слышать даже признание, что они своих прихожан не знают и что им за праздничными службами контингент молящихся кажется новым.

Между тем простые верующие многими душевными чертами своими могут располагать своего пастыря к тому, чтобы он полюбил их. Так, искреннее отношение к ним с малой хотя бы степенью искреннего душевного сочувствия пастыря уже их удовлетворяет и возбуждает в них благодарность. Они, утомленные бытовыми явлениями эгоизма, ценят и незначительное проявление любви к себе. Если кто из них замечает в своем духовном руководителе усилие любить их и напряженное внимание к церковному служению, то они уважают и любят такого священнослужителя, опережая его в горячности симпатических чувств.

Обобщая все сказанное о воспитании любви, необходимо в заключение сказать, что в виде задатка ее семени любовь дана пастырю — по благодати хиротонии. При содействующих условиях она развивается свободным пастырским подвигом.

Уклонения в пастырстве от нормы любви.

Двоякое полномочие — вязать и решить пасомых — ставит пастыря лицом к лицу с коллизиями любви и правды, снисходительности и строгости. Исходы внутренней борьбы этих мотивов глубоко влияют на течение пастырского делания. Так, при коллизии *акривии* (греч. *ἡ ἀκρίβεια*) с *икономией* (греч. *ἡ οἰκονομία*) очень часто власть и правда перевешивают пастырскую снисходительность. Пастыри в этом случае воспитание пасомых строят на строгом каноническом и уставном режиме, властно ставят на первый план сознание долга и строго и важно обращаются со всеми. Для них выше всего стоят уставность и точная дисциплина, в связи с которыми они сурово и резко обличают немощных верующих, карают их на Исповеди большими епитимьями и чрезмерно обособляют себя от рядовой паствы. Здесь явно выступает возвышение правды над милостью.

Ригористическое направление пастырской деятельности несомненно имеет нечто заслуживающее одобрения. Но его никак нельзя признать бесспорно принципиальным и всецело полезным. Юридически строгое отношение к делу, безусловно, охраняет и регулирует духовно слабых людей от страстей и безнравственных поступков и подавляет их дурные инстинкты. О значении вообще авторитетной властности, имеющей значение более предохранительного порядка, прекрасно высказывается апостол Павел, говоря о гражданских властях: *Начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых* (Рим. 13:3). Каждый из них *есть Божий слуга... на добро* (Рим. 13:4). Но этот принцип применим и к духовным руководителям. Если они попускают

¹⁹⁷ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 255.

¹⁹⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 658.

¹⁹⁹ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 12. С. 164–165.

пасомым бесконтрольность поведения, то плодом такого безразличия с их стороны бывает нравственный упадок и расслабление верующих. Когда же к слабовольным людям применяют разумную строгость, тогда те встают снова на должный путь. Слабому пастырю пасомые в большинстве случаев как-то неохотно подчиняются, они инстинктивно ищут твердого душепопечения, которое с успехом осуществляет свое регулятивное назначение — особенно в моменты церковно-общественного разложения нравственности. Строгие пастыри если и нелюбимы, то лишь порочными лицами из паствы. От них встречают осуждение и вражду. Но все это они должны преодолевать, сознавая себя слугами Божиими, ответственными пред Богом за вверенные души. Переносить чью-либо вражду во имя справедливой строгости, конечно, нелегко, но спасительно для верующих. Пастырская же добродушная снисходительность хотя и легче, но не всегда полезна на практике. В силу этого пастырь, когда требуется, должен делать Божие дело с дерзновением.

При указанных своих положительных сторонах пастырская строгость все же чужда зиждательной силы. Она не поднимает новой творческой энергии в людях и не выводит у них из-под пепла порока добрых душевных сторон.

Если пастырь уклоняется в духовном водительстве, придерживается чрезмерного законничества, то правда его становится вредной и отчуждает пасомых от него, особенно на Исповеди. Кающиеся даже боятся открывать ему свои грехи и оскорбляются в глубине души его холодной требовательностью, резкостью его обличений. В результате видимо они остаются к нему любезными, но уходят от него с погасшей душой, не смягченными и не возрожденными.

Начало, созидающее души, — другое. Это — любовь. Божественное свойство, творчески сильное и способное оживлять человека. Каждый человек скрывает в своей душе задатки любви под покровом пороков и суеты. При эгоистическом взгляде на него он иногда кажется лишним, вредным и неисправимым. Общее отрицательное мнение окружающих гнетет его унынием, мучит в совести, хотя искра Божия не заглохла в нем и сказывается у него стремлением вернуться на истинный путь.

Для пастыря, обязанного искать заблудших овец, решительно нельзя только юридически подходить к немощным. Его долг — искренно сострадать и снисходить им и веровать в возможность их возрождения. Сострадающая и ободряющая любовь пастыря в состоянии освободить в них все доброе от гнета порочности и душевно воскресить их для новой, святой жизни.

Примерами животворного действия любви полна евангельская история.

Господь Спаситель, по свидетельству Евангелия, непрерывно общался с грешниками, мытарями и блудницами, ел и пил с ними, не гнушаясь их, заклеянных дурным общественным мнением. И эти всеми презираемые больные чувствовали в Спасителе оживляющую силу, до глубины своей души. Христова любовь творила из блудниц — мироносиц, из мытарей — Апостолов. Поскольку “любовь воссозидает”²⁰⁰, то в пастыре перевес должен клониться не в сторону правды, а на сторону любви, возрождающей богоподобие душ. Пастырской любовью привлекается доверие паствы и открывается возможность с успехом применять к ней, когда необходимо, и более строгие воспитательные меры.

Так воздействовал Спаситель. В первый год Своего общественного служения Он преимущественно благоотворил людей, чудотворя и исцеляя их; после же стал учить о Кресте и готовить к пастырским скорбям Своих учеников. Так должен поступать и пастырь в отношении руководимых. “В начальнике душ, — говорит Златоуст, — должно быть более милосердия... и Дух нисходит на человека для милосердия же, так как Бог милует людей и поступает человеколюбиво... священство также учреждено по милосердию... милость есть существенное свойство власти пастырской”²⁰¹.

На почве заботы о милосердии пастырь, впрочем, может нередко впасть в обратную крайность — делаться чрезмерно снисходительным, сентиментально слабым, безразборно ласковым и, на Исповеди, легкомысленно снисходительным. Уступчивость, когда необходимо сказать горькую правду, приветливость, когда следует беспощадно обличить, и — высказывание правды, извиняясь пред слушателями, наносят только вред пасомым. Обычно подобному искушению подвергаются слабохарактерные и мягкосердечные пастыри. Стремясь завоевать общественное мнение, они хотят казаться всем добрыми, любвеобильными и тяготятся строго судить вопиющие пороки верующих. Слабохарактерная пастырская любовь, по существу,

²⁰⁰ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 102.

²⁰¹ Там же. С. 255–256.

неблагодатна. Она — любовь естественная, душевная, нечистая и непрочная. Настоящих плодов от нее нельзя ждать. К пастырям, зарекомендовавшим себя такой сентиментальностью и слабостью, паства охладевает в уважении и сама чрез них духовно расслабляется.

Слабовольный пастырь должен считать истинно пастырской любовью не беспредметную жалость ко всем, покрывающую все безразлично, а любовь к Богу и богоподобному образу в человеке. Оттенок твердости в любви весьма нужен, поскольку отсекает немедленно все препятствия ко спасению. “Неминуемо, — напоминает Златоуст, — постигнет его пастыря наказание, хотя бы погиб только один человек по его вине. *Если страж, — говорит он Иезекииль, — видел идущий меч и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщут от руки стража* (ср.: Иез. 33:6)”²⁰². Отсюда: пастырская милость должна гармонично соединяться со строгостью. Пастырь, производящий духовную операцию, обязан терпеть неприятность и боль от врачуемых. “В некоторых настоятелях, — верно отмечает Лествичник, — бывает как бы природная стыдливость, застенчивость, по которой они часто молчат, когда и не должно молчать”²⁰³. Преодолевая робость, “да мещет пастырь, как камнем, грозным словом на тех овец, которые по лености или по чревоугодию отстают от стада... это признак доброго пастыря”²⁰⁴. Врач, по мнению преподобного, не предупреждавший больных о причинах усиления болезней, — причина многих скорбей — и больным, и себе²⁰⁵. Поэтому пастырю иногда полезно применять, по выражению Лествичника, кровопускание, чтобы больные спаслись²⁰⁶. “Опечаливай до времени недугующего, — учит он пастыря, — чтобы тот не закоснел в своем недуге или не умер от проклятого молчания. Многие принимали молчание кормчего за признак благополучного плавания, доколе не ударились о камень”²⁰⁷.

Обрисованные выше два типа отклонения от пастырской нормы любви в своем чистом выражении встречаются редко, но оба они вредны своими крайностями. По их сравнительной неполноценности предпочтение лучше всего отдать искренно снисходительной любви, чем непомерной строгости. Ветхозаветное законничество доньше никого не обновляет. Излишняя же доброта пастыря сильна, по крайней мере, некоторых верующих пристыдить и остановить от бесстыдного повторения. Сама совесть наложит на таких лиц обязательство становиться истинными христианами. А это, безусловно, ценнее всякой вынужденной дисциплинированности.

Говоря вообще, коррективом истинных отношений пастыря к пастве должна быть богоподобная любовь. И Господь есть прежде всего любовь. Равным образом и все Божие Домостроительство до уничтожения Христова — есть перевес любви над правдою.

Смирение.

Смирение — главное свойство пастыря.

Пастырская любовь к Богу и ближним в своем истинном выражении всегда носит определенную окраску смирения. В духовной жизни пастыря и в его воздействиях на пасомых смирение положительно необходимо. Пример тому находим в жизни Господа Иисуса Христа. Служение Первопастыря Христа Спасителя запечатлено характером необычайного смирения или *уничижения* (ср.: Флп. 2:7), начиная с “плототворения” (выражение преподобного Макария Египетского)²⁰⁸ и вочеловечивания и кончая Его позорной Крестной смертью²⁰⁹. Путь вольного “истоцания” избран Воплотившимся Словом как наилучший способ осуществления пастырского служения.

Пророк Исаия о Спасителе, между прочим, говорит, что избранный Небесным Отцом Отрок *не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, пока не доставит суду победы* (ср.: Мф. 12:19-20; Ис.

²⁰² Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 468; ср.: Там же. Т. 9. С. 38..

²⁰³ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 257.

²⁰⁴ Там же. С. 253.

²⁰⁵ См.: Там же. С. 256.

²⁰⁶ См.: Там же. С. 254.

²⁰⁷ Там же. С. 257.

²⁰⁸ См.: Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы, послание и слова... С. 406.

²⁰⁹ См.: Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 5. С. 338–339.

42:2-3). О Себе Господь Спаситель также свидетельствует: *Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11:29). Он запрещал рассказывать о чудесах Своих исцеленным и умывал даже ноги Своим ученикам. Вслед за своим Учителем и Господом Апостолы сами показывали пример смирения и преемникам заповедали пасти Божие стадо, *не господствуя над наследием Божиим* (1 Пет. 5:3). Качество смирения у настоятеля в “Правилах, пространно изложенных...” Василия Великого поставляется первым: “Каковы должны быть настоятели братства, — восклицает святитель Василий Кесарийский, — и как надобно им управлять живущими с ними вместе?” И отвечает на вопрос так: “Ибо каков настоятель... таковы по большей части бывают... подчиненные... и сие нужно исследовать не слегка ...во-первых... ему надобно по любви Христовой так преуспеть в смиренномудрии, чтобы, когда и молчит, пример его дел служил уроком, поучающим сильнее всякого слова, ...кому вверено путеводство многих... то первые, достигая в меру смиренномудрия, показанную Господом нашим Иисусом Христом, должны сделаться точным образцом. Ибо Христос говорит: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:29). Потому кротость нрава и смирение сердца да отличают настоятеля. Вот одно из качеств, которое особенно должно быть в настоятеле”²¹⁰.

Поэтому “да не надмевает тебя степень церковного чина, но более да смиряет, ибо преуспеяние души — преуспеяние в смирении... В какой мере будешь приближаться к высшим священным степеням, в такой мере смирай себя, боясь примера сынов Аароновых. Познание богочестия — познание смирения и кротости. Смирение — подражание Христу, а превозношение, вольномыслие и бесстыдство — подражание диаволу”²¹¹.

Таковы свидетельства слова Божия и отеческие о смирении — главном свойстве пастыря. В порядке духовной жизни и сравнительной важности в ряду прочих свойств смирение есть основание любви. По времени духовного обнаружения оно предшествует любви. Впрочем, нельзя при этом не пояснить, что всякая установка постепенности развития добродетельных качеств довольно условна. Духовная жизнь существенно неделима, отсюда было бы точнее любовь и смирение признать двумя сторонами единой по существу добродетели. Но о смирении как о начальной разновидности добродетели с полным правом можно говорить потому, что оно, раскрываясь в начале духовной жизни, составляет фундамент и глубину любви. В этом смысле “основание всех добродетелей, — как высказывается авва Исаия, — есть действительно смиренномудрие... а венец добродетелей — любовь”²¹². Сущность смирения состоит в самоотвержении и отречении от своеволия, что для пастырского служения совершенно необходимо. Если любовь есть жизнь в других и для других, то она немислима без самоограничения в пользу любимых, или без отречения от себялюбия, которое и выражается смирением. Как Иоанн Предтеча предшествовал Христу Спасителю в служении, привлекая к Нему народ, так смирение — предтеча любви — привлекает смиренных к Богу, Который есть любовь. Иначе — смирение есть пассивная любовь, переходящая затем в любовь деятельную. Мерило и критерий любви — именно смирение, предающее себя Божией воле, послушное авторитету Церкви, негневливое и самоукоряющее. Оно показывает, на сколько в любви пастыря примеси себялюбия. “Милость сердца, — говорит авва Исаия о проверке любви смирением, — вынашивается прощением обид и оскорблений”²¹³. “Любовь свидетельствуется неосуждением ближних”²¹⁴.

Смирение отличает пастыря не только как подражателя Христу Спасителю и примерный образец для паствы, но и составляет условие пастырского неосужденного предстояния Божью Престолу и дерзновенного ходатайства за паству. Предстоятелю Церкви естественнее всего иметь смиренный, трепетный страх пред Господом Сил. Сознание своего недостойнства некогда побудило, как и сознание величия пастырского служения, Златоуста отказываться от предлагаемого епископства. Тем более смиренное чувство должно быть неотъемлемым от пастырей, сознающих себя теплохладными и по грехам своим недостойными посреднического служения. “Не думаю, — говорит Иоанн Златоуст, — чтоб в среде священников было много спасающихся; напротив здесь — гораздо больше погибающих, и именно потому, что это дело требует великой души”²¹⁵. Надежда на спасение у всех пастырей может возникать лишь из смиренно-покаянного чувства. *Сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничтожит* (ср.: Пс. 50:19). О смирении напоминает пастырю

²¹⁰ Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 5. С. 158–159.

²¹¹ Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 5. С. 51.

²¹² Цит. по: Свт. Игнатий Брянчанинов. Отечник. С. 182.

²¹³ Цит. по: Свт. Игнатий Брянчанинов. Отечник. С. 195.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 9. С. 38.

всякая утренняя и Литургия. За утреней, во время шестопсалмия, он, как изгнанный из рая, читает пред Царскими вратами десятую покаянную светильничную молитву о помиловании. На Литургии, пред херувимской песнью, его уста и сердце свидетельствуют о своем недостойнстве приближаться к Царю Славы вследствие связания себя плотскими страстями и похотью.

И всякое богослужение — повод для него перемежать в себе покаянные и смиренные воззвания к Богу. Смирение должно быть неотлучно у пастыря при всякой мысли о Боге, пред Которым даже Небо нечисто (см.: Иов. 15:15); и в отношениях к людям оно необходимое условие нравственного воздействия и его требует самый строй падшей человеческой души. Богообщение утрачено людьми чрез гордость — обособляющую и разъединяющую. Горделивость превращает человека в раба самолюбия, хотя слепо и ценится им подчас выше свободы от всякой страсти. Гордость заманивает в свои сети посулами независимости, самостоятельности и обещаниями мнимых “прав личности.” Гордый встречает смирение неохотно и враждебно. Он решительно отстраняет от себя всякое стороннее влияние, которое ему представляется унижением, и от воздействий скрывается как улитка в раковину, борясь за свою личность. Ему тягостна власть родительская, педагогическая, гражданская. Он считает себя человеком, не требующим учения и доходит до “апофеоза беспочвенности” (Л.И. Шестов). Подобное настроение, безусловно болезненное, врачуетсЯ смирением, и особенно успешно — в монастырях. Здесь отсечение своей воли и послушание старцам ставится во главу угла жизни и взаимоотношений с братьями-иноками. Но и живущие вне монастырей опыт смирения считают необходимым делом до самой смерти. “Видел я, — пишет Иоанн Лествичник, — настоятеля, который от крайнего своего смирения советовался в некоторых делах со своими духовными чадами”²¹⁶. Равно Златоуст однажды говорил своим пасомым: “Я не отказываюсь слушать вас; нет, — я хотел бы, чтоб вы исправляли меня, хотел бы учиться у вас”²¹⁷.

Истинная свобода и всяким пастырем должна полагаться в смирении. Отречением от своей личности он должен дорожить более, чем возвышением внешнего порядка. Он — по завету Христову врач душевно болящих, первый слуга их спасения. Любовь его к пасомым должна быть непременно смиренной, чтобы преодолевать мирскую гордость. Если проникшийся смиренным чувством пастырь считает себя неспособным и недостойным распространять кругом себя свое человеческое личное влияние или властно господствовать над окружающими, то паства, отложивши всякую подозрительность, охотно объединяется с ним и подчиняется его влиянию. Формы проявления смирения в жизни пастырской слишком разнообразны, чтобы их можно было описать кратко. Они характерны наиболее тем, что все пронизаны вместе и любовью. По этому поводу преподобный Ефрем Сирийский восклицает: “Кто же богат любовью, как не смиренный?”²¹⁸, а “кто любит смирение, тому легко любить и Бога”²¹⁹. Смирение упрочивает влияние пастыря на паству. Применяемое же внешне, с иезуитским лицемерием, оно подрывает пастырский авторитет. Позволяя себе господствовать над своим стадом с притворным внешним самоуничижением, пастырь лишь вооружает против себя пасомых.

Борясь с личными порывами властолюбия, пастырь должен принуждать себя к соблюдению естественности, простого тона в обращении со всеми и к хранению спокойной интонации в речи, и немаловажно ему напоминать себе, что для всех людей, в том числе и для него, смирение есть предначертанный свыше путь спасения. Если он достигает смирения детски чистого, то Бог открывается ему ощутительно. Загрязненному же гордыней пастырю Бог непостижим, потому что он ослеплен нечистотой и не способен к непосредственному общению с Богом. Сокровенность действия благодати в пастырях, особенно на первых порах их духовной жизни, попускается Богом именно за их склонность гордиться и усвоение себе способности достигать добродетелей своими силами.

При необходимости для себя смирения, пастырь, говоря словами Лествичника, “не должен всегда безрассудно смиряться пред подчиненными”²²⁰, чтобы его смирение не было поводом к духовной распушенности паствы. Ему полезно хранить и внутреннее самоуничижение и держать видимо авторитетную силу, которая заставляла бы всех иметь к нему надлежащий страх. Излишнее смирение нередко вредно, нуждается в восполнении твердостью и строгостью, даже беззлобным гневом (см.: Пс. 4:5), под коим разумеется возбуждение волевой энергии или ревности. Пастырская

²¹⁶ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 259.

²¹⁷ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 9. С. 41.

²¹⁸ Прп. Ефрем Сирийский. Творения. Ч. 4. С. 318.

²¹⁹ Там же. С. 320.

²²⁰ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 259.

энергичность из богоугодных мотивов, с сохранением чистым центра души и самообладания, — явление положительное.

Иногда пастырское смирение сочетается со слабостью. В таких случаях пастырю кажется, будто он смиряется спасительно, на самом деле он просто малодушничает пред людьми более сильной воли, в которых подобное фальшивое смиренничанье вызывает одно чувство своего превосходства. Поэтому он должен преодолевать собственное малодушие, избегать фамильярности и вольности в обращении с пасомыми и не допускать подделки смирения панибратством и напускными вольными манерами. Горячую духовную любовь ко всем ему лучше всего совмещать с некоторой отдаленностью от пасомых, так как он — сущий в мире и вместе служитель Премирного Господа. Этим не нарушается единство души его с паствою, а закрепляется. С данной точки зрения совет архиепископа Антония (Храповицкого) пастырю — быть широко откровенным с пасомыми в обиходной жизни²²¹ — едва ли пригоден. Святые Отцы Церкви восстали против вольного обращения пастыря с верующими, о чем, например, у Лествичника читаем: “Господь даже Сам часто закрывает очи подчиненных не видеть немощей в предстоятеле; а когда сам предстоятель начнет им объявлять свои недостатки, тогда родит в них неверие”²²².

Нечто подобное высказывает и епископ Феофан Затворник. Сокровенность, по словам его, не худое дело, и лишь с духовником необходимо быть вполне открытым.

Крестный путь пастыря.

Преимущество в страданиях.

Крестный путь, обязательный для всякого христианина, тем более обязателен для пастырей. Излишние заботы их об освобождении от тяготы скорбей, говоря языком преподобного Симеона Нового Богослова, есть — богоборчество²²³. Крестоношение определено пастырю Господом как вернейший и единственный путь к духовному обновлению. *Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7:14), — учит Спаситель.

И еще говорит: *Кто хочет идти за Мною, да отвержется от себя, возьмет крест свой и за Мною идет* (ср.: Мк. 8:34), *кто не примет креста своего... тот не достоин Меня* (ср.: Мф. 10:38). Поэтому преподобный Исаак Сириянин апостольское выражение *все, хотящие жить благочестно, будут гонимы* (ср.: 2 Тим. 3:12) объясняет в смысле необходимости для пастырей терпения разных скорбей²²⁴. Скорбь, теснота, лишения, по выражению преподобного Симеона Нового Богослова, попускаются “к усилению и возвышению... благочестия. Пока не испытает кто искушений, не может понять и познать сокровищ в них сладости и силы для жизни по Богу... Кто живет покойно и не имеет искушений, тот подвержен двум невыгодам: первая, что не так усердствует к Богу и не от всей души благодарит Его, а вторая, что ум его... вдается в суетные попечения и заботы... поэтому сколько потребно для нас дышать воздухом, столько потребно благодарить Бога в самых искушениях, скорбях и лишениях, каким подвергаемся, идя путем богоугождения”²²⁵. Господь первый подъял их, за Ним — Апостолы, и все истинные христиане переносят их, не прося избавления, а лишь умоляя Спасителя “даровать им терпение”²²⁶. Усиливаясь избавиться от скорбей и во что бы то ни стало достичь обилия во всем, вопреки Божию Определению кому-ли-бо жить в скудости, — значит действовать против Бога²²⁷.

Этот вывод сурового и строго-принципиального Симеона Нового Богослова совпадает с учением Златоуста, Исаака Сирина и прочих святых Отцов. “Невозможно человеку... прожить без скорбей... — говорит Златоуст, — кто хочет достигнуть покоя, тот (здесь) пусть терпит скорби”²²⁸.

Пастырям Церкви, сравнительно с прочими христианами, Господь определил на земле преимущество в страданиях. В лице Апостолов Он сказал всем пастырям: *Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься* (Мк. 10:39). Прикровенно та

²²¹ См.: Архиеп. Вольнский Антоний (Храповицкий). О православном пастырстве. С. 45.

²²² Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. С. 259.

²²³ См.: Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 72.

²²⁴ Прп. Исаак Сириянин. Подвижнические наставления. С. 685.

²²⁵ Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 1. С. 73, 74.

²²⁶ Там же. С. 73.

²²⁷ См.: Там же. С. 71.

²²⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 761, 783.

же мысль — готовиться к борьбе за веру Христову — выражается в повелении Христовом Апостолам продать одежду и купить меч (см.: Лк. 22:36). О пастырском кресте Господь Спаситель ясно беседует в прощальной беседе, где говорит апостольскому сонму: *В мире будете иметь скорбь... Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Ин. 16:33; 16:2). Из первых пастырей вся жизнь, хотя бы апостола Павла, была сплошным пастырским крестом. Ученику своему, апостолу Тимофею, он также заповедует страдать, говоря: *Зло переноси, как добрый воин Иисуса Христа* (ср.: 2 Тим. 2:3). Скорби — прямое отличие пастырского служения. “Все мы равно братья Христовы,— говорит Златоуст пастве,— все у нас общее. В чем же состоит мое преимущество пред вами? В заботах, трудах, беспокойствах, в скорби об вас”²²⁹. Эти скорби он даже сравнивает с материнскими муками рождения, восклицая: “Я многих из вас родил, но и после этого страдаю муками рождения. Плотские матери прежде испытывают муки рождения, а потом уже рожают; здесь же даже до последнего издыхания нашего — муки рождения и (опасение), как бы и после рождения не оказался кто-либо неблагоприятно родившимся”²³⁰.

Иначе и быть не может в Церкви. На земле — борьба духа и плоти. Пастыри воинствующей Церкви — соль, свет, строители; вожди ее — соратники и сподвижники Богу (см.: Мф. 5:13-14; 1 Кор. 3:9). Совершенно необходимо, чтобы они первые принимали на себя тяготу борьбы, как предречено и Спасителем в словах: *Если бы вы были от мира, мир любил бы свое. А как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего* (ср.: Ин. 15:19-20). Мысль о борьбе пастырского духа с плотью подробно раскрывает святитель Тихон Задонский, который, между прочим, говорит: “Пастырям надобно к терпению приуготовляться, и всегда... бедствия... ожидать, и нашедшее — терпеливым сердцем нести... Им во образ — Сам Пастыреначальник Иисус... святые Апостолы... Его... которые укоряемы были... хулимы были, как сор в миру (ср.: 1 Кор. 4:13), и святители Христовы, преждебывшие, которые столько... претерпели”²³¹.

Таким образом, исключительность пастырского креста обуславливается обострением духовной борьбы у пастыря. Подвиг веры, молитвы и стремления к нравственному совершенству он переживает глубже, болезненнее и труднее, чем простые миряне. Изображая подобную борьбу пастырской души за добродетель, отец Иоанн Кронштадтский говорит: “Хочешь молиться — теснит враг духовно и физически; хочешь писать проповедь по долгу — теснит ленинью; везде — тесноты. Дым адский усиливается затмить и стеснить душу даже тогда, когда пред тобою предлежит Святая и Страшная Жертва, когда причащаешься ее, и — при совершении всех Таинств. Чем важнее священнодействие, тем сильнее и яростнее нападает враг”²³².

Особенная острота скорбей порождается в пастырской душе на почве обязанности жить для паствы и всех любить как родных, кровных чад. Любовь сама по себе с трудом приобретает и скорбнее всего не в сорадовании, а в сострадании всяким людским тяготам и несчастиям. Пастырь обязан страдать не за своих только пасомых, но и за всех верующих вселенной вообще. Одаренный в хиротонии благодатью универсальной Божественной любви, он на все обязан смотреть с точки зрения как бы Самого Бога. Ради любви к человеческому роду Отец Небесный не пощадил даже Единородного Сына. Так и для пастыря, в сущности, все — свои; все — дорогие, и он весь для всех. “Священник,— замечает Златоуст, — есть как бы общий отец целой вселенной; поэтому прилично ему заботиться о всех подобно тому, как (заботится) Бог, Которому он посвятил себя”²³³. “Хотя бы и другой, как это часто бывает, родил кого-нибудь (в жизнь духовную), тем не менее я беспокоюсь (о рожденном), потому что мы рожаем не сами от себя, но все принадлежит благодати Божией”²³⁴.

Стоит лишь представить один объем этой любви, когда скорби всех или хотя ближайшей паствы, как радиусы в центр, сходятся в одну душу пастыря. Тогда вполне понятен будет его исключительный крест.

Даже качественно пастырская любовь мучительнее всякой другой. Сострадание родителей и вообще людей чаще всего обнимает плотские и земные скорби временного порядка. Духовные отцы, смотря на все вещи более глубоко, расценивают земные переживания пасомых с точки зрения Вечной Жизни. И когда те безнравственны и беспечны о спасении, они болезненнее беспокоятся за

²²⁹ *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 606.*

²³⁰ Там же.

²³¹ *Свт. Тихон Задонский. Сочинения. Т. 9. С. 60–61.*

²³² *Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 213.*

²³³ *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 658.*

²³⁴ *Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 606.*

каждую гибнущую овцу, как обязанные дать за нее Богу ответ. Нечто похожее рассказывают об одной матери, лишившейся на войне сына, о ее страдании. Когда у нее в это же время заболели нестерпимо зубы и ей предлагали их лечить, то она отказывалась от лечения, стараясь зубною болью заглушить в себе более жгучую скорбь об утрате сына.

Единственную по силе Первопастырскую скорбь за весь мир пережил две тысячи лет тому назад Господь — Первосвященник нашего исповедания. Причастником Его скорби делается и всякий священник, принимая на себя грехи своего прихода и сторонних лиц, отдающих себя его руководству.

Вот по каким соображениям духовная любовь должна быть названа крестной и многоскорбной.

Она к тому же неотлучна от постоянного и глубокого самоотвержения. Пастырю приходится полюбить не кровных детей, которых способны любить и злые родители (см.: Мф. 7:9-11), а детей чужих. Для этого требуется большое нравственное напряжение и возгревание дара хиротонии. Разрастание количества нуждающихся в любви пастыря требует от него громадной траты духовной энергии. Здесь пред нами вырисовывается любовь не короткая или — к немногим, а — неограниченная по объему и трудная.

Характерно при этом еще то, что к пастырю большей частью прибегают за помощью лица духовно больные, нравственно изломанные и прискорбные. Какое же напряжение необходимо делать при общении с массами больных, какое иметь снисходительное терпение, смиренное внимание и какую мудрую рассудительность! Иному душевно больному следовало бы сказать прямо слово обличения, а он, раздражительный, напротив, ожидает малополезной ему ласки. Другой мысленно согласен с пастырскими о себе грустными заключениями, но по самолюбию внутренне и внешне протестует. Третий готов сам обрушиться на своего духовного отца с градом обличений. Четвертый вообще не терпит постороннего вмешательства в личную жизнь и так далее. Все это не может не раздражать пастыря. Ему подчас трудно сдерживаться при столкновении с самолюбием и протестом тех или иных верующих. В связи с этим святитель Григорий Богослов проникновенно и глубоко выразился о крестном пастырском подвиге, говоря: “Трудно врачевать телесное, но духовное врачевание еще труднее... и по свойству врачедуемого, и по силе знания, и по цели врачевания”²³⁵. А святитель Иоанн Златоуст пишет, что “исчислять все здешние трудности пастыря... не что иное, как измерять море”²³⁶.

На основании сказанного ясно, что быть истинно добрым пастырем есть крест из крестов. Пастырь среди верующих всегда стоит лицом к лицу пред человеческим самолюбием, чувствующим свое достоинство и личные права, неохотно склоняющимся к послушанию и мыслящим критически. Иные члены паствы индифферентны к религии, распущенны, механичны в отправлении религиозных обязанностей. Поэтому справедливо, что к ищущему пастырства применимы древние апостольские слова, что — в служении Церкви кандидаты священства ищут *доброго дела* (ср.: Тит. 2:7), то есть подвига. Мучительность пастырских скорбей минует одних тех служителей Церкви, которые посредством церковной работы пытаются не пасти Божие стадо, а лично “пастися паче, нежели пасти, хотят”²³⁷, служа не ради Иисуса, а ради хлеба куса, как остроумно заметил святитель Димитрий Ростовский.

Встречается немало пастырей-наемников, ограничивающих пастырские скорби хлопотами во время совершения треб и упокоивающихся на ложе буржуазной беспечности. Такому пастырству устами пророка Иезекииля угрожает Господь, говоря: *Горе пастырям Израилевым, которые пасти самих себя! не стадо ли должны пасти пастыри? Вы ели тук и вАолною одевались, откормленных овец заколали, а стада не пасти. Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилем и жестокостью. И рассеялись они без пастыря и, рассеявшись, сделали пищую всякому зверю полевому... Посему, пастыри, выслушайте слово Господне... вот, Я — на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их* (Иез. 34:2-5, 7, 10).

Утешение креста.

За скорбной видимой стороной пастырского креста Господь приготовил и открыл много высоких утешений.

²³⁵ Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 1. С. 21.

²³⁶ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 476–477.

²³⁷ Свт. Тихон Задонский. Сочинения. Т. 9. С. 49.

Несение креста безропотное и мужественное приносит глубочайшее внутреннее удовлетворение всем людям, равно и пастырям. Всеобщий закон жизни человеческой души сказывается, между прочим, в глубочайшей потребности страданий.

Все искренние люди, и религиозные, и безрелигиозные, не одобряют буржуазно-эгоистического образа жизни, считают его безнравственным и беспринципным, а человеческое достоинство полагают в борьбе за идеалы. Борьба неотделима от страданий. Оправдание страданий обычно находят в надеждах на будущее всеобщее безмятежное счастье и довольство на земле. Это теоретическое истолкование смысла скорбей в действительности неполно. Следовало бы сказать, что подвиг, труд, борьба, страдания составляют выражение инстинктивной жажды природы павшего человека, дающей право на последующее покойное существование. Потому чуткие люди не могут представлять себе возможности совместить в себе счастье с греховностью без покаянной скорби. Сытая и физически обеспеченная жизнь кажется им бессодержательной, скучной и пустой. Жизненной задачей они справедливо признают борьбу, и притом скорбную, после которой желают правосудно достичь выстрадавшего блаженства. Видимо Сам Господь в падшую природу заложил жажду подвига и труда *до пота лица* (ср.: Быт. 3:19), чтобы человечество не опускалось в самодовольный эгоизм, жестокость и скотоподобную беспечность, но сердечно воспаряло к Богу.

Здесь нельзя не оговориться. Отмеченное идеальное воззрение на страдание не удержалось во всех людях. Одни из них погрузились в пороки, другие в пессимизм, третьи в прямое отчаяние, как это видим в буддийском учении о превосходстве небытия. Для признавших страдания безумием и бессмыслием, конечно, *слово* Апостола *о кресте* представлялось “абсурдом,” *юродством* (ср.: 1 Кор. 1:18), хотя оно и составляло премудрое практическое выражение инстинкта.

Только в христианстве крест скорби признается славным венцом, Божиим даром (см.: Флп. 1:29) и знаком Господней любви к родным чадам. Скорби в христианах вызывают вместо ропота чувство духовной радости. Напоминая об этом, апостол Иаков говорит: *С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения* (Иак. 1:2). И апостол Павел не хочет ничем хвалиться, как только *крестом... Иисуса Христа Распятого* (см.: Гал. 6:14). По христианскому взгляду глубокий смысл страданий заключается в обновляющем их значении для внутреннего человека. Они умерщвляют духовность души с ее гордостью. Христианство, не освобождая от страданий, тем не менее обогащает страдавших такими благодатными силами, которые понижают мучительность их переживаний и располагают страдания предпочитать благоденствию. Так, *верую некогда Моисей, пришед в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища* (ср.: Евр. 11:24-26). В агиографической литературе Православной Церкви бесчисленное количество раз иллюстрируется та же истина, как подвижники готовы были всегда переносить боль аскетических лишений и внешних невзгод, считая скорби не злом, а величайшим Божиим даром.

Христианство — жизненная вера именно в том отношении, что сообщает своим последователям способность и мужество побеждать страдания, страх самой смерти и сверхъестественно радоваться в самых муках. Пастырь, без сомнения, первый среди мирян должен показывать плоды религии креста в форме победы над миром скорбей... Как Пастыреначальник добровольно и охотно избрал (см.: Ин. 10:18) Крест исполнения воли Небесного Отца, так и ведущие от Него начало пастырства подчиняются долгу нести специальный пастырский крест. Своим Апостолам Спаситель задолго до Голгофских мук предрекал о Своем благодетельном для мира Крестном подвиге в словах: *Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания* (Лк. 22:15). Сладость этой *пасхи* впоследствии постигли все Апостолы, а за ними постигают все истинные пастыри.

Пастырская любовь к пасомым наряду с расплавляющей сердце скорбью содержит в себе величайшую отраду, которая делает эту скорбь привлекательной, весьма желательной и, как выражались святые Отцы Церкви, радостотворной. Если внутренне ценно вообще человеческое страдание, то повышенно ценно страдание по любви к Богу, ближним и по любви к добродетели. Любовь выражает основное богоподобие человеческой природы. Она восстанавливает в человеческой личности образ Божий и подлинного человека. А так как именно в скорбях и трудностях креста настоящим образом проявляется пламенно горящая любовь и удовлетворяет любящих высокой усладой, то терпение скорбей пастырем становится лозунгом пастырской жизни по преимуществу. Чем больше любовь пастыря, тем сильнее у него жажда страдать. Так, мать особенно выражает свою любовь к детям, когда видит их страдающими. Она при этом забывает о

себе, о пище и о сне своем, и отрыв ее от детей в данный момент может только причинить ей невыносимейшую муку.

И в пастырской “родительской” любви, несмотря на ее трудность, кроется высокое наслаждение. Оно умножается по мере расширения объема любви. “Хотя и большое потребно попечение о множестве людей, — пишет Златоуст, — тем не менее мы непрестанно молимся о том, чтобы увеличилась для нас эта забота... Так и мать, печалась о своих детях, радуется своей печали; заботится о своих детях и радуется этим заботам. Хотя забота сама по себе неприятна, но когда она бывает о детях, то доставляет великое удовольствие... подобно этому и я страдаю муками рождения... но даже до последнего издыхания... несмотря на то, я сильно желаю (переносить такие страдания)”²³⁸. “Пусть мене весь мир ненавидит, когда хочет... — пишет также святитель Тихон Задонский, — только бы Бог Един любил мене... Не хочу я ничего ни на земли, ни на Небеси, кроме Тебе Единого Бога и любви Твоея”²³⁹. Достоинство пастырского сострадания и любви определяется именно радостным характером.

Крест пастырства много облегчается и рас-творяется утешением от самого сознания его высоты и приближением пастыря чрез него ко Христу Спасителю.

Кто несет пастырский крест истинно, тот Божий соратник, доверенный и друг Божий. Что может быть выше такого дара? Как в общежитии ответственные поручения обычно возлагаются на лиц особо доверенных, способных и любимых, так и Господь Спаситель соизволяет на избранников возлагать пастырский крест в знак исключительного Своего доверия к ним и по кончине уготовляет им неопикуемые награды за драгоценный труд их.

Никакую, даже малейшую, скорбь пастыря Господь не оставит без внимания, ни один вздох сочувствия пастве не забудет.

Труды принесут ему плод в свое время, возродят духовно руководимых. Тогда сознание плодотворности мук уравнивает пережитые им длительные скорби и претворит в благодатную радость и глубокую благодарность Господу. *Женица*, — говорит Спаситель, — *когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир* (Ин. 16:21). “Мне кажется, — восклицает Златоуст в одном обращении к пастве, — я летаю (от радости), когда услышу о вас что-нибудь хорошее”²⁴⁰.

К сожалению, в среде служителей Церкви, работающих на страде пастырства, встречается немало наемников. Они не принимают креста своего с любовью и тяготеют им и всегда не удовлетворены. Чрез это жизнь их превращается в скучное, пустое и малосмысленное прозябание. Совесть же обличает их в душевной раздвоенности, равнодушии к пастве и малодетельности, когда они, свободные от мирских работ, не хотят трудиться на своей ниве и тем готовят себе за-гробные терзания от вечного сознания неисполненного долга.

Опытность пастыря в перенесении скорбей и значение ее для возрождения паствы.

Обычное переживание тяжких скорбей пастырем и его умение кротко и спокойно их терпеть в высшей степени поучительно для пасомых. Много переживший руководитель словесного стада в состоянии быть истинным утешителем пасомых. *Сам искушен быв, может и искушаемым помочь*, — проникновенно говорит о Спасителе апостол Павел (ср.: Евр. 2:18).

Такими искуснейшими миротворцами были все великие пастыри Церкви, например в древности святители Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов и другие, а в наше время хотя бы отец Иоанн Кронштадтский. Они неотразимо убеждали слушателей быть равнодушными к мирским благам, легко переносить материальную скудость и сильнее всего бояться одного греха. “Священники Господни! — пишет отец Иоанн Кронштадтский в своем дневнике. — Сумейте утешением веры обратить ложе печали страдальца-христианина в ложе радости, сумейте сделать его из несчастнейшего, по его мнению, человека — человеком счастливейшим в мире, уверьте его, что, *вмале быв наказан, он будет великими благодетельствован* (ср.: Прем. 3:5) по смерти: и вы будете друзьями человечества, Ангелами Утешителями, органами Духа Утешителя”²⁴¹.

²³⁸ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 605–606.

²³⁹ Цит. по: Игумен Тихон (Ципляковский). Святое, высокое служение иерея Божия... С. 187; ср.: Свт. Тихон Задонский. Сочинения. Т. 14. С. 168.

²⁴⁰ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 9. С. 41.

²⁴¹ Прав. Иоанн Кронштадтский. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 8.

Пред Крестными страданиями Господь Спаситель отметил обратившимся к Нему эллинам, что Сын Человеческий прославится не за чудеса, вызывающие часто непрочную легковверную славу, а за страдания. *Когда Я вознесен буду от земли на Крест, — тогда всех привлеку к Себе* (ср.: Ин. 12:32), — сказал Он о пути Своего прославления.

И для всякого доброго имеются хриstopодражательные условия, при наличии которых руководимые доверяют искренности его идеалов и подчиняются его авторитету невзирая на свой эгоизм. Сюда принадлежит, во-первых, упомянутое выше смирение, или тихое, кроткое проявление самоотвержения, и яркая форма самоотвержения — прямые страдания по любви к душам. *Пастырь добрый, — по слову Спасителя, — душу свою полагает за овец, ибо нет больше той любви, как если кто душу свою положит за друзей своих* (ср.: Ин. 10:11; 15:13). Пастырские страдания способны привлечь к страдальцу даже недругов, если они крайне не ожесточат своего сердца.

Это подтверждается наблюдениями над общечеловеческой психологией. В человеческом обществе имеет широкую распространенность вера в глубокое значение страдания. Здесь уважаемы всеми даже враги, ведущие искреннюю принципиальную борьбу за свои интересы. Страдания и кровь (ср.: Евр. 9:22) органически связывают людей на почве мщениия, ненависти и тем более любви.

Эта мысль раскрыта апостолом Павлом в девятой главе Послания к Евреям, где читаем: *При заветании необходимо, чтобы последовала смерть заветателя... почему и первый завет был утвержден не без крови* (ср.: Евр. 9:16-18). Потому и Христос, Первосвященник будущих благ... со Своею Кровию однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление (ср.: Евр. 9:11-12). Кровь Христова была лишь самым могучим последним звеном в общей цепи страданий Искупителя, привязавшим к Небесной скинии уверовавших в Него. Подобно этому и кровь мучеников, как справедливо подметил Тертуллиан, становилась семенем христиан²⁴². И доселе ко Христу притягивает, безразлично всех обращающихся к Нему, Крест Его, выразитель Божественной любви.

Ввиду сказанного понятно, насколько закрепляют дело Христово пастырские скорби во имя Спасителя, насколько могуче возбуждают они любовь к христианству даже лиц, ему враждебных. «Пусть тебя гонят,— говорит преподобный Исаак Сирийский пастырю,— ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай; пусть на тебя клеветают, ты не клеветай»²⁴³.

«Такова наша жизнь, — замечает Златоуст, — таково свойство апостольского призвания, чтобы переносить бесчисленные бедствия. *Яко на сие лежим, — говорит Апостол* (ср.: 1 Фес. 3:3). Что такое — *на сие лежим*? Как съестные припасы предназначены для того, чтобы идти в продажу, так и апостольская жизнь для того, чтобы подвергаться поношению, терпеть всякое зло, никогда не успокаиваться, никогда не иметь облегчения»²⁴⁴.

По возвращении из первой ссылки Златоуст, описывая воспламенение к нему любви добродетельной паствы, красочно говорит: «Прежде любили меня мои, а теперь почитают и иудеи; думали удалить меня от моих и привлекли ко мне чужих... Прежде наполнялась одна только церковь, а теперь и площадь стала церковью... Что мне говорить? Где сеять?.. Где мне созидать? Храм переполнен, сети мои разрываются от множества рыб... Видите, как истинно то, что я всегда говорил вам, то есть кто мужественно переносит искушение, тот собирает от него и великие плоды»²⁴⁵.

И эти плоды, добавим от себя, возрастут везде, где только посеяны будут пастырские скорби. *Зерно если не умрет, то и не оживет* (ср.: 1 Кор. 15:36). Вследствие сказанного пастырь не только не должен бежать скорбей или роптать на них, но радостно терпеть их с верой в помощь Божию и с уверенностью в их спасительную необходимость. Ему можно надеяться на вкушение плодов страдания еще на земле, в момент переживания.

Трудящемуся земледельцу,— внушает апостол Павел тотчас после речи о пастырских скорбях,— первому должно вкусить от плодов. Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем (2 Тим. 2:6-7). Чем больше пастырь будет сострадать пасомым, тем более он будет желать утоления жажды из чаши состраждущей любви и все счастье свое будет полагать в

²⁴² «Plures efficitur quoties metimur a vobis, semen est sanguis Christianorum» (Quintus Septimius Florens Tertullianus. Apologeticus. Cap. 50 // Opera... omnia. Parisiis, 1616. Т. 1. Р. 81). В переводе с латинского языка: «Нас становится больше по мере того, как вы уничтожаете нас: кровь христиан есть семя». — Примеч. ред.

²⁴³ Цит. по: Игум. Тихон (Ципляковский). Святое, высокое служение иерея Божия... С. 207.

²⁴⁴ Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. С. 543.

²⁴⁵ Там же. С. 455, 456, 456.

кресте. Таково было служение Пастыреначальника Господа. Таковы были вселенские пастыри. Таким был известный всем отец Иоанн Кронштадтский. Он с *воссияния солнца* выходил на дело свое и на делание свое до вечера (ср.: Пс. 103:22-23), неся непрерывный, но радостотворный крест состраждающей любви до заката своих дней. Такими будем и мы, заурядные пастыри, но не забытые и любимые Христом Спасителем.